

1014
2-35

Очерки ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

9/91
0-95

33874

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

*С древнейших времен
до конца XIX века*

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕНЗЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1973

Настоящая книга предназначена прежде всего для учителей школ Пензенской области. Она может служить также в качестве пособия для учащихся старших классов, студентов и преподавателей высших учебных заведений. Познакомиться с нею будет полезно и всем тем, кто изучает историю родного края.

При написании книги были использованы разнообразные литературные источники, а также материалы, извлеченные из местных и центральных архивов.

Авторы стремились полнее осветить те события, явления, факты, которые особенно важны для выполнения учебно-воспитательной работы с подрастающим поколением.

В «Очерках» история Пензенского края дается в тесной связи с важнейшими моментами истории нашей Родины. Такое изложение краеведческого материала, по мнению авторов, будет способствовать лучшему пониманию читателем не только событий, происходивших на Пензенской земле, но и общего хода исторического развития страны.

Данная книга является первой попыткой создания краеведческого пособия по истории родного края. Редакционная коллегия и авторский коллектив надеются, что она окажет помощь учителю как при подготовке к урокам, так и в проведении факультативных и внеклассных занятий.

Редакционная коллегия:

*А. Ф. Дергачев, Е. Я. Дмитрук, Н. В. Караульных,
В. И. Лебедев, Е. С. Фрейдина.*

I. НАШ КРАЙ В ДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ

Территория, занимаемая Пензенской областью, невелика. Ее площадь составляет чуть более 43 тысяч кв. километров. Расположена она в юго-западной части Среднего Поволжья и находится на стыке трех природных зон. На западе к ней примыкает полоса Центрально-Черноземного центра, на севере—области Нечерноземного центра, а на юге — засушливое Поволжье. Поэтому географические условия нашего края весьма разнообразны.

На большей части территории области расположены отроги Приволжской возвышенности, а на крайний запад заходит Окско-Донская низменность. Климат умеренно-континентальный, с довольно жарким летом и холодной зимой. Из рек самыми полноводными являются Сура и Мокша, а также Хопер с притоками Арчеда и Ворона. Область в основном покрыта деградированными и выщелоченными черноземами. Крайний юг—тучными черноземами, а на правобережье Суры сосредоточены оподзоленные и серые лесные почвы, занятые в значительной части лесами.

Однако в древности природные условия Пензенского края были несколько иными. Около 15 тысяч лет тому назад на просторы Восточной Европы пришли теплые ветры. Основные элементы ландшафта Среднего Поволжья, в том числе и нашей области, приобрели современный вид. В лесах росли береза, дуб, ясень, сосна. Сура немного обмелела, но все-таки была намного шире, чем сейчас. В лесах бродили дикие олени, лоси, кабаны, водилось много бобров, зайцев, часто встреча-

лись медведи. На степных просторах нашего края привольно паслись сайга, дикие лошади и другие степные животные.¹

Люди селились по берегам небольших рек и озер. Они ловили рыбу. На зверя охотились при помощи лука и стрел, копий, наконечники которых были искусно сделаны из кремня и кости. Жили наши далекие предки в примитивных жилищах.

Начало заселения Среднего Поволжья относится к эпохе древнего каменного века — верхнего палеолита.² Но массовое заселение этой территории, в том числе и Пензенского края, началось в более позднее время — в неолите, приблизительно с 5—4-го тысячелетия до н. э.

Стоянок эпохи нового каменного века на территории нашего края открыто пока немного. Основными из них считаются Озименки и Кавендра возле Наровчата, Пензенские, куда входит несколько небольших стоянок, расположенных недалеко друг от друга, Бессоновская, Земетчинская. Эти стоянки находятся на берегах рек или на дюнообразных возвышениях.

На основе археологических раскопок указанных выше стоянок можно судить о том, как жили люди в те далекие времена. Например, при обследовании наиболее известной и изученной стоянки Озименки в самом нижнем культурном слое, датированном 4—3-им тысячелетием до н. э., найдены обломки глиняных сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, наконечники стрел из кремня, отщепы, скребки и другие каменные орудия труда. Здесь же были обнаружены и предметы, изготовленные из костей диких животных.

На этой стоянке были открыты остатки жилищ — полуземлянок. Сверху они имели двухскатное перекрытие, опирающееся на столбы. Форма их была близка к прямоугольной. Вдоль стен жилища шли земляные «нары» для сна, которые покрывались шкурами. В центре находился очаг. Вход в землянку был с подветренной стороны. Крыша землянки сверху засыпалась землей, чтобы зимний холод не проникал в жилище.

К концу 3-го тысячелетия до н. э. в Среднем Поволжье, в том числе и в нашем крае, начинается поте-

¹ А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 7—33.

² А. Х. Халиков. Указ. соч., стр. 6—7.

пление климата. В связи с этим граница смешанных и хвойных лесов несколько переместилась к северу. На их место продвинулись степи и лесостепи, которые доходили до левого берега Оки.³ Скотоводческие племена, жившие до этого на Южном Урале, в Предкавказье и в причерноморских степях, стали постепенно передвигаться к северу и заселять вновь образовавшиеся степные просторы.

Уже на ранней стадии складывавшегося скотоводческого хозяйства «пастушеские племена, — указывал Ф. Энгельс, — выделялись из основной массы варваров: это было первое крупное общественное разделение труда».⁴

Вполне понятно, что по сравнению с неолитическими племенами, жившими в нашем крае, скотоводы были более развиты. Они умели не только разводить домашних животных, но и производить более совершенные орудия труда и оружие из бронзы. Иными словами, у них уже начался бронзовый век. Скотоводческие племена обменивали продукты своего производства мясо, молоко и шерсть на хлеб.

Изменения, происшедшие в материальной жизни общества, привели к изменениям и в общественной жизни. Все заботы по уходу за скотом лежали на мужчине. Поэтому он становился главой рода: начался патриархат. Этому изменению в общественной жизни скотоводческих племен сопутствует и накопление у них богатств. Отсюда учащаются межплеменные столкновения, что ведет к улучшению качества оружия и увеличению его количества.

На территорию нашего края скотоводческие племена приходят в начале второго тысячелетия до н. э. Археологическую культуру, оставленную ими, называют срубной. Область распространения срубной культуры была огромной: от Азовского моря до Камы и от Урала до Днепра.

Поселения, относящиеся к эпохе срубной культуры, располагались по берегам рек и озер, а курганные мо-

³ Г. И. Танфильев. Доисторические степи Европейской России. В сб. Г. И. Танфильев. «Географические работы». М., 1952, карта, стр. 355.

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950, стр. 105.

гильники недалеко от них, на более возвышенных местах. В нашем крае наиболее известны: Волчий Враг (Тамалинского района), Мокшаны и Надеждино-Куракино (возле Сердобска), Старо-Захаркинское селище и курганные могильники около сел Марьевки, Старого Чардыма и Синодского.

Чем же характерны поселения срубных племен? Возле Пензы в местности Барковка было раскопано поселение. Оно тянулось узкой полосой вдоль старого русла р. Суры (теперь озеро Долгое) на несколько сот метров. Расположено оно на песчаных дюнах и было обнаружено археологами по темно-коричневой полосе культурного слоя, хорошо заметной на обрыве, а также по характерной керамике. На его территории размещались жилища, хозяйственные постройки и ямы. Жилища на этом поселении представляли собой большие полуземлянки, углубленные в землю до половины высоты. Стены их были возведены из бревен, крыши были двухскатными, сделанными из плетенок. Часть хижины использовалась как хлев или склад для продуктов. В каждом жилище было несколько очагов и проживало в нем несколько семей, а на всем поселении — до 200—300 человек.⁵

В эпоху срубной культуры уже хорошо было развито бронзолитейное производство. На территории нашей области найдены бронзовые изделия того времени: топоры, серпы, ножи, косари для рубки кустарника, копья, кинжалы, украшения из бронзовых спиралей и трубочек. Но наконечники стрел и некоторые орудия труда делались еще из камня.

Керамика срубной культуры была уже плоскодонной и по форме разнообразной. Сосуды, предназначенные для варки пищи, имели грубый вид, толстые стенки и форму банки или горшка со слабовыпуклыми боками. По всей поверхности сосудов шел орнамент: полосы из зигзагов, заштрихованных треугольников, насечек.

Поскольку у скотоводческих племен срубной культуры господствовал отцовский родовой строй, имущество

⁵ Н. И. Спрыгина. Стоянка первобытного человека в долине реки Суры близ Пензы. Труды Пензенского общества любителей естествознания, вып. V. Пенза, 1923.

венное расслоение внутри рода уже зашло достаточно далеко. Это подтверждают раскопки курганов: с одними погребенными положено много вещей, с другими — очень мало, либо вообще нет.

Одновременно с проникновением племен срубной культуры на территорию Пензенского края заходили и племена, основная территория которых была на Оке, в Прикамье, на нижней Суре. Следы их пребывания обнаружены на стоянках Озименки, Кавендра, у озера Ерни, на Калашном затоне, Терновской и «Красный восток», относящихся примерно к началу и середине 2-го тысячелетия до н. э. Например, жилища племен, заходивших с нижней Оки, были похожи на неолитические, но более длинные и соединенные друг с другом. Сосуды, как и в неолите, круглодонные с гребенчатым орнаментом в виде зигзагов и параллельных полос. У этих племен преобладали каменные орудия труда: топоры, скребки, наконечники стрел, долота.

В первом тысячелетии до н. э. на смену каменным и бронзовым орудиям труда приходят изделия из железа. Этот последний период первобытной истории Ф. Энгельс назвал эпохой «железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора».⁶ Более совершенные орудия труда позволили в широких масштабах развивать земледелие, которое повсеместно превращалось в важнейшую отрасль производства, способствовало дальнейшему росту обмена.

Знакомство с железом содействовало быстрому развитию племен, живших на территории нашего края, которые использовали для выплавки металла болотную руду. Эти племена относились к так называемой городецкой культуре и принимали участие в сложении народов Поволжья — мордвы, чувашей. Городецкая культура получила название по месту первых раскопок у села Городца в Рязанской области. Памятники этой культуры распространены от Оки до Саратова.

На территории нашей области уже много лет раскапывается Ахунское городище, находящееся возле дач-

---

⁶ Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 168.

ного поселка Ахуны, недалеко от Пензы.⁷ Городище расположено в густом лесу на мысе двух оврагов, по которым в древности текли речки. Укреплено оно целой системой валов и рвов. Главные валы насыпались из песка и земли. Между ними был вырыт ров. С восточной стороны площадки в системе укреплений был оставлен въезд на городище.

Жилище Ахунского городища имели четырехугольную форму, внутри находилось несколько очагов для приготовления пищи. Сооружались такие жилища из бревен в виде сруба, перекрытого односкатной кровлей. Нижние венцы сруба дополнительно укреплялись двумя параллельными рядами плах. Рядом с жилищами были хозяйственные ямы для хранения продуктов. Участок вокруг жилища был огорожен. Жилища на Ахунском городище располагались поблизости от валов, а в центре площадки городища находилось свободное пространство для содержания скота, которое также было огорожено. Жители Ахунского городища умели изготавливать глиняную посуду, по форме напоминавшую сосуды срубной и других культур. Острореберные сосуды совсем не имели орнамента, а на баночных был орнамент в виде отпечатков рогожи или сетки. Эта керамика в археологической литературе получила название «рогожной» и «сетчатой». Наряду с этим встречаются обломки сосудов, покрытые просто штрихами, а также отпечатками шнура.

Насельники Ахунского городища выплавляли железо и делали из него разнообразные орудия труда. Об этом свидетельствуют находки на городище железных шлаков, криц и ряда других предметов, изготовленных из железа.

При раскопках обнаружены железные серпы, зернотерки из камня, отпечатки зерен на сосудах, кости коров, лошадей, мелкого рогатого скота. Это говорит о том, что основным занятием жителей городища являлось скотоводство и земледелие. О развитии ткачества можно судить по находкам большого количества пряслиц. Датируется Ахунское городище I—V вв. н. э.

⁷ В. А. Калмыкова. Раскопки Ахунского городища в 1965 г. В сб. «Археологические открытия», 1967 г., М., 1968; ее же, «Раскопки Ахунского городища Пензенской области». Вестник МГУ, историческая серия, 1971, № 1.

Еще с середины первого тысячелетия до н. э. в наш край приходили соседние племена: с юга — скифы и сарматы, с запада — восточные балты (предки литовцев и латышей), из Прикамья — угрофинны (пьяноборская культура).⁸ Факт этот можно доказать наличием на городищах городецкой культуры и в так называемых «ранне-мордовских» могильниках (Селиксенском, Шемышейском, Селикса-Трофимовском и других) многочисленных категорий инвентаря, принадлежавшего выше перечисленным племенам.

Интересно, что многие названия рек и ручьев даны восточно-балтскими племенами (Исса, Тородейка и т. д.), скифо-сарматскими (Хопер, Энберь, Орьев и др.) и доугро-финскими (до-мордовскими — Мокша, Пенза, Инза, Сура).⁹

Все эти пришельцы смешивались на территории нашего края между собой; взаимные браки, постоянный обмен продуктами своего труда были обычным явлением. В результате этого возникла новая археологическая культура — селиксенская, которую можно датировать I—VIII вв. н. э. Она отличается от предшествующих археологических культур тем, что ее формирование и существование совпадает с начальным этапом складывания одной из современных этнических общностей Среднего Поволжья — мордвы.

Наиболее полно исследованным из «протомордовских» могильников является Селиксенский. Он находится в полутора километрах к востоку от с. Кижеватово (быв. Селикса) на берегу р. Отвиль. Умершие были захоронены в неглубоких прямоугольных ямах без гробов. Ориентировка погребенных была разнообразной и неустойчивой. Это указывает на то, что процесс складывания мордвы был в самом начале. Рядом со скелетами

---

⁸ В. А. Калмыкова. Роль центрального варианта городецкой культуры в формировании ранней мордвы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1971, стр. 20.

⁹ Там же, стр. 18—19. См. В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, выпуск 163, М., 1969; В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1966; Б. А. Серебrenников. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР. «Вопросы языкознания», 1955, № 6, стр. 27—28.

находились горшки, бусы, кольца, перстни, гривны,¹⁰ подвески, наконечники стрел, браслеты, ножи, пряжки и застежки разных видов и другие предметы. Однако многие могилы имеют очень скудный инвентарь или вообще не имеют его. Можно сделать вывод, что хотя у ближайших предков мордвы в начале н. э. сохранился родовой строй, но уже далеко продвинулось имущественное расслоение. В целом ряде могил обнаружено оружие. Позднее в могильниках, относящихся к V—VII вв., количество оружия возрастает, что свидетельствует об увеличении числа воинов. Это можно объяснить тем, что родовой строй достиг своей наивысшей стадии — военной демократии.¹¹

Люди, оставившие Селиксенский могильник, занимались скотоводством и земледелием, разводили почти все виды домашних животных. Они вели оживленный торговый обмен с соседними племенами, жившими на Оке, с племенами Северного Кавказа и Причерноморья. На территории нашей области обнаружены также римские монеты II в. н. э. Селиксенский могильник можно датировать II—VIII вв. н. э.

С конца IV в. н. э. появляются новые могильники: Армиевский, Шокшинский (в Мордовии), Тезиковский и другие. В их инвентаре проявляются черты, позволяющие утверждать, что позднегородецкие племена постепенно сливались с племенами селиксенской культуры. В частности, сосуды из поздних погребений Селиксенского могильника напоминают некоторые сосуды Ахунского городища. Обряд погребения на позднем этапе селиксенской культуры немного меняется: большинство захороненных ориентировано головой на юг. Среди ранних погребений Селиксенского могильника: это мечи, палаши, копья, наконечники стрел, обрывки кольчуг, пояса. Обнаружено уникальное погребение женщины-воина, которое содержит полный набор вооружения конника.

¹⁰ Гривна — обруч, носившийся на шее, подобно ожерелью.

¹¹ Н. В. Трубилова. Некоторые погребения Кошибеевского могильника и черты общественного строя того времени. Труды Мордовского научно-исследовательского института языкознания, литературы, истории и экономики. Вып. 38, Саранск, 1970, стр. 110.

Рядом с Армиевским могильником имеется несколько городищ и селищ. Найдены остатки округлых и восьмигранных жилищ с двухскатной кровлей, оружие, керамика, сьолгамы, бусы и т. д.¹²

На позднем этапе селиксенской культуры складывается раннемордовская народность, яркими памятниками которой можно назвать Лядинский и Томниковский могильники в Тамбовской области, Казбекский, Кармалейский и другие — в Пензенской.

Занимая территорию, расположенную между Русью и Волжской Болгарией, мордовское население постоянно испытывало культурное влияние болгар и, особенно славян, что подтверждают находки славянских и болгарских украшений, орудий труда и посуды на Золотаревском городище, относящемся к XII—XIII вв. н. э.¹³ Это способствовало дальнейшему развитию земледелия, скотоводства, ремесла и торговли у мордвы. Обобщая археологический материал, характеризующий социально-экономическую и культурную жизнь мордвы XI — начала XIII столетий, видный исследователь мордвы А. Е. Алихова отмечает, что это был период формирования новых феодальных отношений, развития самобытной и относительно высокой культуры. «Мордва в культурном отношении шла почти в ногу с соседним населением лесной полосы (вятичами), причем ни у мордвы, ни у русского населения курганного периода не прослеживаются какие-либо различия в уровне культуры. Понятно, мы здесь не имеем ввиду Киев и Новгород, а говорим о том рядовом крестьянском населении, которое жило в лесных районах центральной полосы».¹⁴

Неблагоприятно сложившаяся историческая обстановка, вызванная татаро-монгольским нашествием, надолго затормозила культурное и хозяйственное развитие мордвы.

¹² М. Р. Полесских. Археологические памятники Пензенской области. Пенза, 1970, стр. 147.

¹³ Там же, стр. 118.

¹⁴ А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н. э. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 53—54.

II. ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА МОНГОЛО-ТАТАРСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ (XIII — первая половина XVI в.)

К началу XIII века у мордвы усилился процесс становления и развития феодальных отношений. Возникли первые территориальные объединения раннефеодального типа, во главе которых стали мокшанский князь («отязор») Пуреш и эрзянский князь («инязор») Пургас. Однако монголо-татарское нашествие затормозило процесс консолидации мордовской народности.

Покорение мордвы монголо-татарскими ордами произошло во второй половине 30-х годов XIII века. Как сообщает русская «Повесть о разорении Батыем Рязани», восточные завоеватели в 1236 году перешли Волгу, направились по южной окраине обширных приурских лесов, а на реке Узе, притоке Суры, «остановились первым станом».¹ Отсюда они двинулись на Рязань и на своем пути столкнулись с мордвой и бургасами. По сообщению историка XIII века Рашид-ад-дина, в зиму с 1236 на 1237 год войска хана Батыя сражались «с мокшей, бургасами и арджанами (мордвой-эрзей) и в короткое время завладели ими».

С уходом монголо-татарских орд на Русь мордва восстала против своих поработителей. Для подавления восставших хан Батый послал крупные силы во главе с известными военачальниками Субедэ и Мункэ. Раз-

¹ Ф. Ф. Чекалин. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892, стр. 20.

розненные мордовско-буртасские отряды были разбиты. Последовала жестокая расправа.²

Героическая борьба местного населения Пензенского края с монголо-татарскими завоевателями нашла отражение в ряде легенд. В одной из них говорится о том, как мордовская (по другим вариантам буртасская) княгиня Нарчатка вышла со своим войском навстречу завоевателям и мужественно сражалась «с злыми татарами на льду реки Мокши».³

С образованием Золотой Орды территория Пензенского края вошла в северо-западный улус этой огромной державы. Административным центром улуса сначала был волжский город Увек, развалины которого обнаружены около г. Саратова, а затем города Мохши и Темников.

На покоренные народы Среднего Поволжья монголо-татары наложили тяжелую дань (ясак), которая взималась пушниной, скотом, воском, медом, хлебом и другими продуктами. Периодически для устрашения и «наведения порядка» завоеватели совершали грабительские набеги. Один из них, предпринятый в 1288 году, оказался особенно опустошительным. Во время него, как сообщает русский летописец, золотоордынский князь Елартай «сотворища» среди мордвы очень «много зла».⁴ Этот и подобные монголо-татарские набеги сопровождались страшными разрушениями, угоном в плен мирного населения. Не случайно печальная память о них надолго сохранилась в устном народном творчестве мордовского народа.

В одной из старинных песен «Вирь ^циресэ» («На опушке леса») рассказывается о том, как мордовский парень, попав к татарам в неволю, встретил там среди рабынь свою сестру. Брат и сестра сговорились бежать из неволи. Много преград было на их пути. Они мужественно преодолели их и стали свободными.

Начиная со второй половины XIII века, плодородные земли по Суре, Мокше и Цне стали захватываться от-

---

² «Очерки истории Мордовской АССР», т. 1. Саранск, 1955, стр. 42.

³ А. Кротков. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении. Рукописный отдел архива Наровчатского краеведческого музея, папка № 21.

⁴ «Очерки истории Мордовской АССР», стр. 44.

дельными золотоордынскими выходцами. Так, феодалы Бахмет и Сеид-Ахмед завладели землями по течению рек Мокши и Цны. Они явились родоначальниками таких известных татарских князей, как Адашевы, Кудашевы, Тенишевы, Янгальчевы. К середине XIV столетия Пензенский край был уже основательно заселен татарской знатью, о чем свидетельствуют клады золотоордынских монет, обнаруженные в Кузнецком, Вадинском, Наровчатском, Земетчинском, Пачелмском и других районах области.

К этому времени некоторые населенные пункты переросли в города. Так возник, например, город Мохши, располагавшийся на территории современного села Наровчат. Будучи одним из улусных золотоордынских центров, этот город чеканил свою монету. Татарская знать заставила местных и свезенных из разных мест умельцев построить здесь разнообразные кирпичные строения, богатую белокаменную мечеть, мавзолей, караван-сарай, бани, водопровод. В городе жили плотники, деревообделочники, кузнецы, ювелиры, оружейники, каменщики, гончары, кожевенники, мастера поделок детских игрушек. Мохшинские купцы поддерживали широкие торговые связи. В города Руси, Поволжья, Средней Азии они сбывали добытые у местного населения «буртасские меха», зерно, мед, ремесленные и ювелирные изделия.⁵

Во второй половине XIV века в Золотой Орде разгорелась острая феодальная междуусобица, в ходе которой некоторые татарские князья и мурзы силой завладели отдельными районами и городами. Так, в 1361 году князь Булат-Тимур захватил Волжскую Болгарию; в 1362 году князь Сегиз-Бек совершил набег из Приазовья на Посурье и подчинил мордву в районе речки Пьяны; вслед за ним князь Тагай захватил город Мохши (Наручадь) и объявил его центром так называемой Наручадской Орды.⁶ В 1365 году Тагай из г. Мохши совершил грабительский набег на Рязанское княжество. Ему удалось взять Переяславль-Рязанский, но ненадолго. Русские дружины настигли войско Тагая и разбили его. Сам князь еле спасся от плена и бежал в Наручадь.

⁵ См. В. Лебедев. Загадочный город Мохши. Пенза, 1958.

⁶ «Очерки истории Мордовской АССР», стр. 48.

В 70—90-х годах XIV века Пензенский край, как и другие области Среднего Поволжья, по-прежнему являлся ареной упорной и длительной борьбы феодальных группировок. В ходе нее город Мохши запустел и потерял былое значение. Средневековый историк Шерифаддин Али Иезди в «Книге Побед» отмечает, что в 1395 году Тимур в борьбе с Тохтамышем, покоряя земли «микес» (мордвы-мокши), после захвата города Увека совершенно разрушил город Мошав (Мохши).

В XV веке Золотая Орда, раздираемая внутренними противоречиями, окончательно пришла в упадок и распалась на ряд ханств. Пензенский край стал западной окраиной Казанского ханства. Отсюда, как никогда раньше, ханы стали вывозить хлеб, мед, скот, рыбу, пушнину. По сообщению итальянца Иосафата Барборо, мордва-мокша поставляла в Казань меха соболей, горностаев, куниц, шкурки белок, которые затем сбывались на рынках Польши, Фландрии, Персии. Для сбора ясак периодически прибывали карательные отряды. Там, где они проходили, оставались выжженные поселения и заброшенные пашни. Выполняя волю феодалов, каратели насильно переселяли в Казанское ханство тысячи мордовских и буртасских семей.

Тяжелое монголо-татарское иго, бесконечные междоусобные феодальные распри и войны, протекавшие на средне-волжских просторах, самым губительным образом отразились на социально-экономическом и культурном развитии местных племен и народов. Например, сильное обнищание постигло мордву. В мордовских могильниках XIII—XIV столетий по сравнению с могильниками предшествующих веков резко сократилось количество металлических поделок, особенно украшений. Так, при раскопках могильников, относящихся к XIII—XIV столетиям, не обнаружены такие украшения, как шейные гривны, ажурные привески, крупные сюлгамы «с усами», головные венчики из бронзовых и серебряных трубочек и обойм, массивные литые браслеты.⁷

Однако, несмотря на всю тяжесть монголо-татарского ига, упорная хозяйственная деятельность трудового

⁷ М. Ф. Жиганов. Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы в XIII—XIV вв. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 146.

мордовского народа привела к тому, что к середине XVI века как мокша, так и эрзя, развили дальше пашенное земледелие и лесные промыслы, создали новые ремесленные центры по массовому производству орудий труда, предметов домашнего обихода, украшений, усилили торговые связи.⁸ Вместе с этим у мордвы происходил процесс дальнейшего формирования феодальных отношений. Ряды феодалов пополнили новые «инязоры» (великие хозяины) и «оцязоры» (большие хозяины), которые сосредоточили в своих руках значительные земельные участки, бортные леса, «рыбные ловли». По примеру татарской знати некоторые из них обзавелись вооруженными отрядами и стали именоваться беками, мурзами, князьями.

Гнет и грабежи мордвы и других народов казанскими ханами не укрепляли, а ослабляли силу ханства. Мордва, чуваша, удмурты, черемисы, мещера неоднократно поднимались на освободительную борьбу против поработителей, закономерно тяготели к великому русскому народу, видя в нем единственную силу, способную сокрушить иго казанских ханов. Именно поэтому они поддерживали проникновение русских в свои земли. Учитывая силу и рост Русского государства, многие местные феодалы как мордовские, так и татарские, добровольно переходили на службу к русским князьям, за что получали соответствующие привилегии и земли. Одним из первых в 1509 году на русскую сторону перешел татарский князь Акчур, за что Василий III пожаловал ему земли в бывшем Краснослободском уезде Пензенской губернии. Его примеру последовали и другие феодалы. Так возникли владения известных князей Кугушевых, Еникеевых, Шехмаметовых, Дивлей-Кильдеевых и других.

В целях укрепления государственных границ в начале XVI века на месте бывшего города Мохши русские построили Наровчатское городище,⁹ а в 1523 году в устье реки Суры — Васильсурск. Вслед за этим в Ценско-Сурском междуречье вырастают русские крепости: города Алатырь (1525 г.), Красная Слобода (1535 г.),

⁸ Там же, стр. 138—163.

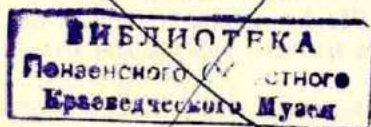
⁹ Впервые появление воевод в Наровчате отмечено в Разрядных книгах в 1521 г. См. «Очерки истории Мордовской АССР», стр. 63.

Новый Темников (1536 г.), Новый Кадом (1536 г.), Елатьма (1538 г.), Шацк (1551 г.), Свияжск (1551 г.). Показательно, что местное население оказывало русским всяческую посильную помощь.

Когда в 1552 году начался знаменитый поход войск Ивана IV против Казанского ханства, население Пензенского края, как и другие народы, подвластные Казани, всеми средствами помогало русским, снабжало воинов Ивана IV продовольствием, а конницу—фуражом, организовывало группы проводников через дремучие мордовские леса, возводило через реки и болота мосты и гати, создавало отряды ратников. Так, в одном из документов говорится, что мордва, встречая русских воинов, приносила им «хлеб и мед, и говядины, ...и мосты на реках делаху, и везде станы стройные бяху, и все бесчисленное воинство всяким изобилеваху». В районе Алатыря к русским воинам присоединился отряд Епикей, состоящий из местных татар и мордвы. Он принял участие при осаде и взятии Казани.¹⁰

После разгрома русскими войсками Казанского ханства Пензенский край вошел в состав Русского государства. Окончилось многовековое монголо-татарское иго, которое, по словам К. Маркса, не только давило, но и иссушало душу народа, ставшего его жертвой.

¹⁰ «Очерки истории Мордовской АССР», стр. 66, 67.

III. ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI — XVII ВЕКЕ

В XVI—XVII вв. произошли крупные сдвиги в социально-экономической, политической и культурной жизни Русского централизованного государства.

По определению В. И. Ленина, примерно с XVII века начался новый период русской истории, который характеризуется зарождением в недрах феодализма новых буржуазных связей.

Для экономического развития Русского государства XVII века стали характерными такие явления, как расширение земледелия (в первую очередь за счет колонизации окраин), рост товарности сельского хозяйства; увеличение операций торговцев-скупщиков в деревне; значительный рост сельских ремесел и промыслов, укрупнение и специализация городского ремесленного производства, процесс превращения ремесла в мелкое товарное производство, а ремесленников — в мелких товаропроизводителей; развитие мануфактурного производства как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности; углубление процесса общественного разделения труда, развитие товарно-денежных отношений, экономическое слияние разрозненных земель и княжеств, вызванное «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

Своеобразие социально-экономического развития Русского государства XVII века определялось тем, что наряду с возникновением новых буржуазных отношений

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

в стране по-прежнему происходил процесс дальнейшего развития феодализма. Именно в это время завершилось юридическое оформление системы крепостного права.

Феодально-крепостнические отношения в самых разных формах и проявлениях пронизали все стороны труда и быта многомиллионного населения Русского государства. Они до предела обострили классовый антагонизм и классовую борьбу в стране, породили серию городских восстаний в середине столетия, две мощнейших крестьянских войны — в начале века и в 1670—1671 годах.

Феодальные отношения в XVI—XVII вв. развивались как вглубь, так и вширь. Они неудержимо проникали в самые отдаленные окраины страны, примером чему служит Пензенский край.

Здесь эти отношения формировались в сложных условиях, которые определялись обстановкой освоения и заселения необжитых участков «дикого поля», колонизацией местных малых народов, осуществлением ряда правительственных мер по обороне юго-восточных окраин страны от набегов кочевников.

ЗАСЕЛЕНИЕ И ОБОРОНА КРАЯ

После взятия войсками Ивана IV Казани Пензенский край был включен в Алаторский, Кадомский, Темниковский и Шацкий уезды Русского государства. Здесь была учреждена дозорная или, как тогда называли, сторожевая и станичная служба.

С наступлением весны и до первых снегов из Темникова, Кадома и Алатыря на межлесные коридоры, по которым от ногайских и крымских татар тянулись в пределы Русского государства шляхи (дороги), постоянно высылались небольшие отряды вооруженных всадников (сторож).² Первая сторожа находилась на правом берегу Суры в районе впадения в нее реки Барыш; вторая и третья — между Сурой и Мокшанским лесом, там, где протекает речка Шукша; четвертая и пятая — между Мокшанским и Шацким лесами, по верховьям рек Ломова, Бургаса, Вада, Выши.³

² Каждая сторожа состояла из 6 человек.

³ С. Л. Марголин, Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века, «Военно-исторический сборник», М., 1948.

Эти отряды находились в постоянном движении. Им предписывалось «стояти сторожем на сторожах, с конь не сседа, перемещаясь, и ездити по урочищам... направо (т. е. на запад) и налево (т. е. на восток) по два человека по наказам, каковы им наказы дадут воеводы, А станов им не делати, а огни класти не в одном месте; коли каша сварится и тогда огня в одном месте не класти, а где кто ночевал, и в том месте не полдневати».⁴

В дозор выезжали на две недели. Если в степи обнаруживали противника, то один из сторожей оставался на месте, а другой скакал к соседним сторожам или в ближайший город и сообщал об опасности.

Помимо отрядов сторожей, были отряды станичников. Из определенного стана они выезжали далеко на юг в «дикое поле» и несли разведывательную службу, а при благоприятных погодных условиях на больших пространствах выжигали степь, чтобы лишить вражескую конницу подножного корма.

Вполне естественно, что малочисленные по своему составу сторожевые и станичные отряды не могли служить серьезной преградой на пути крымских и ногайских татар. Вот почему наряду с организацией сторожевой и станичной служб на юго-восточной окраине Русского государства создается система оборонительных сооружений в виде степных «змневых валов» и лесных завалов — «засек». В 1578 году такая «черта» пролегла дремучими мордовскими лесами по линии Шацк—Кадом—Темников—Алатырь — Тетюши. Через своих послов Иван IV передал ногайским ханам, что эта «черта» построена для того, «чтобы ногайцы не ходили мордовскою землею».

В борьбе с агрессивными ногайцами русские строят Самару (1586 г.), Уфу (1586 г.), Царицын (1589 г.), Саратов (1590 г.), что значительно усилило позиции русских в Поволжье. И тем не менее, опасность вторжения ногайцев оставалась: набеги следовали один за другим. В 1607 году они прорвали засечную черту у Тетюш и до тла уничтожили многие мордовские деревни. В 1612 году «крымские и ногайские люди» повторили налет в районе Алатыря, а также на Шацкий уезд, где

⁴ «Хрестоматия по русской военной истории». М., 1947, стр. 64.

«людей побивали и в полон служилых и уездных людей всяких, мужского и женского полу и младенцев, имали, и селы, и деревни многие погибли и до конца разорили...» В 1627 году татары по Старой ногайской дороге проникли в район Темникова. Здесь они учинили страшное разорение и опустошение.⁵

Эти набеги оставили печальную память в русском и мордовском фольклоре. Среди старожилов Наровчатского района и поныне можно услышать такую песню:

Вдруг деревья закачались,
На дубах листья-листочки зашептались.
Без росы трава лесная пригорюнилась.
И без тучек стало небо темным-темное.
То ни вихрь: скачет это
Полк ногайцев злых...
Плачет мать—земля родная
От беды лихой...⁶

Грабительские набеги кочевников особенно участились в 30-е годы, когда произошло объединение ногайцев Большой орды с крымскими татарами. В 1634 году двадцатитысячный отряд татар обрушился на Курские места. На следующий год ногайцы по старой Ногайской дороге проникли в мордовские земли, где «алатырские и понизовые места повоевали», в плен увели много хлебопашцев и бортников. «А продают де (татары) полон в Азове, добрый по пять золотых человек», — доносили московские посланники Г. Зловидов и Г. Углев.⁷

Участившиеся набеги крымских и ногайских татар в пределы Московского государства потребовали новых мер по защите южных и юго-восточных русских «украин». Последовал царский указ, повелевавший провести «от бусурманских татарских безвестных приходов» непрерывную укрепленную линию — «черту» на целых 956 верст: от реки Псла—на западе и до реки Волги — на востоке. В этом указе говорилось: «по черте построити города, а промеж городов по полям земляной вал и рвы, и остроги, и надолбы, и в лесах засеки и всякие

⁵ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. Изд. АН СССР, М., 1948, стр. 155.

⁶ Е. Ховрин. И дым Отечества... «Пензенская правда», 13 марта 1971 г.

⁷ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 233.

крепости, чтоб на его, государевы украины теми местами татарского приходу не было».⁸

Уже в 1636 году были построены Верхний⁹ и Нижний Ломовы,¹⁰ Керенск (Вадинск),¹¹ Тамбов, Козлов. Когда кочевники весной и летом 1636 года попытались прорваться через заслон новых городов, они встретили серьезный отпор и были вынуждены бежать в степь. То же самое произошло и в 1637 году. «Во 144 (1636) и в нынешнем во 145 (1637) году к Козлову и Тамбову приходили воинские люди и не по единожды, а для войны, всякого крестьянского разоренья, хотели пройтись в Рясские и в Рязанские, и Шацкие места, — говорится в документе.—И из Тамбова и из Козлова воеводы... татар, на войну не пропустили и поиск над татарами учинили, татар побили и языки поймали; и теми новыми городами и крепостями и в Рясских, и в Рязанских, и в Шацких во всех местах татарская война от приходов укреплена... и в тех во всех местах православные крестьяне жили в покое, безо всякого страхованья».¹²

Продолжая начатое градостроительство, русские в конце 30-х—начале 40-х годов XVII века основывают Атемар, Саранск, Инзерский (Посоп) и Шишкеевский остроги, возводят полевые и лесные укрепления. Благодаря этому значительная часть населения Мокше-Сурского междуречья была взята под защиту от разорительных татарских набегов.

В 40-х годах положение на южной окраине Русского государства ухудшилось. Одной из причин тому послужила затяжная засуха, начавшаяся в Крыму с 1641 года. Она повлекла за собой резкий падеж скота, голод, эпидемии, невиданную ранее смертность. Так, в начале января 1643 года от голода и болезней вымер почти весь гарнизон турецкой крепости Азова.

⁸ А. А. Хвощев. Очерки по истории Пензенского края. Пенза, 1922, стр. 38.

⁹ А. А. Хвощев. Указ. соч., стр. 39.

¹⁰ 1 февраля 1636 года князю А. Мисальскому—Литвинову предписывалось в «новый острог», что «в степи, на реке Ломове» выслать из Москвы пищали, ядра, порох, свинец. (А. А. Хвощев, Указ. соч., стр. 40).

¹¹ Керенский острог был «срублен» на горе, у подножия которой слились речки Вад, Керенка и Ченгар. См. Г. Петерсон. Исторический очерк Керенского края, стр. 5.

¹² А. А. Хвощев. Указ. соч., стр. 40.

Чума и голод гнали ногайцев и крымских татар к местам хороших пастбищ и житниц. Разорительным набегам татар на южные участки Русского государства не было конца.

Вот, к примеру, какие события происходили в 1643 году. Уже в апреле татары обрушились в район Оскола и Валуйки, а в начале мая появились в окрестностях Темникова, где и «повоевали» мордовские, русские и татарские деревни Паеву, Паевку, старую Челмодееву, Старую Потьму, Адашеву, Тумолу, Козину, Полянки, Веркуиси. Разграбив селения, татары с большим полком отошли к реке Медведице, стали станом. Сбежавший оттуда темниковский крестьянин Ф. Буровлев с горечью сообщал, что пленные посажены «в колоды», а некоторых «жгли камышом», а затем убили, а атамана донских казаков повесили за ребро.

С реки Медведицы одна часть татар ринулась к Алатырю, а другая — вновь в Темниковский уезд.¹³

Столь же частыми, губительными и разрушительными были набег в 1644—1646 годах.¹⁴ Все это потребовало новых мер по укреплению южных окраин Русского государства.

В 1645 году последовал царский указ: «По черте устроить прибавочные города и населить большим многолюдством, и земляной вал устроить больше прежнего ...также надолбы большие и стоялые острожки частые и лесные завалы у инья многия крепости, какие доведется».

Работы начались тотчас. От Шацкой засеки местные «деловцы» повели черту на Керенск и далее к Ломовам. Как сказано в документе, в 1646 году крестьяне с пяти дворов по человеку крепили «город Керенский, вал валили и рвы копали, всякие степные крепости делали с весны до зимы».¹⁵ Остатки этих укреплений сохранились до сих пор. Их можно видеть у сел Большая

¹³ А. А. Новосельский. Указ, соч., стр. 318.

¹⁴ В 1645 г. трехтысячный татарский отряд проник в пределы Пензенского края, разорил селения, перебил много людей, а еще больше увел в плен (А. А. Хвощев. Указ, соч., стр. 42). В мае 1646 г. двухтысячный отряд татар ворвался в Посурье, забрав 300 человек в плен, ушел в степь (А. А. Новосельский. Указ, соч., стр. 379).

¹⁵ А. А. Хвощев. Указ, соч., стр. 42, 43.

Лука, Вадинск, Кармалейка, Ягановка, Скуратово, Коповка. В лесу между Вадинском и Кармалейкой вал сохранился почти в первоначальном виде. Интересное место у деревни Пеньки (недалеко от Вадинска), где на высокогорье еще видно основание «городка» — небольшого наблюдательного пункта, обнесенного валом и рвом.

От Толковки, вдоль левого берега речки Ломова до ее владения в Мокшу, через Верхний и Нижний Ломовы «деловцы» провели мощный земляной вал со рвом. Его следы тоже сохранились до наших дней. Наибольший интерес представляет участок от Нижнего Ломова до Прянзерского пенькозавода. Здесь уцелели «городки», примыкающие к валу пятиугольные площадки, обнесенные валом и рвом.

Далее черта пролегла на Инсар—Потиж (ныне село Усыкино Мордовской АССР)—Шешкеево—Саранск—Атемар — Сурский Острог—Корсун—Тагай—Юшанск—Симбирск. Последние работы по созданию «черты» завершились в 1654 году.

Сооружение «черты» создало благоприятные условия для заселения края. Вполне естественно, что люди осваивали земли севернее засечной черты. Прежде всего поселились те, кто нес сторожевую службу по черте и в городах-крепостях. Это были переведенные с разных мест служилые люди: стрельцы, пехотные и конные казаки, пушкарные, засечные сторожа, деловцы. В районе Керенска, например, стрельцы основали село Выборное, казаки — село Рахмановку, засечные сторожа — село Чиуш-Каменку. Ближе к черте переводились жители Шацкого, Кадомского и Темниковского уездов.

Помимо переведенцев, к черте стекались переселенцы из центральных и северных районов страны, беглые или, как их называли, «гулящие люди», а также черкасы (украинцы), добровольно перешедшие «от гнета польско-литовской шляхты на вечное житье в Русское государство». Последние создавали свои станицы и укрепленные поселки. Один из них — Черкасский острог возник в 50-х годах XVII века при впадении речки Пензы в Суру,¹⁶ значительно южнее засечной черты. Находясь на Старой Ногайской дороге, он имел важное стра-

¹⁶ Ныне улица Старо-Черкасская г. Пензы.

тегическое и оборонное значение. Вот почему правительство срочно предприняло меры по его усилению.

В начале 60-х годов сюда прибыла специальная комиссия, которая определила место закладки рядом с Черкасским острогом новой крепости. Этим местом оказался восточный пологий спуск горы к речке Пензе. В 1663 году крепость была построена. Ее называли Пензой.

А. Свечин в своих путевых заметках, написанных 100 лет спустя, отмечал: «...городовое укрепление сделано стоячее, на подобие острога, из весьма толстого дубового дерева; по углам и в середине оногo семь башен, сделанные по тогдашнему обыкновению, коего во окружении 413 сажен и один аршин, около оногo ров, ширины не меньше пяти, а глубиною пять сажен».¹⁷ Крепость располагалась в том месте Пензы, где сейчас находится Советская площадь, Лермонтовский сквер. Внутри ее находились небольшой собор, воеводский дом, приказная изба, амбары для хранения боеприпасов и казенного имущества, караульные помещения.

Крепость окружали слободы: Пешая, Пушкарская, Старая и Новая драгунские, Конная, Черкасская (ее составляли жители Черкасского острога, причисленного теперь к Пензе), а также посад.

Чтобы Пенза не оказалась изолированной от засечной черты, в сторону ее по ногайской дороге за короткий срок (к 1665 г.) была проведена линия военных поселений. Она состояла как из вновь созданных слобод, так и уже бывших мордовских или татарских сел и деревень, население которых было поверстано в казаки.

Как видно из «Строельной книги города Пензы», Пензенская линия тянулась по левому берегу реки Суры и состояла из следующих пунктов: Пензенская слобода (Бессоновка), Шелдаис, Колоярская слобода, Анзыбейская слобода, Вазерская слобода, Усть—Вазерки, Пыркинская слобода, Синорово, Усть—Шукша, Сандерки, Кутлинская слобода, Явьяс (Вьяс). В одиннадцать вновь созданных слобод было поверстано на военную службу 325 человек.

Пензенская линия весьма надежно защитила сурскую долину, по которой проходила опасная ногайская дорога. И эта территория стала быстро заселяться.

¹⁷ «Труды Пензенской ученой архивной комиссии», кн. II, Пенза, 1904, стр. 31—32.

Основание городов, проведение засечной черты и оборонительных линий, заселение русскими края имело исторически прогрессивное значение. Местное население получило надежную защиту от опустошительных набегов воинственных кочевников, приобщилось к более высокой культуре русского народа. Под влиянием русского населения мордва стала изменять способы ведения хозяйства. Она повсеместно переходила от пестрополья к трехпольной системе земледелия, перенимала более усовершенствованные орудия обработки земли и новые сельскохозяйственные культуры, строила дома, бани, овины, ветряные мельницы по русскому образцу. Например, крыши стали крыть не лубком, а драницей, дома украшали разной резьбой, окна обрамляли наличниками и т. д.

Со своей стороны русские перенимали у местного населения способы ведения различных промыслов, особенно бортничества.

В совместной созидательной и оборонительной деятельности неустанно крепили узы дружбы русского народа и народов Среднего Поволжья.

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИИ

С освоением и заселением лесостепей зоны Среднего Поволжья здесь неуклонно развивался процесс укрепления феодально-крепостнических отношений.

Еще в XVI веке в северо-западной части Пензенского края возникли вотчины крупных московских феодалов: Нагих, Салтыковых, Романовых и других.

В XVII веке, в связи с проведением засечной черты, число вотчинных и дворянских владений резко возросло. Усилия свои позиции на окраинах государства, царское правительство осуществило массовую раздачу земель и лесов боярам, дворянам, мордовским и татарским служилым мурзам и князьям, монастырям.

Из так называемых «десятней» (послужных списков дворян XVII века) видно, что первоначально в Пензенском крае было в основном распространено мелкопоместное землевладение. Наиболее привилегированная группа служилых людей получала земли в 200—400

четвертей (100—200 десятин) в каждом из трех полей, мордовские и татарские мурзы по 100—200 четвертей, рядовые (казаки, пушкари, воротники) — от 8 до 60 четвертей.¹⁸

Не довольствуясь полученными поместьями, помещики самовольно производили прирезки, беззастенчиво грабя местное население. Так, керенские дети боярские—военные служивцы, получив «тучные» земли, захватили себе многие соседние участки. Об этом откровенно сообщал царю Алексею Михайловичу керенский воевода Кугушев. «Керенские земли, — писал он в 1671 году, — были издревле мордовские и татарские и бортные ухажай в дальних годах, до поселения городу Керенску и Керенскому уезду у мордвы по знаменам (т. е. по определенным участкам), а как та мордва разошлась в разные уезды (т. е. разбежалась от непосильного феодального гнета), ...то уже те земли розданы разным помещикам».

И это было повсеместно. Согласно одной из писцовых книг 1678 года, русские помещики в течение пятидесяти лет захватили в мордовских деревнях примерно четвертую часть пашенных земель и лугов.¹⁹

Расширение и укрепление феодального землевладения сопровождалось усилением крепостнической эксплуатации крестьян. Наиболее распространенной была смешанная форма феодальной ренты: оброк натуральный или денежный и одновременно барщинные повинности. Феодально зависимые крестьяне должны были работать на своих господ три—четыре дня в неделю со своим инвентарем и наряду с этим приносить барину хлеб, мясо, кур, гусей, яйца, мед, воск, холст, пряжу, то есть все, что захочет господин.

Необходимость достать деньги, чтобы выплатить денежный оброк, заставляла крестьян обращаться к землевладельцам «за подмогой» (ссудой). Те давали деньги, но с процентами или за отработки. Так, некий темниковский богатый мордвин Пиксайка Сироткин закабалил за 3 рубля четырех крестьян. «И жили они у него

---

¹⁸ «Пензенская область». Пенза, 1939, стр. 46. «Очерки истории Мордовской АССР», стр. 102.

¹⁹ В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина, М., 1955, стр. 36.

мордвина 15 лет и всякие дела делали в поле и во дворе и за двором». ²⁰

В целях усиления феодально-крепостнических порядков царское правительство насаждало на юго-восточной окраине государства монастыри. Крупнейшими из них были Пурдошанский и Санаксарский в Темниковском уезде, Николаевский Чернеев в Шацком уезде, Троицкий в Алатырском уезде. Эти и другие монастыри и церкви правительство наделило пахотными землями, лесными и водными угодьями, приписало к ним целые села и деревни. Как и светские, монастырско-церковные феодалы всеми путями и средствами увеличивали свои владения, закрепощали крестьян.

Так, в 1645 году за Пурдошанским монастырем уже числилось около двух тысяч душ крестьян, «пашенной доброй земли до 1250 десятин, сенных покосов на 1765 копен и еще 500 десятин строевого соснового леса», а также бортные ухояжи по рекам Мокше, Алатырю, Суре.

Монастырские крестьяне были в таком же тяжелом положении, как и помещичьи. Пословица «монастырщина, что барщина» метко определяла их общественное состояние. Примером тому служит наказ 1669 года, данный Савво-Сторожевским монастырем об управлении монастырскими вотчинами. В нем говорилось, чтобы крестьяне «по все годы» работали в пользу монастыря: сеяли, убирали и свозили зерновые, косили сено, расчищали лес, ловили рыбу. Им не разрешалось отъезжать из селения, производить торговые сделки, варить хмельные напитки и даже устраивать игры и забавы (в наказе говорилось, чтобы у крестьян «в домах бесовских игр, а на улицах качелей не было»). За малейшее нарушение наказа предписывались разные штрафы и наказания.

В XVII веке крестьяне уплачивали многочисленные государственные подати: «данные», ²¹ «стрелецкие», «полоняничные» ²² и «ямские» ²³ деньги, налоги за «пустые выти» ²⁴ и продукты первой необходимости — соль, хлеб. Они были столь часты и разнообразны, что даже

²⁰ «Очерки истории Мордовской АССР», стр. 84.

²¹ Дань в пользу государства.

²² Налог для выкупа пленных.

²³ Подорожная подать.

²⁴ «Пустая выть» — непаханный земельный участок.

царские чиновники были вынуждены доносить правительству, что местные жители «от больших податей и от хлебной скудности стали бедны», а их селения запустели.

Кроме податей, местное население выполняло разные повинности: ратную, ямскую, подвозную, строительную. Наиболее тяжелыми являлись те, которые были связаны с сооружением засечной черты, возведением городов и острогов. Применяя примитивные орудия труда—топоры, ломы, кирки, заступы, лопаты—крестьяне с ранней весны до поздней осени выполняли огромный объем земляных и лесных работ. Их изнурительный труд сопровождался частыми увечьями, затяжными эпидемиями.

В наиболее худшем положении находилось мордовское и татарское население. Помимо государственных налогов и повинностей, оно уплачивало своим феодалам еще местный налог. Например, мордва Алатырского уезда вносила «князь Иваньковский ясак», мордва Кадомского уезда — «князь Янгальчевский ясак», мордва Темниковского уезда — «князь Еникеевский ясак». Ясак был различным, ибо его размеры устанавливал сам феодал.

Особенно в трудном положении очутились мордва и татары, проживавшие в зоне засечной черты и линии военных поселений. Зачастую воеводы сгоняли их с обжитых мест и насильно зачисляли в состав служилого населения. Именно так, например, произошло в 1665—1666 гг., когда проводилась линия военных поселений от Пензы вдоль р. Суры до села Вьясса. Произвол царской администрации был настолько груб и разнуздан, что мордовские служивцы не выдержали и в 1679 году обратились к царю с челобитной, в которой писали, что воевода Борнеков насильно согнал их с родных мест и зачислил на военную службу. Своеволье военачальников, тяжесть службы довели крестьян до того, что они стали «скудны и безлошадны и разорились без остатку.» Мордовские сослуживцы просили освободить их от казачьей службы и зачислить обратно в «посопное тягло» Правительство согласилось выполнить их просьбу лишь тогда, когда мордва обязалась платить «сверх прежнего оброку» большое количество стрелецкого и посопного хлеба, ямские и полоняничные деньги, высо-

кий денежный ясак и много меду. Это был ярко выраженный феодальный грабеж.

Подобные примеры были типичны, и нет ничего удивительного, что в полосе засечной черты и военных поселений мордва и татары влачили нищенское существование.

В 1671 году инсарский воевода Вышеславцев доносил царю, что по «черте казачьи службы татар и мордвы ныне впусте и пашни залегли», что некоторые «татарове и мордва ныне померли на твоей, государя, службе», а другие «бежали в Пензенский, Саранский и Нижнеломовский уезды».

В целях укрепления своей власти царизм проводил грубую политику насильственной христианизации мордовского и татарского населения. Насаждение православия осуществляли с помощью воевод и военных дружин монахи, попы и проповедники-миссионеры.

О том, какими методами осуществлялось крещение мордвы, свидетельствует один из следующих документов 1681 года. В нем предписано «сыскать» жену и детей темниковского новокрещена А. Еникеева и указ им сказать, чтоб они крестились в православную веру. А буде они не крестятся, и им сказать, что они сосланы будут в Богородский на пашню».²⁵

Ясно, что подобные меры приобщения населения к православию вызывали среди мордвы и татар справедливое чувство ненависти и сопротивление. Выведенные из терпения они не раз нападали на монастыри, чинили расправу над рьяными миссионерами. Так, в начале XVII века мордва утопила в Суре двух архимандритов Троицкого монастыря, а третьего сбросила с монастырской башни. Разогнав монастырскую «братию», она разгромила монастырское имущество, отобрала жалованные царские грамоты на вотчины и захватила монастырскую землю.

В 1618 году мордва напала на Пурдошанский и Николаевский Чернеев монастыри, а в 1655 году в деревне Ямбиревой (ныне село Конобеево) смертельно ранила видного миссионера, епископа Рязанского Миссаила, явившегося из Шацка крестить местных крестьян.²⁶

²⁵ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, ч. 2. Саранск, 1951, стр. 537.

²⁶ «Пензенская область», стр. 72—73.

Формально приняв крещение, многие мордва и татары продолжали жить по-старому, соблюдая свои привычки и обычаи. В одном из документов 1681 года говорится, что новокрещенный мордвин Нолуевской (Юловской) слободы Федор Федоров «поругается православной христианской вере», «живет с старою своею женою с мордвою не по закону», нарочно «крест носит на поясу и в постные дни есть скором». Другой крещенный — татарин, «скинув с себя крест, вообще бежал с женою и детьми на юг».²⁷

Нелегко жилось и мелким служилым людям пензенских городов и острогов — казакам, пушкарям, стрельцам, воротникам, сторожам. Они не получали денежного жалования и их служба, как сказано в «Сметных росписях», шла с «земель». Другими словами, они одновременно и несли тяжелую государственную службу и занимались сельским хозяйством. От тяжелой службы, дикого произвола местных властей они часто разорялись, бежали на Дон.

В XVII веке Среднее Поволжье было наводнено беглыми людьми, стекавшими сюда из центральных областей страны. Это были наиболее антикрепостнически настроенные слои крестьянского и городского населения. Их классовая направленность хорошо видна из следующего документа 1654 года: «А бегая, — писали царю боярские дети северных поволжских городов, — крестьяне помещиков своих и вотчинников разоряют и дома их пожигают, а иных самих и жен и детей и людей и крестьян до смерти побивают».²⁸

Идя навстречу просьбам феодалов, правительство организовало тщательный розыск беглых в Среднем Поволжье. Были посланы специальные сыщики «и по черте, и за черту». С помощью специальных отрядов карателей они нашли и казнили многих людей. Так, сыщиком Волынским в 1658 году за четыре с половиной месяца в одном только городе Арзамасе было поймано 1200 человек; сыщиком Огаревым в Арзамасском, Алатырском и Кур-

---

²⁷ См. «Труды Пензенской ученой архивной комиссии», кн. II. Пенза, 1904, стр. 172—178.

²⁸ Г. Перетяткович. Поволжье в XVI и начале XVII в. Одесса, 1882, стр. 195.

мышском уезде за шесть месяцев 1662 года — 5326 человек; сыщиком Еропкиным с 1664 по май 1665 года в Тамбовском уезде — около 3300 человек; сыщиком Заблоцким за 1663—1667 гг. в Рязанском уезде — около 8 тысяч человек.²⁹

Действовали сыщики и в пензенских местах. В 1662 году в Саранском уезде вели сыск беглых Батурлин и Протопопов. Лишь в одной деревне Александровке они обнаружили 18 беглых семей.³⁰ Не успела Пенза еще как следует отстроиться и заселиться, а сюда уже в 1666 году прибыл указ о поимке беглых людей.³¹

Однако эти чрезвычайные розыски не смогли приостановить приток беглых в район засечной черты. С каждым годом их число становилось все больше.

Немало в Пензенском крае было и пришлой крестьянской и ремесленной голытьбы, стекавшей сюда в целях заработка. В документах XVII века они именуются «гулящими людьми». О их численности можно косвенно судить по одному документу 1636 года, в котором повелевается местному воеводе набрать в окрестностях «Верхнего и Нижнего Ломовах вольных гулящих людей, которые были бы собою добры и молоды и из пищалей стрелять горазды» с той целью, чтобы зачислить их в число служилого городского населения.³² Можно предположить, сколько же было здесь «вольных гулящих людей», если из них отбирали лишь «добрых молодцов».

Таково было положение Пензенского края в XVII веке. Оно было типичным для всего Среднего Поволжья. Вот почему, когда здесь раздался призывный набат участников крестьянской войны под предводительством Степана Разина, на борьбу против феодалов поднялись и крестьяне, и городские низы, и служивцы «засечной черты», и беглый гулящий люд.

²⁹ «Очерки истории Мордовской АССР», стр. 125—126.

³⁰ Г. Перетяткович. Указ. соч., стр. 196.

³¹ «Труды Пензенской ученой архивной комиссии», кн. II, Пенза, 1904, стр. 22.

³² А. А. Хвощев. Указ. соч., стр. 39.

УЧАСТИЕ НАРОДНЫХ МАСС ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА

Усиление феодально-крепостнического гнета породило небывало широкий размах антифеодальных выступлений как городской, так и сельской бедноты. На протяжении всего XVII века в стране не прекращались народные волнения, вылившиеся в итоге в грандиозную крестьянскую войну под предводительством Степана Разина (1667—1671 гг.). Эта война проходила на огромной территории — от Каспийского моря на юге до верховий Волги на севере. Одной из центральных арен ее явилось Ценско-Сурское междуречье.

Накал крестьянских выступлений в районах Средней Волги явно обозначился к осени 1670 года, когда повстанческая армия Степана Разина с низовий Волги подошла к Симбирску.

Чтобы поддержать стихийные крестьянские выступления, Степан Разин направил из-под Симбирска в разные стороны свои небольшие отряды. К Пензе был послан отряд Михаила Харитоновца. Он шел на запад вдоль засечной черты.

Вскоре в руках харитоновцев оказались Юшанск, Тагай, Корсун, Атемар, Саранск, Инсар. Отсюда меньшая часть отряда направилась в Наровчат, а остальная — к Пензе.³³ Везде, где бы ни появлялись разинцы, местные крестьяне и служилые люди поднимали восстания и расправлялись со своими угнетателями. Например, когда повстанцы подошли к стенам Наровчата, жители схватили ненавистного им «приказного человека с сыном и бросили их в тюрьму, а город свой казакам сдали».

Из других документов видно, что крепостные крестьяне пензенского воеводы с повстанцами «сложились за един». Двигаясь к Пензе, они «по селам и деревням помещиков... побивали и дома их разоряли».

25 сентября отряд Михаила Харитоновца подошел к Пензе. Горожане и служилые люди отказались ераться с повстанцами и открыли перед ними крепостные ворота. Восставшие «воеводу Елисея Лачинова да приказной избы подъячего Александра Телопова да соборного попа

³³ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сборник документов, т. II, ч. I, изд. АН СССР. М., 1957, стр. 119.

Луку побили до смерти, а дома де их и иных лучших людей разорили».³⁴

Пенза правратилась в сборный повстанческий пункт. Сюда стекались засечные сторожа, крестьяне — русские, мордва, татары. Из Саратова пришел отряд под руководством бесстрашного сподвижника Степана Разина — Василия Федорова.³⁵ Объединив силы, Михаил Харитонов и Василий Федоров с отрядом в 900 человек двинулись на Нижний Ломов. Феодалную знать охватил страх. Не надеясь на своих людей, нижнеломовский воевода Андрей Пекин с подъячим в одних рубашках убежали в деревню Раково. Но скрыться от народного гнева им не удалось. Ломовцы нашли воеводу и казнили «изругательною смертью», подняв его на копьѣ.³⁶ Нижнеломовская крепость была взята без боя 2 октября 1670 года.

После этого повстанцы пошли к Верхнему Ломову. К ним «большим собранием» присоединились и нижнеломовцы. Их возглавляли Василий Нехорошев, сын Шилов, Тихон Петелин, Федор Белик, Ларион Егольников, Иван Емельянов.

Перепуганный верхнеломовский воевода Игнатий Корсаков выслал было против повстанцев «по конец казачьей слободы всех градских людей». Но последние сражаться не стали, а присоединились к повстанцам. В крепости был тотчас учинен «казачий круг». Восставшие предали смерти воеводу и попа Федора Семенова, наказали плетьми неугодных им лиц, захватили государственный амбар, где «государевы грамоты и всякие дела изодрали», избрали своего атамана — Максима Дмитриева — и старшину — ломовца Вариводу (Вариводина).³⁷

Через неделю повстанческое войско было уже у стен Керенска. Местный воевода Автамон Безобразов с 300 казаками и стрельцами попытался было организовать оборону, но безуспешно. Керенские «градские люди» заявили, что «им битца с казаками не в мочь». Воевода был схвачен и по народному решению казнен. Когда в Керенскую крепость вошли повстанцы Харитонова, на

³⁴ Там же, стр. 183.

³⁵ Там же, стр. 338.

³⁶ Там же, стр. 108, 109, 424.

³⁷ Там же, стр. 426—428.

площади состоялось народное собрание. Местные жители избрали своего главу. Им оказался керенский казак Семен Кузнец, а его помощником — Любим Жидков.

13 октября в Керенск прискакал гонец от Степана Разина. Он привез письмо, в котором говорилось, чтобы повстанцы собирались «в Шацком уезде в селе Конобееве» с тем, чтобы оттуда «иттить под Москву бояр побивать».³⁸ На народном сходе решили тотчас идти в Конобеево. На другой день «с тысячу человек или больше» были уже там. Конобеево превратилось в боевой лагерь. Сюда сходились крестьяне из разных сел и деревень, уничтожая по пути помещичьи усадьбы и избивая самих господ.³⁹

Перепуганное размахом крестьянского движения царское правительство срочно сформировало и послало на Среднюю Волгу мощные силы карателей. Так, из Москвы в район Арзамаса и Алатыря были направлены войска Юрия Долгорукова, а из Тамбова под Шацк — войска Якова Хитрово.

Во второй половине октября восточнее Шацка, у села Конобеево, произошла кровопролитная битва повстанческих сил Михаила Харитонова и Василия Федорова с войсками Я. Хитрово. Она закончилась поражением восставших. Лишь с небольшим отрядом Михаил Харитонов и Василий Федоров вернулись к Верхнему и Нижнему Ломовам. Они хотели пробиться к Степану Разину. Но ломовцы не пустили их, а «начали унимать и говорить, мы де под Шацк пойдем всеми головами».⁴⁰

И действительно, как видно из документов, ломовцы и керенцы поголовно поднялись на защиту завоеванной свободы. В короткий срок была создана новая армия под начальством Михаила Харитонова, Василия Федорова и верхнеломовца Михаила Дмитриева. В ней насчитывалось пять тысяч человек. Из них «донских казаков только всех человек с 40», а остальные «с Ломова, да и с керенских чинов служилые люди и мужики». Боевым лагерем стали в «большом лесу», севернее Керенска. «А в лесу де у них меж Керенки и Алдалева засеки большие, а на засеках де сторожа по сту человек в трех местах».⁴¹

³⁸ Там же, стр. 158—160.

³⁹ Там же, стр. 188.

⁴⁰ Там же, стр. 425.

⁴¹ Там же, стр. 331.

11 декабря 1670 года на эти засеки были брошены правительственные войска. Повстанцы мужественно защищались, однако были вынуждены отойти к деревне Ачадово. Через два дня здесь произошло новое, последнее сражение с правительственными войсками. Вооруженные чем попало повстанцы сражались до конца. «И приступили, государь, х той деревне твои... ратные люди жестокими приступами, — доносилось царю, — и ис пушек по их... обозу били с третьего часа дня по четвертый час ночи».⁴²

Особенно отчаянно сражались «керенского города служилые люди и Керенского уезду разных сел и деревень служилые татаровя и мордва». В донесении царю отмечалось, что многие ратные люди на том бою «переранены тяжелыми ранами, пиками и рогатинами пробиты насквозь, а ныне из пищалей и из луков перестреляны».

Потерпев поражение, повстанцы разрозненными отрядами стали отступать по черте на юго-восток. Их положение стало особенно тяжелым, когда с севера, на соединение с карателями Я. Хитрова двинулись правительственные войска Ю. Долгорукова. Захватив Темников, Красную Слободу, Троицк, Наровчат, они 15 декабря вышли к засечной черте и овладели Инсаром.⁴³

В это время, покинув Верхний и Нижний Ломовы, остатки отряда Михаила Харитонова отошли к Пензе. Туда были посланы царские каратели под командованием полковников Д. Фандернисипа и С. Зубова. Им предписывалось «на Пензе над воровскими людьми... поиск чинить». 20 декабря каратели подошли к Пензе. Располагая малыми силами, повстанцы ушли в саратовскую степь. Каратели предприняли было за ними погоню, но безуспешно.

Всю зиму в пензенских местах действовали каратели. Они старались так рьяно, что после их пребывания села превращались в пепел и пустыри. С циничной откровенностью писал об этом палач князь Юрий Долгоруков. «А которые де государь, деревень мордва с твоими... ратными людьми бились, велел те деревни сжечь и воровские люди многие в тех деревнях сторели».

⁴² Там же, стр. 415.

⁴³ Там же, стр. 440.

Современники оставили описания страшной расправы царских палачей над восставшими: их забивали до смерти плетью, сажали на кол, вешали, топили, четвертовали. Смертью поплатились многие отважные сподвижники Степана Разина. Так, были подвергнуты пыткам, а потом повешены ломовские посланцы к Степану Разину — Андрей Бобровников и Михаил Умрихин (Сурихин), зверской пытке подвергнуты Василий Федоров и верхнеломовский вожак Максим Дмитриев. Последний, как и Степан Разин, был четвертован.⁴⁴

Однако, несмотря на зверскую расправу, крестьянское движение в крае не прекращалось. Как видно из документов, в январе 1671 года в Тамбовском уезде образовались новые повстанческие отряды, в составе которых активно действовали люди «с черты от Керенска и от Ломова».⁴⁵

В другом документе, датированном 8 января 1671 года, говорится, что восставшие Курмышского уезда «дожидаютца больших к себе людей с Пензы».⁴⁶

Весной 1671 года с Дона к черте вновь двинулись отряды повстанцев. Один из них в мае 1671 года подошел к Пензе. Пензенским жителям повстанцы говорили: «идем де мы с астраханцы и саратовцы и других понизовых городов с людьми конными и пехотою большим собранием с пушки через Саранскую и Ломовскую черту к Москве».⁴⁷

В это время в некоторых местах произошли новые вспышки крестьянских волнений. Однако наличие в городах военных сил, массовые репрессии над восставшими зимой 1670—1671 гг. сковали инициативу крестьян, посадского и служилого населения засечной черты.

Не получив должной поддержки, повстанческие отряды были вынуждены отойти в низовье Волги. 26 ноября 1671 года царские войска взяли Астрахань — последний очаг восстания в Поволжье. На этом крестьянская война была фактически закончена. Несмотря на поражение, она показала неисчерпаемую силу угнетенных масс, их стремление повести открытую борьбу против феодально-крепостнических устоев.

⁴⁴ Там же, стр. 427.

⁴⁵ Там же, стр. 511.

⁴⁶ Там же, стр. 516.

⁴⁷ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 139.

КОЛОНИЗАЦИЯ КРАЯ В КОНЦЕ XVII ВЕКА

После подавления крестьянской войны под предводительством Степана Разина район «понизовых городов и засечной черты» стал наводняться дворянами и боярами. Помещичья колонизация приняла широкие размеры. Здесь, в 70-х годах XVII века, плодородными земельными угодьями завладели Грабов (с. Грабово), Гольцов (с. Гольцовка), Бибиков (с. Бибиково), Кологривов (с. Кологривовка), Кадошов (с. Липяги). Их примеру последовали Симбухин, Таузаков, Беликов, Палеологов, Вышеславцев, Плетцов, Алферов и другие.

Ввиду того, что угроза крымских и ногайских татарских вторжений все еще оставалась, русское правительство предприняло сооружение новых засечных черт. Первая черта соединила Инсар с Пензой. Она строилась долго и была закончена лишь в 1681—1682 гг. От Инсара до верховий Мокши черта шла лесом, а затем до Пензы — степью.⁴⁸ На наиболее опасных, или, как тогда говорили «проходных местах», были построены крепость Мокшан и Рамзаевский острог.

Вторая черта соединила Пензу с Волгой. Основными укрепленными пунктами ее явились Налуевское городище (1681 г.)⁴⁹ и Сызрань (1684 г.).

Проведение Инсарско-Пензенской и Пензенско-Сызранской засечных черт способствовало дальнейшему заселению края, росту вотчинного и дворянского землевладения.

Вполне естественно, что сначала осваивались земли между старой и новыми засечными чертами, а затем и южнее.

В 80—90-х годах южнее пензенских черт возникли имения Нееловых, Панкратьевых, Нечаевых, Воронцовых, Шепетьевых, Нехлюдовых, Зиновьевых, Евлашевых, Федоровых, Внуковых, Пестровых, Ермолаевых, Вырапаевых, Куроедовых, Кадышевых и других. Среди них были и такие крупные феодалы, как князья Михаил Мещерский и Иван Долгорукий, родственник Петра I боярин Кирилл Нарышкин. Они захватили огромные угодья. Например, Михаил Мещерский прибрал к своим рукам

⁴⁸ Остатки вала сохранились по линии Мокшан—Рамзай—Пяша.

⁴⁹ Ныне г. Городище Пензенской области.

земли «за валом из диких поль с вершины реки Хопра... до устья речки Арчады и до устья речки Сердобы», а Кирилл Нарышкин — от Сердобы до земель донских казаков.⁵⁰

Наряду с помещичьей колонизацией шел процесс освоения южных районов края, расположенных за засечной чертой. Мордва и татары бежали в глухие, необжитые места, пытаясь скрыться здесь от феодально-крепостнического произвола. Так возникли мордовские деревни Захаркино, Шаткино, Камешкир, татарские селения по речкам Кададе и Тюнярю.⁵¹

В результате освоения земель южнее пензенских засечных черт образовались два новых «стана» (района) — Завальный⁵² и Узинский,⁵³ что потребовало новых оборонительных мер.

В 1697 году последовал указ Петра I: «на реке Медведице сделать город, чтобы впредь в украинские города и тех городов в уезды и села и деревни, которые поселились вновь за чертою Симбирскою и Пензенскою и Шацкою и иных городов, воинские люди не приходили и разорения никакого не чинили».⁵⁴ Этот указ был выполнен скоро, и на Медведице отстроился город, который по имени молодого царя был назван Петровском.

Вслед за этим, осенью 1699 года, на реке Сердобе основали другой укрепленный пункт — Сердобинскую Слободу (ныне г. Сердобск). Здесь поселились засечные сторожа, которые вели наблюдения за большим участком — «С Пензы до Вороны и назад с Вороны до Пензы».

В конце XVII века набеги крымских и ногайских татар в пределы Пензенского края хотя и уменьшились, но все еще продолжались. В 1701 году засечные сторожа Сердобинской слободы писали, что «приходы де к ним от воинских людей бывают частые, и они с теми воинскими людьми бьются смертными боями».⁵⁵

Лишь только после сооружения мощных волго-дон-

⁵⁰ А. А. Гераклитов. Указ. соч., стр. 295—302, 303.

⁵¹ Там же, стр. 298—299.

⁵² Земли южнее Пензенско-Исарской черты.

⁵³ Земли южнее Пензенско-Сызранской черты (гл. образом по бассейну р. Узы).

⁵⁴ А. А. Гераклитов. Указ. соч., стр. 305.

⁵⁵ Рукописный фонд Сердобского краеведческого музея.

ских земляных укреплений (1717—1720 гг), вторжения «воинских людей» в понизовые города прекратились. «И тако, — доносилось русскому правительству, — низовая украинна от тех кубанских набегов успокоена и где было не токмо прежнее жильё, но и в новых пустых местах селитьба умножается».⁵⁶

Итак, во второй половине XVI и на всем протяжении XVII века территория Пензенского края представляла собой юго-восточную окраину Русского государства. В борьбе против ногайских и крымских татар здесь планомерно создавалась разнообразная система оборонительных сооружений, которая способствовала правительственной, помещицкой, монастырской, вольной или крестьянской колонизации края. Хозяйственное освоение и заселение Цзенско-Сурского междуречья было тесно связано с усилением феодально-крепостнического гнета, обострением классовой борьбы, так ярко проявившейся в годы крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина.

Заселение Пензенского края шло с севера и с северо-запада на юг и юго-восток по горизонталям засечных черт: сначала по линии Шацк—Кадом—Темников—Алатырь — Тетюши, затем Керенск — Верхний и Нижний Ломовы — Инсар — Потижский Острог — Шишкеево — Саранск — Атемар — Сурский Острог — Симбирск, потом Инсар — Мокшан — Рамзай — Пенза — Городище — Сызрань и, наконец, укрепленных пунктов Сердобск — Петровск.

В ходе освоения и заселения Среднего Поволжья Пензенский край превратился в район феодального помещицкого землевладения.

---

⁵⁶ А. А. Гераклитов. Указ. соч., стр. 324.

IV. ПЕНЗЕНСКИЙ КРАЙ В XVIII ВЕКЕ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

На рубеже XVII—XVIII веков Пензенский край из пограничной окраины Российского государства превращается во внутреннюю область страны, а город Пенза утрачивает свое бывшее военное значение. Она становится административным центром Пензенской провинции Казанской губернии.

Восемнадцатый век в истории Пензенского края был временем насаждения в нем дворянского землевладения, укрепления феодальной собственности на землю, с одной стороны, и роста феодальной эксплуатации — с другой. Щедрой рукой самодержавных владык русские цари, начиная с Петра I, здесь в плодородном и еще сравнительно мало заселенном крае, раздавали обширные земельные владения своим родственникам и фаворитам, представителям дворянской верхушки. В числе пензенских помещиков XVIII века мы видим князей Голицыных, Долгоруких, Трубецких, Щербатовых, графов Головиных, Апраксиных, Шереметевых и других представителей высшего слоя дворянства.

Широко практиковалась правительством раздача земель с населенными на ней крестьянами и местному дворянству. Так, в 1745 году князю Осману Ивакаеву Акчюрину были пожалованы значительные земельные угодья по рекам Мокше, Инсару, Суре¹.

Раздача земель и крепостных крестьян дворянству продолжалась и во второй половине XVIII века. Напри-

¹ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. III, ч. 2, стр. 370—375.

мер, в это время в Саранском уезде жене генерал-майора Масолова было пожаловано 200 душ крестьян, полковнику Киркову — 125 душ, помещику Эмирову — 120 душ, помещику Тыртову — более 100 душ и т. д. Новые владельцы получали большие пространства пахотной земли, лесных, луговых и других угодий, а также различные доходные статьи в виде рыбных ловель, мельниц и проч. Так, тайным советникам Окуневу и Коробину было пожаловано: первому 5638 десятин земли в Симбирской и Пензенской губерниях, второму — 3190 десятин в Краснослободском, Троицком и Наровчатском уездах Пензенской губернии².

Наряду с правительственными раздачами расширение помещичьего землевладения происходило за счет захватов под видом «подкидных» и «брошенных» земель ясачных (государственных) крестьян. Так, ясачная мордва Саранской, Пензенской и Петровской провинций в своем наказе депутатам Екатерининской комиссии по составлению нового уложения (1767 г.) писала: «Многие помещики... насильством своим у нас, у новокрещен, завладели землей без всяких крепостей; а прочие уже под видом якобы своей крепостной и отмежевали; до владения и до пахания, и до покосов, и до лесов той земли не допускают и, захватя, бьют до смерти»³.

Присваивали крестьянскую землю и монастыри. Об этом, в частности, свидетельствует челобитная (1768 г.) крестьян Нового и Старого Алемасова Темниковского уезда, в котором они просят Екатерину II вернуть им леса и покосы, захваченные монахами Саровского монастыря. В ответ на это крестьянам было приказано прекратить тяжбу. В конце XVIII века Саровский монастырь имел 23 225 десятин земли, приобретенной путем пожалований и захватов⁴.

Одновременно с ростом помещичьего землевладения в Пензенском крае шел процесс закрепощения еще в недалеком прошлом свободного населения.

Как и прежде, в XVIII веке основой хозяйственной

² «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 207.

³ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. III, ч. I, стр. 161.

⁴ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 143, 206.

жизни в Пензенском крае продолжало оставаться сельское хозяйство, ведущей отраслью которого было земледелие. Главными зерновыми культурами были так называемые серые хлеба: рожь, овес, ячмень, гречиха, просо. Преобладание этих культур объясняется тем, что при низком уровне ведения хозяйства они являлись наиболее урожайными. Техническое оснащение сельского хозяйства было крайне рутинным. Основными орудиями земледелия являлись соха, борона, серп да коса.

Под влиянием постепенно развивающихся в недрах феодального строя капиталистических отношений сельское хозяйство края все более и более теряет свой натуральный характер, все сильнее крепнет его связь с рынком. В связи с развитием промышленности и усилением общественного разделения труда, ростом городов и городского населения увеличивается спрос на продукты сельского хозяйства. В этих условиях пензенские помещики, чтобы повысить доходность своих имений, стараются произвести как можно большее количество хлеба для продажи. С этой целью они расширяют барскую запашку за счет уменьшения крестьянских наделов. В некоторых имениях площадь крестьянского землепользования сильно сократилась. Так, в селе Архангельском Городищенского уезда, принадлежавшем князю Куракину, размер крестьянского надела составлял в конце XVIII века 1—1,25 десятины⁵. Крестьяне села Турдаки Саранского уезда в своей жалобе Саранскому нижнему земскому суду писали: «Из тех их села обывателей некоторые семейства претерпевают великую нужду из-за недостатка земли».

Недостаток земли остро ощущался крестьянами всех уездов края. В 1787 году пензенский губернатор Ребиндер в своем докладе писал, что во многих случаях у крестьян осталось по одной десятине на душу, так что многие из них «впали в сущую бедность»⁶.

Расширение помещиками собственной запашки сопровождалось увеличением барщинной повинности. Во второй половине XVIII века размер барщины увеличился с 3 до 4—5 дней в неделю. Росло и число барщинных

⁵ Е. Самойлов. Пензенский край в конце XVIII века. Пенза, 1959, стр. 40.

⁶ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 144.

крестьян. К концу столетия в ряде уездов Пензенского края барщинные крестьяне составляли 48 процентов общего числа крепостных⁷.

Барщина являлась наиболее обременительной формой эксплуатации, до предела стеснявшей хозяйственную инициативу крестьян. Обременительные повинности на барской пашне сдерживали расслоение деревни, тормозили развитие крестьянских промыслов.

В лесной зоне, куда входили некоторые районы Пензенского края, помещики в большинстве случаев переводили крестьян на оброчную систему. Для помещиков нечерноземной полосы выгоднее было получать с крестьян оброк, размеры которого, как правило, устанавливались самим барином по своему усмотрению. В XVIII веке в результате роста товарно-денежных отношений преобладающим стал денежный оброк. Во второй половине XVIII века в Среднем Поволжье он достигал 5—10 рублей в год с тягла. Денежный оброк, являвшийся последней формой феодальной эксплуатации, подрывал устои веками существовавшей системы. Он предоставлял крестьянину больше инициативы в ведении хозяйства, в известной мере избавлял его от мелочной опеки со стороны помещичьей администрации.

Не случайно, что в северных уездах Пензенского края более широко представлены крестьянские промыслы. В Темниковском, Саранском, Керенском уездах в целом ряде селений крестьяне изготавливали ведра, бочки, колеса, выделывали кожу. Широко развито здесь было и отходничество. Крестьяне занимались извозом, бурлачеством, нанимались работать в казачьих станицах Дона. Развитие промыслов повышало доходность крестьянского хозяйства. За этим зорко следил помещик, постоянно увеличивая размер оброка.

Наряду с денежным оброком крестьяне были обязаны поставлять в усадьбу значительное количество «столового припаса», выполнять подводную повинность и необходимые работы на господском дворе, уплачивать (до новой ревизии) подати за переселившихся и беглых. Различные сборы и повинности из года в год ухудшали положение крестьян.

⁷ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I. СПб, 1881, стр. 27.

Промышленность Пензенского края в XVIII веке развивалась в двух направлениях: по пути создания казенных промышленных предприятий и частных — вотчинных и купеческих. Одной из старинных отраслей промышленности в крае было производство поташа. В первой половине XVIII века поташ вырабатывали на территории Саранского, Краснослободского, Нижнеломовского уездов. В 1707 году в селе Починки Саранского уезда правительством была создана Починковская поташная контора, в ведомстве которой в конце 20-х годов состояло 20 заводов, с 18 тысячами приписных к ним крестьян. Ежегодно эти заводы вырабатывали до 60 тысяч пудов поташа. В 1733 году в ведомство Починковской конторы было приписано еще 10 тысяч ясачных крестьян Саранского, Инсарского, Краснослободского и других уездов. Это позволило поднять выработку поташа в 40-е годы XVIII века до 2335 бочек в год. Ежегодный доход от починковских заводов составлял около 21 тыс. рублей.⁸

В XVIII веке на территории Пензенского края определенное развитие получает металлургия.

В 1719 году в Краснослободском уезде помещицей Шапкиной был основан Рябкинский чугуноплавильный и железоделательный завод, на котором работали 181 человек мужского пола и 191 — женского из приписных крестьян и вольнонаемных. Завод в год выплавлял 25 тысяч пудов чугуна и 6—7 тысяч пудов железа. В 1726 году были основаны Сивинский железоделательный, а в 1754 году Авгорский чугуноплавильный заводы, работавшие на местном сырье: болотной руде и древесном угле.⁹

В 1764 году по специальному указу Екатерины II был построен в селе Николо-Пестровке помещиком Бахметьевым стекольный завод, который в 80-е годы производил посуду на три тысячи рублей в год.

Широкое развитие в XVIII веке на территории Пензенского края получают отрасли промышленности, связанные с переработкой продукции сельского хозяйства.

Среди них первое место принадлежит винокурению, ставшему сословной привилегией дворянства¹⁰. значи-

⁸ «Очерки истории Мордовской АССР», т I, стр. 154—155.

⁹ Там же, стр. 158.

¹⁰ В 1765 г. помещики добились издания правительственного указа о том, что «вино курить дозволяется всем дворянам» и их фамилиям, а прочим никому».

тельное количество хлеба у помещиков, прибыльность торговли вином и несложность винокурения способствовали расширению предпринимательской деятельности пензенского дворянства. «Винокурение — это наша Ост-Индия», — писал пензенский вице-губернатор кн. Долго-руков¹¹.

На винокурении и виноторговле многие представители дворянства за счет жесточайшей эксплуатации своих крестьян наживали громадные по тому времени состояния. В качестве примера можно сослаться на князя Куракина. В 80-х годах, обремененный долгами, он вынужден был оставить столицу и переселиться в свою пензенскую усадьбу. Здесь он основал полотняную и суконную мануфактуры и два винокуренных завода с годовой производительностью в 180 тысяч ведер. Куракин поставлял вино на питейные дворы и одновременно организовал его нелегальную продажу. Дела помещика быстро пошли в гору. В усадьбе он построил дворец, завел оранжерею, разбил сады и парки. Крестьянам же дорого обошлись доходы князя. Они были переведены на барщину, возросли их повинности по перевозке вина и хлеба, заготовке дров¹².

Наряду с винокурением в уездах Пензенского края получили известное развитие вотчинные и отчасти купеческие мануфактуры по производству сукна, полотна и парусины, выделке кож и изготовлению красок. Среди них наиболее крупными были парусиновая фабрика А. Бахметьева в Краснослободском уезде, суконная фабрика в с. Дмитриевском, красочный завод купца Дубровина в Краснослободске¹³.

Однако общее число промышленных предприятий было невелико. Развитие промышленности тормозилось господством феодально-крепостнической системы.

Развитие товарно-денежных отношений приводило к увеличению торговли в крае, к расширению его экономических связей с другими районами страны. С середины XVIII века пензенские помещики и купцы ежегодно отправляют хлеб по реке Суре в Москву и Петербург.

¹¹ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 211.

¹² «История СССР с древнейших времен до наших дней», первая серия, т. III, изд. «Наука», 1967, стр. 406—407.

¹³ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 156.

Растет число торжков и ярмарок. Во второй половине XVIII века в Пензе имелось две ярмарки, на которых шла бойкая торговля хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Сюда съезжались с разных городов купцы с сукнами, ситцами, серебряной и медной посудой. Крупными торговыми центрами были города Саранск, Инсар и Краснослободск. Оживленно велась торговля и в других уездных центрах.

В XVIII веке ухудшилось положение крестьян и городских низов. Разорительные войны приводили к росту поборов и налогов. В 1704 году в целях повышения обложения по всем пензенским уездам была проведена перепись ясачных (государственных) крестьян, а сумма налогов возросла в три раза.

В 1718 году многочисленные налоги и сборы были заменены единой подушной податью, которая оказалась го-

Крепостной на цепи.

С линогравюры художника А. Оя.

раздо тяжелее прежнего обложения. Крестьяне не в состоянии были уплачивать подати, что вынуждены были признать в своих донесениях даже сборщики налогов в

Пензенской провинции: «Крестьянам не только четырехгривенных, но и настоящих подушных денег за всеочечную скудностью платить нечем»¹⁴.

Часто сбор подати превращался в открытые сражения. Так, крестьяне села Спасского Керенского уезда в 1756 году жаловались на зверства капитана Северцова: «Он с драгунами вооружая, примкнув штыки и с обнаженными палашами, с барабанным боем, яко неприятели на приступ, устремились за крестьянами и за крестьянскими женами и детьми по улице и торговой площади... и догоняя, стали бити, палашами рубить, из ружей палить»¹⁵.

Сборщики налогов и другие чиновники занимались открытым вымогательством и грабежом населения. Так, с 1752 по 1763 гг. в Сенате рассматривалось дело о злоупотреблениях пензенского воеводы Жукова, который рассылал своих подчиненных в деревни Пензенского уезда и собирал у одних взятки деньгами, лисицами и медом, других приводил в Пензу и «держал под караулом в цепях и колодках по месяцу и более.., бил безвинно публично ботогами», третьих заставлял работать на себя: «косить траву, возить сено, ловить для себя живого волка, раков, обрабатывать усадьбу, варить пиво»¹⁶.

Пензенский край был населен различными нерусскими народами: мордвой, татарами, чувашами. Со второй половины XVIII века вместе с усилением господства помещиков правительство усилило руссификаторскую политику среди нерусских народов, стремясь насильственной христинизацией подавить нарастающую классовую борьбу. В целях проведения христинизации правительство создало специальную контору Новокрещенских дел. С этого времени началось массовое насильственное крещение мордвы, татар, чувашей и других народов.

Миссионеры и попы принуждали «совершить крещение совершенным разорением... окна и двери рубили, трубы и печи ломали, били плетьюми». Насильственное крещение легло на нерусских крестьян новым тяжелым гнетом. Новокрещены должны были содержать своим трудом большое число попов и монахов, строить мона-

¹⁴ Там же, стр. 148.

¹⁵ С. Петров. Пугачев в Пензенском крае. Пенза. 1950, стр. 26.

¹⁶ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», ч. I, стр. 25—26.

стыри и церкви, уплачивать различные церковные налоги.

Тяжелый феодально-крепостнический гнет, огромные подати и повинности, насилие царских чиновников вызывали недовольство народных масс, приводили к стихийным выступлениям крестьян против эксплуататоров.

Так, в 1722 году крестьяне села Спасского Саранского уезда убили своего помещика Осипа Репьева, а затем разгромили поварню и все хозяйственные постройки. В 1756 году крестьяне села Пестровки того же уезда угрожали своему помещику «собраться многолюдством, прийти на двор господина... и согнать господскую всякую скотину»¹⁷.

Весной 1765 года вспыхнуло восстание крестьян села Ивановского Пензенского уезда. Поводом к выступлению послужила продажа имения князем Одоевским коллежскому секретарю Шевыреву. У восставших крестьян было «всякое огненное и студеное оружие»: ружья, косы, дубины, луки, кистени, рогатины. Два дня шло сражение с правительственными войсками. Когда же каратели пустили в ход артиллерию, крестьяне зажгли село и ушли с семьями в лес, куда они еще раньше угнали скот и свезли имущество. Только к осени властям удалось справиться с «ослушными» крестьянами¹⁸.

Правительство принимало самые жестокие меры по усмирению крестьян. Однако волнения народных масс с каждым годом все усиливались и в 1773 году вылились в грандиозную крестьянскую войну под руководством Е. И. Пугачева.

УЧАСТИЕ НАРОДНЫХ МАСС ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ Е. И. ПУГАЧЕВА

Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева — третья в России крестьянская война против феодально-крепостнического гнета, начавшись в сентябре 1773 года среди яицкого казачества, охватила огромную территорию Оренбургского края, Урала, Западной Сибири, Среднего и Нижнего Поволжья. Она вовлекла в активное движение против помещиков-крепостников до 100

¹⁷ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 165, 171.

¹⁸ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. III, стр. 255—256.

тысяч повстанцев: русских крестьян, трудовые слои казачества, угнетенные массы нерусских народностей— татар, башкир, удмурдцев, мордвы, чувашей.

В лице Пугачева крестьянское движение получило опытного руководителя, в котором сочетались ум, храбрость и энергия с большим жизненным опытом, с военной закалкой, полученной в боевых походах русской армии.

За короткий срок Пугачев сумел собрать значительные силы повстанцев и нанести ряд серьезных поражений царским войскам. Восставшие осадили центр Южного Урала — город Оренбург.

Известия о первых успехах пугачевцев быстро распространялись среди народа, поднимали широкие слои крестьянства на борьбу против крепостников-помещиков и царских чиновников. Пензенский край с его многочисленным крепостным населением стал одним из серьезных очагов крестьянской войны. Уже в конце 1773 года здесь усилились крестьянские волнения¹⁹. Сенатский курьер Полубояринов, приехавший в январе 1774 года в Саратов с депешей, сообщил местным властям, что все крестьяне от Пензы до Саратова не платят налогов, заявляя, что они имеют уведомление от Пугачева, что «будут вольны и независимы ни от кого»²⁰.

18 июня 1774 года около города Осы Пугачев со своим войском, состоявшим из крестьян, работных людей уральских заводов и казаков, перешел на правый берег Камы и направился к Казани. 12 июля повстанческие отряды численностью около 20 тысяч человек овладели этим городом. Взятие Казани — центра обширной Казанской губернии, в состав которой входила Пензенская провинция, еще больше воодушевило народные массы на дальнейшую борьбу против помещиков и царской администрации. Оно явилось важным событием в разворачивании крестьянского движения в волжском правобережье.

13 июля к Казани подошел карательный корпус полковника Михельсона. В кровопролитных боях восставшие были разбиты. Потеряв 8 тысяч убитыми и пленными и всю артиллерию, Пугачев с отрядом в 500 человек 17 июля 1774 года переправился на правый берег Волги и во-

¹⁹ «Исторический вестник», т. XV, за 1883 г., стр. 123.

²⁰ «Очерки истории Мордовской АССР», т. 1, стр. 174.

шел в район сплошного крестьянского движения. Здесь Пугачев снова энергично взялся за создание новой на родной армии. Он развернул широкую агитацию среди местного населения, призывая народ к беспощадному истреблению помещиков-крепостников и чиновников.

Уже на второй день после переправы Пугачев издал знаменитый манифест, в котором был ясно раскрыт антикрепостнический характер движения. В нем говорилось: «Божию милостию мы, Петр III, император и самодержец Всероссийский и проч. проч., жалуюм сим именным указом с монаршим и отеческим милосердием, всех находившихся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственно нашей короны и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными сенокосными

Е. И. Пугачев.

угодиями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и без оброку и освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян, градскихздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и тягощением.

...Повелеваем сим именным указом: как дворяне в своих имениях и вотчинах находят, оных противников нашей власти... и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать»²¹. Этот манифест Пугачев издает несколько раз, в том числе, находясь на территории Пензенской провинции под Саранском и под Пензой. Сила пугачев

²¹ «Пугачевщина», т. I, М.—Л., 1926, стр. 40—41.

ского манифеста заключалась в том, что он обещал широким народным массам то, о чем они мечтали, за что вели упорную борьбу.

Поэтому все угнетенное население правого берега Волги охотно встало под знамя крестьянской войны. «Сельское население. — пишет один современник, — толпами выходило навстречу Пугачеву и приветствовало его, как своего избавителя»²². Пламя народной войны охватывало все новые и новые районы.

В «Очерке по истории Пугачевщины в городах и уездах Пензенской губернии», написанном до революции, известный краевед Г. Петерсон, ссылаясь на документы уездных архивов и воспоминания очевидцев, красноречиво описывает события того времени. «День ото дня дела принимали такой оборот, что возможность всеобщего возмущения народного была вне всяких сомнений. Для вразумления народа всюду были рассылаемы манифесты и послание святейшего синода, в котором Пугачев объявлялся врагом государства и церкви — предавался анафеме и за поимку его было обещано 10 000 рублей, но несмотря ни на что, народ не хотел вразумляться и собирався в шумные сходки, на которых о делах рассуждалось по-своему»²³.

Капитан Новохоперского батальона Бугримович в своем рапорте воронежскому губернатору писал из Верхнего Ломова: «В проезд же дорогою во всех селениях примечено мною в людях волнование и склонность к Пугачеву, а более того, в экономических крестьянах, которые, ожидая злодейского войска, в надлежащих местах мосты исправили и помостили»²⁴.

Как видно из донесений воинских начальников, крупные крестьянские отряды появляются в большом Цивильском лесу Керенского уезда, в Нижнеломовском и других уездах.

Таким образом, мы видим, что распространение военных действий повстанцев на внутренние губернии способствовало новому размаху крестьянского восстания. Крестьянским движением были охвачены Нижегородский,

---

²² «Русская старина», 1896, т. 86, стр. 118.

²³ Цит. по книге «Пензенская область». Пенза, 1939, стр. 99.

²⁴ «Пугачевщина», т. III, стр. 108.

Пензенский, Саратовский, Тамбовский и Воронежский края.

За июль—август 1774 года число повстанцев возрастает вдвое по сравнению с предшествующими 10 месяцами²⁵. Восстание достигает своей кульминации, перерастает во всероссийскую крестьянскую войну. Именно здесь, на последнем этапе крестьянской войны, социальная сущность ее как активного протеста против крепостного права достигла своего высшего развития и отчетливого выражения. Это был самый страшный для дворянской империи период крестьянской войны. Паника охватила все дворянство. «Вся западная сторона Волги востала и предалась самозванцу, — писал А. С. Пушкин. — Господские крестьяне взбунтовались... Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву».

Мастеровые и дворовые люди Москвы и Подмосковья были охвачены духом «мятежа» и готовились к встрече Пугачева.

Власти со страхом ожидали похода восставших на Нижний Новгород и Москву. Но Пугачев, встретив сильное сопротивление правительственных войск у Курмыша, пошел не на запад, а на юг. Это объясняется в известной мере и тем, что Пугачев, являясь казаком, только в казаках видел силу, способную довести восстание до конца, и спешил на Дон в родную ему казачью среду. На призывы идти к Москве он отвечал своим соратникам: «Нет, детушки, нельзя! Потерпите, не пришло еще мое время!.. Я де теперь намерен идти на Дон, — меня тамо некоторые знают и примут с радостью»²⁶.

Пугачев быстро продвигался на юг. Не встречая сопротивления, далеко опережая правительственные отряды, он делал, по утверждениям современников, по 80 верст в сутки. И этот путь был озарен огнем крестьянской войны.

Основную силу повстанческих отрядов Пугачева в Среднем Поволжье составляли беднейшие эксплуатируемые массы крепостных, удельных и экономических крестьян, работные люди вотчинных и государственных мануфактур. Зажиточная часть крестьянства держалась ос-

²⁵ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 175.

²⁶ «Пугачевщина», т. II, стр. 150.

торожно: она признавала «государя императора», но по мере того, как повстанческие отряды уходили или терпели поражение, богатые крестьяне держались нейтрально, а иногда даже помогали царским войскам подавлять восстания.

23 июля Пугачев занимает Алатырь. Отсюда, пополнив свою армию за счет подошедших крестьянских отрядов, он направляется к Саранску — второму по величине городу Пензенской провинции. 26 июля атаман Федор Чумаков с тридцатью казаками привез саранскому воеводе Протасьеву и горожанам «именной указ» об организации встречи Пугачева. В нем предлагалось к прибытию Пугачева с армией «приготовить под артиллерию 12 пар лошадей и для следующего казачьего войска хлебных и съестных припасов и для коней фуража: овса, сена и прочего, что принадлежит, дабы ни в чем недостатков воспоследовать не могло»²⁷.

Получив этот приказ, воевода подполковник Протасьев и многие дворяне убежали из города. «В Саранске, — доносил впоследствии Михельсон, — ни один дворянин не думал о своей обороне, а все, как овцы, разбежались по лесам».²⁸

Посадские же люди, зная, что на утро в Саранск вступит Пугачев со своими отрядами, даст им свободу, стали готовиться к встрече.

27 июля утром жители во главе с начальником местной инвалидной команды прапорщиком Шихмаметовым и неуспевшим сбежать архимандритом Петровского монастыря Александром вышли за город с хлебом-солью встречать повстанцев. Приблизившись со своим отрядом к ожидавшему народу, Пугачев слез с коня и, подойдя к архимандриту, взял хлеб-соль, а затем в сопровождении горожан, крестьян окрестных сел и казаков направился в соборную церковь, где в его честь был отслужен торжественный молебен. После молебна Пугачев велел приводить народ к присяге. Присягу приняли не только городские низы, но (под страхом смерти) и оставшиеся купцы и духовенство. Командир инвалидной команды прапорщик Шихмаметов не только присягнул, но и предоставил в распоряжение повстанцев вооруженный отряд

²⁷ См. «Очерки истории Мордовской АССР», т. 1, стр. 177.

²⁸ Там же.

численностью свыше 90 человек, за что был назначен воеводой города Саранска и награжден медалью — серебряным рублем — знаком отличия, который был введен в связи со взятием города Алатыря.

Для размещения головного отряда в долине реки Инсара, между Посопом и Саранском, был организован лагерь. По свидетельству современников, повстанческая армия, расположившаяся на отдых в этом лагере, «имела вид нестройной, хотя и многолюдной толпы пеших и конных, представлявших разнохарактерную смесь народностей, костюмов и вооружений. Здесь были и казаки в своих бешметах, и инвалидные солдаты в казенных мундирах, и татары в пестрых халатах и войлочных шляпах, и мордва в белых рубахах, а больше всего русские крестьяне в зипунах, или даже просто в одних рубахах. Вооружение этой толпы вполне соответствовало ее наружному виду: ружья были только у казаков да у некоторых солдат, — остальное же ополчение было вооружено чем попало, — кто саблей, кто копьем, кто шпагой, кто пистолетом. Крестьяне были вооружены преимущественно дубинами или косами, привязанными к рукояткам, большинство же крестьян совсем не имели никакого вооружения и шли, что называется, с одними кулаками, увеличивая таким образом только численность толпы».

Недалеко от лагеря по приказанию Пугачева были установлены виселицы, куда местное население должно было приводить дворян, купцов и духовенство для суда и расправы. Здесь было повешено 62 человека вместе с уездным предводителем отставным генерал-майором Сипягиным. Всего же за время пребывания Пугачева в Саранске было казнено более 300 помещиков и членов их семей.

Стремясь быстрее подавить крестьянское движение, правительство усилило карательные отряды и дало приказ ускорить преследование Пугачева.

Узнав о приближении правительственных войск под командованием графа Меллина и полковника Михельсона к Саранску, Пугачев 30 июля, забрав 7 пушек, два с половиной пуда пороха, 150 ядер и свыше 29 тысяч рублей, покинул Саранск и направился к Пензе.

Путь его в Пензу проходил через села Семилей, Бекетовку, Большой Вясс, Бессоновку. И всюду крестьяне

оказывали торжественный прием повстанческой армии, посылали выборных поднимать на восстание соседние села.

Повсеместно разворачивается крестьянское партизанское движение, наводившее ужас на помещиков и царскую администрацию, связывающее действия правительственных войск. Так, на северо-западе и западе Пензенского края в районе Наровчата, Инсара, Керенска, Верхнего и Нижнего Ломова действуют отряды, насчитывающие более тысячи человек в каждом, под руководством Петра Евстафьева, Михаила Елистратова, Якова Иванова. Положение в этом районе было настолько тревожным, что сюда выехал с отборными карательными войсками сам главнокомандующий граф Панин.

Остановившись в Керенске, Панин писал царице Екатерине II: «Принужден открыться, что содрогается сердце, ... слыша и видя, какое разорение, убийство всем без изъятия здешней окрестности дворянским домам и какой общий во всей черни здешний бунтовщический дух поселен»²⁹.

Крупные крестьянские волнения мы видим и в других местах Пензенского края. Об этом красноречиво говорят сохранившиеся документы. Так, помещик Бахметьев в письме Панину жалуется, что его крестьяне полностью разгромили его имение, убили двух приказчиков; «ими же разграблено до тысячи пудов шерсти скупной и уже перемытой для суконной фабрики; оставшихся от покупки шерсти наличных денег у бывшего приказчика более 2 тысяч рублей, разного хлеба в наличии до 2 тысяч четвертей к продаже изготовлено было, конный завод с 98 лошадьми... Всего вышеописанного лишился без остатку»³⁰.

Помимо этого крестьяне разгромили стекольную, фарфоровую и фаянсовую фабрики Бахметьевых. До основания были также разгромлены винокуренный завод и усадьба, принадлежавшие ему в селе Никольском.

В Пензенском уезде, по неполным данным, только за

---

²⁹ См. «Мордовское население Пензенской губернии», изд. Пензенского губкома РКП(б), 1927, стр. 44.

³⁰ «Пугачевщина», т. III, стр. 443.

2 дня — 30 и 31 июля — восставшими крестьянами было повешено и сожжено в усадьбах 400 помещиков³¹.

Активные действия пензенского крестьянства мешали правительственным войскам, преследовавшим Пугачева, сосредоточиться только на борьбе с ним. Царскому

Разгром усадьбы помещика,

С рисунка художника А. Ключева.

командованию приходилось расплывать силы для борьбы с многочисленными повстанческими отрядами. Это вынуждены были признать сами каратели. «Только везде поспеть нет способов,—жаловался Михельсон Панину,—потому что нет почти той деревни, в которой бы обыватели не бунтовались»³².

³¹ «Пензенская область», стр. 98.

³² Н. Дубровин. Пугачев и его сообщники, ч. 3, стр. 127.

Правительственные войска, идя по пятам и на правом фланге армии Пугачева, зачастую были скорее пассивными наблюдателями расправы восставшего народа со своими поработителями, чем силой, способной помешать событиям. Пока правительство Екатерины II собирало все новые и новые войска против Пугачева, основные силы повстанческой армии быстро продвигались на юг, к Пензе. В Пензе тогда находились большие запасы пороха, свинца, ядер, казенных денег и продовольствия. Пугачев знал об этом и рассчитывал пополнить здесь свои запасы.

Местный воевода Всеволожский намеревался защищать город, но не встретил никакой поддержки среди местного населения.

Подойдя к Пензе, Пугачев выслал в город 15 казаков, чтобы те склонили население к сдаче города без боя. 1 августа в 3 часа дня казаки прибыли на базарную площадь и огласили манифест, в котором говорилось, чтобы жители подчинились «государю императору», принесли ему присягу, обеспечили его повстанцев всем необходимым и оказали им достойную встречу.

После отъезда казаков жители, несмотря на уговоры начальника инвалидной команды майора Герасимова, стали готовиться к встрече Пугачева. Городские низы потребовали, чтобы в ней участвовали находящиеся в городе представители властей и духовенства. Вскоре городское население с хоругвями и иконами вышло встречать Пугачева на старую московскую дорогу.

Пугачев не заставил долго ждать себя. Окруженный телохранителями, среди знамен и копий, он приблизился к горожанам, приложился к иконе и стал допускать к руке. В числе других вынуждены были целовать руку и кланяться в ноги «государю императору» секунд-майор Герасимов, капитан Никитин, гвардии поручик Черенцов, все присутствующие городские ратманы.

По окончании церемонии Пугачев приказал выпустить из тюрьмы колодников, открыть все кабаки и амбары. Всем жителям разрешалось безденежно пить вино и брать соль.

Для «царской» стоянки было выбрано место в районе деревни Ухтинки. На другой день, 2 августа, из Ухтинского лагеря в город выехало 20 казаков, которые от

имени государя Петра Федоровича потребовали, чтобы городские власти организовали торжественную встречу и приготовили праздничный обед в самом лучшем доме.

Это требование было выполнено, и 2 августа Пугачев торжественно вступил в город. Однако долго в Пензе он оставаться не мог. Правительственные войска были на подходе к городу. И в ночь со 2 на 3 августа Пугачев, назначив воеводой секунд-майора Герасимова, покинул Пензу. Из городского арсенала было взято 6 пушек, 593 ядра, 54 пуда свинцу, 16 пудов пороху, много ружей и сабель, 13 232 рублей денег. Остальные казенные деньги были розданы местному населению. Жителям города также было роздано 20 573 пуда соли.

Из Пензы пугачевская армия двинулась к Петровску.

4 августа в город вступили карательные части графа Меллина и подполковника Муффеля. Вскоре сюда прибыл и сам главнокомандующий всеми карательными силами граф Панин. В Пензе для начальников команд он издал специальное «повеление» следующего содержания: «В селениях, принимавших участие в возмущении, требовать выдачи зачинщиков и в случае отказа сотого по перебитию казнить, а остальных, принимавших участие в убийстве господ своих, — пересечь плетью жесточайшим образом.

Разграбленное и расхищенное имущество должно быть немедленно возвращено, а если оно у кого найдено будет впоследствии, тот будет повешен...

Во всех бунтовавших селах поставить орудие казни: виселицу, колесо и глагол, для вешания за ребро с телами казенных зачинщиков, чтобы эти орудия с их жертвами никем истреблены не были...».³³

Но никакие ужасы расправы и казни не могли сломить воли восставших крепостных крестьян. Пугачев ушел уже далеко за пределы Пензенской провинции, а восстания по всему краю продолжались.

В г. Инсаре восставшие городские низы и крестьяне окрестных сел образовали повстанческое управление и создали повстанческий отряд под командой Петра Евстафьева, который начал свои действия с разгрома дворянских имений в районе г. Инсара, а затем взял штурмом Лухменский винокуренный завод, где скрывались

³³ «Пензенская область», стр. 99.

окрестные помещики. Затем повстанцы 3—4 августа захватили заштатный город Троицк и Наровчат. В Наровчате восставшие взяли в плен и казнили местного воеводу Афанасия Цепина, регистратора Королькова, канцеляриста Соколова и местного священника. После этого часть повстанцев направилась отдельными отрядами по Наровчатскому и соседним уездам, а основной отряд Евстафьева в количестве более 1000 человек направился к Краснослободску и Темникову.³⁴

Повстанческий отряд крестьянина Якова Иванова, образовавшийся из нескольких мелких крестьянских отрядов и насчитывавший более 1000 человек и 10 пушек, действовал на территории Инсарского, Нижне-ломовского, Керенского, Наровчатского уездов. В Нижнем Ломове, куда вошел отряд восставших, крестьяне и городские низы разгромили местный монастырь, взяли городскую крепость, пленив отсиживавшегося там секунд-майора Лукина. В середине августа отряд Якова Иванова, объединившись с частью повстанцев Евстафьева, осадил город Керенск. Однако осада была неудачной, и 19 августа повстанцы с большими потерями были отбиты и отступили к Троицку, где 30 сентября после упорного сражения были разбиты регулярными войсками.

Упорное сопротивление царским войскам оказывали крестьяне Наровчатского уезда, которые объединились вокруг отряда Михаила Елистратова. Прибыв в конце августа из-под Нижнего Ломова, М. Елистратов в течение двух дней объединил под Наровчатом разрозненные силы повстанцев в количестве 4 тысяч человек и дал бой подошедшему правительственному отряду. С большим трудом войскам удалось рассеять повстанцев. В бою было убито до 200 крестьян и 400 взято в плен.

На территории Саранского, Пензенского и Петровского уездов действовал отряд Ивана Иванова. О предводителе этого отряда князь Голицын писал Панину: «Крестьянский сын Иван Иванов, названный от известного самозванца Пугачева полковником, собрав толпу... дворовых людей и крестьян... числом более трех тысяч человек, чинил... великие грабительства и зло-

³⁴ «Очерки истории Мордовской АССР», т. 1, стр. 181—182.

действия, лишая мучительским образом жизни... дворян».³⁵

8 августа 1774 года Иван Иванов решил овладеть городом Пензой, для чего сосредоточил все свои силы у села Загоскино. Однако через монахов-лазутчиков об этом стало известно царскому командованию. К селу Загоскину были стянуты значительные военные силы с большим количеством артиллерии. В неравном бою повстанцы понесли большие потери и отступили. Однако Иван Иванов, действуя вместе с братом Александром Ивановым, снова собрал вокруг себя повстанцев и 16 августа 1774 года предпринял вторую попытку захватить Пензу. Но и на этот раз повстанцы потерпели поражение. После неудачи Ивановы с оставшимся отрядом ушли на юг в районы Петровска и Саратова и в конце августа дошли до Черного яра. Далее сведения об этом отряде и его руководителях обрываются.

Все вышеприведенные факты наглядно показывают размах крестьянского движения на территории Пензенского края.

Русские крестьяне, представители городских низов, мордва, татары выступали совместно против общих эксплуататоров — помещиков, царских чиновников и духовенства. В этой совместной борьбе против эксплуататоров росла и крепла дружба народов, населявших территорию Пензенского края, которая явилась великой силой в освободительной борьбе эксплуатируемых масс.

Крестьянская война 1773—1775 гг. явилась одним из самых мощных народных выступлений эпохи феодализма в России. Однако в силу стихийности, неорганизованности, локальности и отсутствия руководящего ядра — рабочего класса — крестьяне победить не могли и потерпели поражение. Объясняя причины поражения крестьянских восстаний в эпоху феодализма, В. И. Ленин в работе «К деревенской бедноте» писал: «Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темной, у крестьян не было помощников и братьев среди

³⁵ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. III, ч. 2, стр. 529.

городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».³⁶

После подавления крестьянской войны 1773—1775 гг. в стране началась жестокая дворянская реакция. В Поволжье действовали многочисленные карательные отряды, сжигавшие села и деревни, убивавшие и подвергавшие телесным наказаниям участников движения. Тысячи людей, причастных к движению, были отправлены на каторгу и в ссылку.

Расправившись с восставшими крестьянами, царское правительство поставило своей задачей дальнейшее усиление диктатуры дворянства. В 1775 году была проведена губернская реформа, которая укрепила аппарат самодержавного государства и одновременно усилила позиции дворянства на местах. Дворянству обеспечивалась руководящая роль во всех местных учреждениях.

В результате проведения губернской реформы территория Пензенского края вошла в состав созданного в 1780 году Пензенского наместничества, которое вместе с Казанским было подчинено одному генерал-губернатору. В 1797—1801 годах Пенза являлась уездным городом Саратовской губернии, а в августе 1801 года была создана Пензенская губерния. Были созданы также соответствующие учреждения, определен штат канцелярских служащих.³⁷

Превращение Пензы в губернский город способствовало расширению казенного и частного строительства. В конце XVIII начале XIX века в центре города были сооружены здания для правительственных учреждений, а также торговые здания, питейные дома, церкви. Строились и частные дома—дворянские и купеческие особняки. Пенза приобрела облик дворянско-купеческого города, который она сохранила и в XIX веке.

В связи с застройкой центральной части города потомки бывших защитников пограничной крепости—пушкарей, воротников, конных и пеших солдат были насильно переселены с обжитых мест на окраины и за черту города. Так возникли села Терновка, Веселовка, Кривозерье.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

³⁷ См. «Государственный архив Пензенской области. Путеводитель». Пенза, 1962, стр. 6.

Меры правительства по укреплению полицейско-бюрократического аппарата не могли приостановить массового антифеодального движения.

В 80—90-х годах по стране прокатилась новая волна крестьянских выступлений. Они отмечены в Новгородской, Псковской, Тверской губерниях, в Прибалтике и в других местах. К середине 90-х годов крестьянские волнения охватили более половины всех губерний Российской империи. В ряде случаев вооруженные крестьяне вынуждали к отступлению посланные против них воинские команды.

Крестьянские волнения имели место и в Пензенском крае. Так, в 1782 году произошло волнение крестьян села Украинцева Троицкого уезда: в село была введена военная команда. Летом 1787 года волновались крестьяне села Абашева Наровчатского уезда. В июне 1790 года произошло крупное волнение крестьян в Краснослободском уезде, охватившее несколько селений. Поводом для выступления послужила попытка помещиков отрезать часть надельной земли. Вооружившись кольями и косами, около 500 крестьян явились в село Оброчное и прогнали подкупленных помещиками землемеров. Движение было подавлено властями, 24 человека преданы суду.

Таким образом, подавление крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева было лишь временной победой крепостничества. Непримируемость народных масс к существующему порядку росла, что находило свое выражение в непрекращающейся ожесточенной классовой борьбе крестьян против помещиков. Все это не могло не отразиться на развитии освободительной мысли в России.

А. Н. РАДИЩЕВ

В обстановке нарастания внутренних противоречий формируется передовая общественная мысль, которая вступает на путь прямой борьбы с крепостничеством и самодержавием. Наиболее прогрессивные представители русского народа уже тогда подняли знамя освободительного движения в нашей стране. Самым замечательным из них был первый русский революционный мыслитель, прямой предшественник декабристов А. Н. Радищев.

Александр Николаевич Радищев родился 20 (31) августа 1749 года в семье крупного помещика. Детские годы он провел в имении отца Николая Афанасьевича, в селе Верхнее Аблязово, входившее в состав Саратовской губернии (ныне Кузнецкий район Пензенской области). Отец Радищева гуманно и человечно относился к крепостным крестьянам, за что последние любили и уважали Николая Афанасьевича. Он был одним из тех немногих помещиков, которого вместе с четырьмя детьми спасли его же крестьяне во время пугачевского восстания.

Первыми воспитателями Радищева были крепостные крестьяне отца — Петр Мамонтов, по прозвищу Сума, и няня Прасковья Клементьевна. От них он научился грамоте, впитал любовь к народным сказаниям и легендам, отражавшим вековые чаяния крепостных крестьян о «желанной волюшке».

Уже в детском возрасте узнал Радищев об ужасах крепостного права. В пяти километрах от Верхнего Аблязова было расположено имение крайне жестокого помещика-самодура Зубова. Со своими крепостными он обращался как со скотом, кормил их из корыта на барском дворе. Ему ничего не стоило посадить крестьянина на цепь в острог и держать его на цепи длительное время. Впечатлительный, не по годам развитый Александр Радищев с малых лет возненавидел крепостнические порядки.

Впечатления, полученные в детские годы о подневольной жизни народа, жестоком обращении с ним крепостников-помещиков не остались бесследными. Создавая свое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев в главе «Зайцево» наделил коллежского асессора многими чертами, которые были присущи Зубову. «Он себя почел высшего чина, крестьян почитал скотами, данными ему, — писал Радищев о коллежском асессоре... — Отнял у них всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе и то по одному разу в день, а иным давал из милости мясину. Если который казался ему ленив,

то сек розгами, плетью, батожем или кошками, смотря по мере лености...».³⁸

Зубова напоминает также и дворянин Некто в главе «Вышний Волочок». «Почел он уподобить крестьян своих орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим... Для достижения своей цели он отнял у них малый удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне... Словом, сей дворянин Некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное...».³⁹

В этой же главе «Вышний Волочок» Радищев призывает народные массы: «Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам!».⁴⁰ Образ дворянина Некто, основанный на аблязовских впечатлениях писателя, приобрел в произведении Радищева типическое, обобщающее значение. Опираясь на реальные факты, писатель вынес суровый приговор русской крепостнической действительности в целом.

В главе «Подберезье» Радищев с большой теплотой вспоминает свою аблязовскую нянюшку Праксковию Клементьевну. В 1757 году, когда Александру Радищеву исполнилось 8 лет, его повезли учиться в Москву. Первый аблязовский период его жизни был

А. Н. Радищев.

³⁸ А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, АН СССР, 1938, стр. 271—272.

³⁹ Там же, стр. 325.

⁴⁰ Там же, стр. 326.

сравнительно недолгим по времени, но значительным в формировании личности будущего борца за свободу крепостного крестьянства.

В 1775 году А. Н. Радищев приезжал в Верхнее Абязово, чтобы получить от родителей разрешение на брак. Приезд его был кратковременным, однако он впоследствии получил отражение в автобиографической повести «Филарет Милостивый».

Через 15 лет после поездки в Верхнее Абязово, в 1790 году, выходит знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором Радищев нанес страшный удар крепостничеству и самодержавию. За свою смелую книгу он был приговорен к смертной казни, замененной десятилетней ссылкой в Сибирь. Только после смерти Екатерины II ему было разрешено поселиться в Калужской губернии, где он начинает хлопотать о разрешении на поездку в Верхнее Абязово. Такое разрешение было получено, и в начале 1798 года он выехал в Верхнее Абязово, где пробыл до января 1799 года. Своих родителей Радищев нашел в очень плохом состоянии: отец совсем ослеп, мать была разбита параличом и прикована к постели. Да и здоровье самого Радищева заставляло желать лучшего.

Но, несмотря на душевные невзгоды и физическое недомогание, Радищев не сидел в Верхнем Абязове сложа руки. Здесь он занимался химическими опытами над «тютнярским черноземом», тянувшимся вдоль реки Тютняр. Итоги своих опытов Радищев обобщил в специальной статье «Описание моего владения». Писатель в этой статье приходит к выводу, что тютнярский чернозем очень высокого качества, и он может давать обильные урожан ржи, овса, гречихи, проса. В статье «Описание моего владения» Радищев иными средствами проводит ту же мысль, которая красной нитью прошла через его книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» — мысль о необходимости уничтожения крепостного права. Радищев доказывает, что крепостное право экономически невыгодно, оно тормозит развитие сельского хозяйства. Жестокая сибирская ссылка не смогла заставить писателя отказаться от своих убеждений.

Не только химическими опытами занимался Радищев в Верхнем Абязово. Из его писем известно, что он в это

время читал в подлиннике «Энеиду» Вергилия и «Мессиаду» Клопштока.⁴¹

В Верхнем Аблязове Радищева часто посещали его родные: жившая в соседнем селе Нижнем Аблязове сестра Мария Николаевна с двумя сыновьями и тремя дочерьми, а также Дубенские — двоюродные братья и сестра Радищева, жившие в трех верстах от Верхнего Аблязова.

26 января 1799 года А. Н. Радищев выехал из Верхнего Аблязова в Немцово, а 11 сентября 1802 года, окончательно убедившись в том, что его надежды на освобождение крестьян от крепостного права и другие демократические преобразования в России не сбудутся и при новом царе Александре I, окончил жизнь самоубийством.

Несмотря на требования передовой общественности, местные власти ничего не сделали до революции, чтобы сохранить в Верхнем Аблязове дом, в котором жил выдающийся писатель-революционер. Только в советское время на месте, где когда-то стоял дом Радищевых, сооружен обелиск с надписью: «На этом месте находился дом, в котором в годы 1749—1756 жил Александр Николаевич Радищев, первый русский писатель-революционер, восставший против ужасов крепостничества. Благодарное потомство чтит память своего великого предка». Обелиск был установлен в 1949 году, в том же году в селе был установлен бюст первого русского писателя-революционера. А несколько раньше, в 1945 году, в Верхнем Аблязове был открыт музей А. Н. Радищева. Село Радищево стало местом, куда съезжаются люди, чтобы отдать дань уважения «первому пророку и мученику революции», как назвал Радищева видный деятель Коммунистической партии и Советского государства А. В. Луначарский.

КУЛЬТУРА И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ КРАЯ В XVIII ВЕКЕ

Грамотность населения Пензенского края в XVIII веке была на крайне низком уровне. Почти все крестьянство и городские низы не умели ни писать, ни читать.

⁴¹ Вергилий — древнеримский поэт, живший в I веке до нашей эры. Клопшток Фридрих Готтлиб — немецкий поэт, современник Радищева.

Только некоторые представители господствующего класса были грамотными людьми.

В документах XVIII века, составленных от имени дворян, не раз встречаются такого рода приписки: «А за него, неграмотного, по его личной просьбе, написал управитель».⁴²

Обучение дворянских детей в ту пору проходило в домашних условиях. Учителями были дьячки, причетчики и другие представители духовенства. Более зажиточные помещики нанимали иностранных гувернеров или отдавали детей в кадетские корпуса.

В 1786 году в Пензе было открыто первое учебное заведение — 2-х классное народное училище. В следующем году такое же училище было открыто в Саранске. Народными эти учебные заведения были лишь по названию. В них занимались преимущественно дети привилегированных сословий.

Особенно безотрадная картина в области грамотности наблюдалась у мордвы и татар. Мордовский народ не имел своей письменности. Он буквально прозябал в темноте, невежестве, суеверии.

Несмотря на почти полную безграмотность, крестьяне и городские низы Пензенского края развивали свою самобытную народную культуру. Наиболее ярко это выразилось в устном народном творчестве. В песнях, сказках, пословицах, поговорках, загадках находили выражение мечты и чаяния обездоленных масс, протест против социального неравенства и угнетения. В народе были наиболее популярны сказки о крестьянском сыне, ищущем справедливое счастье. В устной поэзии крестьян высмеивались и осуждались помещики, попы, сельские богатеи, управляющие имениями, старосты — все те, кто угнетал и притеснял трудовой люд. В одном из плачей крепостное мордовское крестьянство такими словами проклиняло своих классовых врагов:

Собачьей смертью подошли бы,
В тартарары провалились.⁴³

Центральное место в устном народном творчестве эксплуатируемого населения края занимали песни и легенды о Пугачеве и его соратниках. Народ видел в Пуга-

⁴² Е. Самойлов. Указ. соч., стр. 50.

⁴³ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 194.

чево своего заступника. Так, в песне «Пугачев», широко распространенной в Пензенском крае, он назывался родным отцом, царем народа, предводителем русских и казаков, мордвы и других народов в борьбе с феодалами-крепостниками.⁴⁴

Богатое и разнообразное по форме устное народное творчество крепостных крестьян и городской бедноты Пензенского края полно оптимизма, твердой веры в своей победе над эксплуататорами.

Художественные вкусы трудового населения Пензенского края находили свое яркое воплощение в произведениях прикладного искусства. Украшались резьбой или росписью прялки, ткацкие станки, деревянная посуда, пеньковые ульи, детские игрушки. Самотканная женская одежда выделялась красочной вышивкой. Большую смекалку и творческую выдумку проявляли умельцы-ювелиры. Так, мордовские ювелиры искусно выковывали и выделывали женские украшения: различные бляхи, пряжки, привески, браслеты, серьги, кольца, нагрудные гривны, спиралеобразные бронзовые наконечники, бусы.⁴⁵

Творчество трудового народа навеки отразилось в создании некоторых архитектурных строений, например, как бывший архиерейский дом и Преображенская церковь в Пензе, Троицкий-Сканов монастырь около Наровчата, деревянная церковь Иоанна Предтечи в селе Комаровке Кузнецкого района, ансамбль усадьбы князя С. Ф. Голицына в селе Зубриловке.

Руками крепостных возводились великолепные дворцы и церкви, изготовлялись замечательные образцы искусства. В экспозиции Пензенского областного краеведческого музея демонстрируются изделия мастеров — мебель, посуда, тончайшие украшения из бисера, парчи и другие.

Наиболее полно социальный контраст прослеживается при сопоставлении быта крестьян и быта помещиков — основных классов феодального общества.

В подавляющем большинстве крестьяне жили в «черных» избах. Вот как выглядела такая изба у морды-мокши: «В избу вела одна дверь, которая состояла из двух частей: нижней и верхней. Во время топки верхняя полу-

⁴⁴ Там же, стр. 193.

⁴⁵ Там же, стр. 193.

дверка для выхода дыма открывалась, а нижняя оставалась закрытой. Кроме того, для выхода дыма около потолка по правой и левой стене прорубались небольшие четырехугольные или круглые отверстия. Против двери в одном из передних углов стояла глинобитная печь, топившаяся по-черному. Над печью прорубалось небольшое окошечко. Потолок над печным отверстием обмазывали глиной для предохранения его от огня... Полы были земляные. Свободное пространство между дверью и печью в таких избах было занято широкими низкими нарами, под которыми зимой держали ягнят и козлят.⁴⁶

Убранство крестьянских изб Пензенского края было нехитрым: стол, лавки вдоль стен, лучины и каганец для освещения, деревянные и глиняные миски и горшки на полках, свисающая с потолка люлька, кадка с водой, икона в красном углу. В одном из залов Пензенского областного краеведческого музея экспонируется макет курной избы того времени, демонстрируется документ, рисующий жалкое бытовое состояние крепостного крестьянина Федорова. Все его имущество заключалось в ветхой, крытой драньем избе и в еще более ветхих пристройках.⁴⁷

Нехитрой была и одежда крестьян: домотканые рубахи и штаны, онучи, лапти, зипуны, полушубки, шапки, рукавицы — вот все одеяние.

Контрастной противоположностью быта крестьян противостоял быт помещиков. Вот, к примеру, что представлял из себя дом крупного пензенского феодала — князя А. Б. Куракина.

Построенный им во второй половине XVIII века на берегу реки Сердобы дворец состоял из 80 жилых комнат. А. Б. Куракин имел свою церковь, огромную библиотеку, картинную галерею, оркестр, чудесный благоустроенный парк, флотилию из яхт и шлюпок, на которой он ради потехи устраивал по Хопру «походы» к соседним помещикам, заканчивавшиеся разгульными пирами под гром пушек.

Утопая в роскоши и богатстве, А. Б. Куракин изощрялся в «потехах». Княжеские забавы тяжелым бременем

---

⁴⁶ Там же, стр. 189—190.

⁴⁷ «Пензенский краеведческий. Краткий путеводитель по музею». Приволжское книжное изд. Пензенское отделение, 1969, стр. 68.

ложились на плечи его крестьян. Только по имениям Городищенского уезда, где ему принадлежало более 22 тысяч десятин земли, с 1767 по 1785 гг. оброк крестьян возрос в полтора раза.⁴⁸

Примеру пензенских вельмож типа А. Б. Куракина подражали менее зажиточные феодалы. Соперничая между собою, они возводили богатые особняки со всевозможными надворными приделами и пристройками, строили пруды, разбивали цветники, сады и парки. Следуя моде, многие дворяне «увлекались» меценатством: тратили большие средства на приобретение книг, художественных картин, хрусталя, фарфора, бронзовых поделок, отнюдь, порой, совершенно не рабираясь в науке, литературе и искусстве. Все это делалось за счет жесточайшей эксплуатации крепостных крестьян. С последних выколачивали буквально все. Хорошо знавший крепостническую действительность Пензенского края, А. Н. Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву», обращаясь к дворянам, с горечью восклицал: «Звери алчные, пьявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух! Отъемлем нередко у него не токмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет».

---

⁴⁸ Н. Кузьмин. Круг царя Соломона. «Советский художник», М., 1964, т. 76—77; Е. Самойлов. Указ. соч., стр. 41.

V. ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

В первой четверти XIX века в России продолжался процесс постепенного разложения крепостнической системы, начавшийся еще в XVIII веке. Хотя феодальный способ производства и оставался господствующим в хозяйстве страны, все же развивались новые производительные силы и новые, капиталистические производственные отношения. Подъем производительных сил более заметно выразился в области промышленности.

В течение первой четверти XIX века значительно выросло число крупных мануфактурных предприятий и количество рабочих на них. Начинается внедрение новой машинной техники в промышленное производство. Увеличивается ввоз из-за границы усовершенствованных орудий и машин. Характерным в развитии промышленности было увеличение числа вольнонаемных рабочих. В 1804 году они составляли 48 процентов всех занятых в промышленности рабочих, а в 1825 году — 54 процента. Предприятия, основанные на труде наемных рабочих, развивались быстрее, чем вотчинные и посессионные мануфактуры, где применялся принудительный труд. Темп развития последних замедлился. Господствовавшие здесь крепостнические отношения обуславливали отсталость техники и низкую производительность труда.

Наметились сдвиги и в развитии производительных сил сельского хозяйства. В некоторых помещичьих имениях вводились улучшенные системы земледелия, сельскохозяйственные машины, применялись удобрения. Но

технико-агрономические нововведения были несовместимы с крепостническими отношениями и не могли получить большого распространения.

Основная масса помещиков-дворян стремилась повысить доходы своих хозяйств, путем усиления феодальной эксплуатации крестьян, путем увеличения барщины и оброка. Рост повинностей вел к разорению и обнищанию крестьянства.

В общем ходе экономического развития страны Пензенская губерния не представляла исключения. Процесс разложения крепостного хозяйства развивался и здесь, хотя и весьма замедленно. Промышленность губернии была слабо развита. Преобладала мелкая промышленность в виде крестьянских кустарных промыслов и городского ремесла. Существовали кожевенные, салотопенные, мыловаренные, поташные и другие заведения, работавшие, главным образом, на местный рынок. В отдельных случаях небольшие мастерские вырастали в более крупные предприятия, на которых применялся труд наемных рабочих. Еще в XVIII веке на территории губернии возникли суконные мануфактуры, стекольные и металлургические заводы.

Самым крупным металлургическим предприятием был Авгорский чугуноплавильный завод. Он основан в 1754 году купцом Андреем Миляковым при запруде реки Авгоры на территории, вошедшей впоследствии в состав Краснослободского уезда. Позднее завод принадлежал родственникам Миляковых купцам Чеканщиковым, а в начале XIX века перешел во владение родственника последних Манухина. Завод вырабатывал чугуна в год несколько десятков тысяч пудов. Недалеко от Авгорского находились Сивинский железоделательный и Рябкинский чугуноплавильный завод. На территории Инсарского уезда имелся чугунолитейный и железоделательный заводы. Все эти заводы базировались в основном на посессионном труде и лишь частично применялся наемный труд.

Суконные мануфактуры и стекольные заводы принадлежали дворянам. Работали на них крепостные крестьяне владельцев. Согласно ведомостям о фабриках и заводах в Пензенской губернии в 1816 году числилось 9 су-

конных и 5 стекольных предприятий.¹ Суконные мануфактуры выполняли казенные заказы на сукно для армии. Но часть их изделий шла на рынок. Изделия стекольной промышленности поступали как на местный, так и внегубернский рынок.

Господство принудительного труда в крупной промышленности обуславливало отсталость техники. Так, в суконном производстве основные рабочие процессы — прядение и ткачество — базировались на ручном труде. В других отраслях промышленности также сохранялся ручной труд.

В сельском хозяйстве Пензенской губернии, как и в России в целом, наблюдался некоторый рост производительных сил, что выразилось в посевах новых культур (сахарной свеклы, картофеля), в применении сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий труда. Но этот рост был крайне незначителен вследствие тормозящего влияния крепостнических отношений. Помещики в своем большинстве не стремились к агрономическим улучшениям. Увеличить производство хлеба на рынок и повысить свои доходы они пытались путем расширения барской запашки, за счет сокращения крестьянских наделов. Барщинная повинность становится основной формой эксплуатации крестьян. Уже в конце XVIII века издельные крестьяне составляли 48 процентов от общего числа крепостных крестьян губернии. В XIX веке этот процент неуклонно повышался.² Некоторые владельцы имений открывали винокуренные заводы, на которых перерабатывался не только хлеб самого заводчика, но и купленный им у соседей. В 1806 году в губернии насчитывалось 24 винокуренных завода.³ При даровой рабочей силе и высоких ценах на вино винокуренные заводы давали помещикам значительные доходы.

В оброчных имениях помещики повышали размер оброка. В конце XVIII века средний оброк составлял 4—5

¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 5, оп. 1, д. 551, л. 47

² А. Дергачев. Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 года. Пенза, 1958, стр. 33.

³ ГАПО, ф. 5, от. 1, д. 142, лл. 38—41.

рублей с тягла, а в первой четверти XIX века он повысился до 10—14 и более рублей.

Усиление феодальной эксплуатации как в форме барщины, так и оброка, отрицательно влияло на развитие сельского хозяйства. Производительность труда оставалась низкой. Помещичья и крестьянская пашня обрабатывалась сохой и деревянной бороной. Сбор зерна с десятины был крайне низким. Часто повторялись неурожаи. Материальное положение массы крестьянства ухудшалось.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА. ВОССТАНИЕ РАТНИКОВ ПЕНЗЕНСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В 1812 ГОДУ

В условиях разложения крепостнической системы и роста феодальной эксплуатации обострялась классовая борьба крестьян против помещиков. Формы социального протеста были разнообразны: побеги, подача жалоб начальству, возмущение против зверств помещиков и расправа с последними, наконец, открытые волнения, сопровождавшиеся отказом крестьян выходить на барщину и платить оброк. Только в первое десятилетие XIX века в России произошло свыше 80 значительных волнений помещичьих крестьян. Для их подавления власти во многих случаях применяли военную силу. Упорные столкновения крестьян с воинскими командами имели место в 1802—1804 годах в Петербургской и Новгородской губерниях, а также в Прибалтике.

Волнения были среди крепостных рабочих и приписанных к заводам крестьян. Крупные выступления произошли в 1802 году на Ревдинском заводе, в 1803 году на Нижнетагильском заводе. Волнения крепостных и посессионных рабочих были также и в Пензенской губернии. Некоторые из них продолжались несколько лет подряд (например, на Инсарском чугунолитейном заводе Никонова в 1809—1811 годах). Причиной этих волнений были тяжелые условия труда, жестокое обращение владельцев и администрации предприятий.

Борьба крепостного люда против своих угнетателей не прекратилась и в период Отечественной войны 1812 года. Патриотический подъем народных масс не привел к стиранию классовых противоречий в России. В Литве,

Белоруссии, Смоленской губернии и в других местах крестьяне отказывались выполнять повинности в пользу помещиков, громили их усадьбы, разбирали господское имущество, убивали господ.

Одним из самых крупных крестьянских выступлений в период войны было восстание ратников Пензенского ополчения.

Бунт крепостных крестьян.
С рисунка художника А. Ключева.

Нашествие наполеоновских полчищ вызвало в России небывалый подъем патриотизма. Война с вторгшимся врагом с самого начала превратилась для русского народа в борьбу за национальную независимость. Она была для него глубоко справедливой войной, в которой, по словам В. Г. Белинского, «дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей Европы, следовательно, всего мира».

Одной из наиболее массовых форм участия народа в Отечественной войне являлось народное ополчение. В 1812 году насчитывалось свыше 420 тысяч ополченцев.

Они составляли около 40 процентов всей русской армии и сыграли большую роль в войне 1812 года как важный резерв и помощник регулярной армии.

Отряды народного ополчения стали формироваться с первых же дней войны под влиянием патриотического подъема. Царское правительство опасалось вооружать крестьян и боялось, как бы они не повернули оружие против господ. Однако под воздействием начавшегося движения оно вынуждено было объявить манифестом от 6 июля 1812 года о создании ополчения. Ополченцы собирались лишь на время войны и после ее окончания должны были распускаться по домам. «По изгнании неприятеля из земли нашей, — говорилось в манифесте, — всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям». Другими словами, крепостные крестьяне должны были остаться в прежнем положении.

Формирование ополчения происходило по трем округам, объединявшим 16 губерний. Пензенская губерния вместе с Казанской, Нижегородской, Костромской, Симбирской и Вятской входила в третий округ.

Известие о создании ополчения было встречено в Пензенской губернии с большим подъемом. Один из современников писал: «При сборе ратников (вопреки тому, что бывало при обыкновенных рекрутских наборах) радость была написана на лицах тех, на коих пал жребий, семейные их: жены, матери, сыновья осыпали их ласками и дарили чем могли».⁴ Без разрешения помещика крепостные крестьяне не могли записываться в число ратников. Если же они вступали в ополчение без согласия помещика, то в этом случае их наказывали и отсылали обратно, как нарушивших закон. Однако крестьяне иногда совершали побег и тайком записывались в ополчение.

В Пензенской губернии ополчение стало формироваться в сентябре 1812 года. К началу ноября в нем насчитывалось 10 тысяч человек. Была сформирована дивизия, которая состояла из трех пехотных и одного конного полков и артиллерийской команды. Полки ополче-

⁴ В. С. Апухтин. Очерк истории формирования и действий Пензенского дворянского ополчения в Отечественную и освободительную войну 1812—1814 гг. М., 1912, стр. 7.

ния располагались в Инсаре, Саранске, Краснослободске, Мокшане и Пензе.

В ноябре среди ополченцев распространился слух о том, что существует за золотой печатью царский указ, по которому все участники войны должны получить свободу, но что дворяне скрывают этот указ. В полках началось брожение, которое вскоре вылилось в открытое выступление. Стремление к освобождению от крепостной зависимости было основной причиной восстания ратников Пензенского ополчения. Его возникновению способствовало и то, что полковое командование присваивало деньги, которые отпускались на содержание ратников. Офицеры, которые были все из дворян, бездельничали и пьянствовали. Все это раздражало и озлобляло ополченцев.

Поводом к восстанию послужил приказ о выступлении ополчения в поход, назначенный на 10 декабря. За день до этого на базарной площади города Инсара был выстроен 3-й пехотный полк в количестве 2400 человек для принятия присяги. Когда командир полка полковник Кушнерев решил привести к присяге первую сотню первого батальона, то она отказалась сделать это. Было арестовано 12 зачинщиков, и тогда полк в полном составе бросился по «сотенным домам», где хранились пики. Оружие было моментально разобрано, и ратники вновь собрались на площади. Они потребовали от командира полка и офицеров дать ответ: «С чьего позволения собрали их?». Кушнерев ответил, что так приказал царь. Ратники потребовали царский манифест, который и был им прочитан. Это чтение не произвело никакого впечатления, так как о воле в манифесте не было сказано ни единого слова. В своих воспоминаниях очевидец восстания И. Шишкин писал, что ратники не верили этому манифесту. Они заявили: «Вы обманываете нас, мы не присягали, а без того нельзя солдату быть и в походе. Да и собирать нас государь не велел, а требовал одних дворян; но вы ведете нас вместо себя».⁵

После чтения указа ратники с криком бросились на офицеров, избивали их, а также представителей гражданских властей уезда и городской полиции. Ополченцы подозревали, что подлинник «царского указа» находится у

---

⁵ И. Шишкин. Бунт ополчения в 1812 году. СПб, 1869, стр. 217.

полковника и поэтому направились к его квартире. Подойдя к дому, они выбили окна и двери, обыскали помещение, но указа не нашли. Затем ратники перевели арестованных офицеров в тюрьму, перед которой они воздвигли три виселицы и объявили офицерам, что перевешают их, если указ не будет найден. Из своей среды ополченцы выбрали начальника — крестьянина Федора Петрова. Следует отметить, что ополченцы не тронули казначейство, винных лавок и казенных складов.

Освободившись от офицеров, ратники не разбежались по своим деревням и селам. У них было весьма велико чувство ответственности за судьбу страны и понимание той опасности, которая шла со стороны Наполеона. Академик Е. Тарле, писал: «Чувство мести к иноземному завоевателю, ненависть к помещичьему классу, монархическая легенда о народолюбивом царе — все это смешалось воедино и породило инсарское движение 1812 года».⁶

Одновременно с восстанием 3-го пехотного полка в Инсаре восстал и 1-й пехотный полк в Саранске. Когда саранский полицмейстер прочитал ратникам приказ о выступлении в поход, то воины ответили, что они не хотят идти без именного повеления и что они набраны не с воли государя, а по собственному расположению их господ.⁷ В рапорте пензенского губернатора читаем: «...воины 1-го полка 10 декабря, будучи собраны для выступления в поход и имея при себе пики, не только оказали послушание полковому командиру и прочим штаб- и обер-офицерам, но некоторых из них и били, крича, что они без присяги в поход не пойдут».⁸

В Саранске ополченцы также избрали своего руководителя — урядника Бориса Ильина. Город оказался в руках восставших. С этой вестью ополченцы выслали своих гонцов в Инсар и Мокшан, где находился 2-й пехотный полк ополчения.

Местные крестьяне сочувственно относились к восставшим и не поддерживали дворян. «Нет, это не Пугачево: тогда вас не всех перевешали, нынче уже не вывер-

⁶ Е. Тарле. 1812 год. Изд. АН СССР, 1959, стр. 607.

⁷ Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 1405, оп. 10, л. 2699, л. 4.

⁸ Там же, ф. 1286, оп. I, д. 289, лл. 34—35.

нетесь! Нет, полно вам властвовать!» — говорила, обращаясь к беглому офицеру, одна старуха из села Адашево Инсарского уезда.⁹

10 декабря пензенский губернатор Голицын разослал депеши о событиях в Инсаре и Саранске саратовскому, симбирскому и тамбовскому губернаторам и командующему регулярными войсками в Поволжье генералу Лобанову-Ростовскому. В депешах содержалась просьба о высылке воинских команд для подавления восстания, а также просьба, чтобы симбирское ополчение не шло через Пензенскую губернию.

Пензенские губернские власти и военное командование, боясь, чтобы движение не распространилось на соседние с Инсаром и Саранском населенные пункты, решили окружить восставших. Командующий III округом ополчения граф Толстой приказал немедленно и самым решительным образом подавить восстание. К Инсару и Саранску стали стягиваться регулярные войска и команды внутренних гарнизонных батальонов Пензы и Тамбова. 12 декабря Инсар был окружен войсками. Начальник Пензенского ополчения генерал Кишенский с отрядом вошел в город, не встретив сопротивления ополченцев. Ратники даже сами выпустили из тюрьмы офицеров. Сразу же в Инсаре была создана комиссия военного суда, которая занялась расследованием. В результате трехдневной работы комиссии было «найденно до 300 человек ратников, более других виновных в возмущении, в том числе был отыскан и «полковник-самозванец», но ратники не назвали инициатора восстания».¹⁰

Следствие установило, что ратники хотели истребить офицеров и отправиться к местам военных действий. Там они предполагали разбить неприятеля, а «потом с повинной головою предстать перед лицом монарха, и в награде за свою службу выпросить себе прощение и вечную свободу из владения помещиков».¹¹

Из документов Государственного архива Пензенской области видно, что по приказанию Кишенского было арестовано 84 воина, а остальных наказали «при полку палочьем и розгами».¹² Очевидец этих событий И. Шишкин

⁹ И. Шишкин. Указ. соч., стр. 245.

¹⁰ Там же, стр. 273.

¹¹ Там же, стр. 150, 151.

¹² ГАПО, ф. 6, оп. I, д. 411, л. 207 об.

писал: «Три дня лилась кровь виновных ратников и многие из них лишились жизни под ударами палачей. Из уцелевших, оставшихся после наказания ратников, часть отправлена в каторжную работу, часть — на поселения, а другие — на вечную службу в дальние сибирские гарнизоны».¹³ Жестокая расправа царского генерала вызвала новую волну возмущения и в ночь на 13 декабря из Инсара бежало до 400 ополченцев.

13 декабря 3-й пехотный полк был насильно приведен к присяге. После этого регулярные войска заняли город Саранск. 1-й полк был выстроен на площади для принятия присяги. Командир полка Селунский зачитал перед фронтом манифест царя о формировании ополчения и стал уговаривать ратников дать присягу. Ратники не согласились и заявили, «что они лучше пойдут в настоящие солдаты, а за помещиков служить не будут».¹⁴ Прочитанный манифест ополченцы называли «лжесоставленным самими дворянами». Боясь дальнейших осложнений, власти стягивали к Саранску дополнительные войска. 18 декабря в город прибыли пензенский губернатор Голицын и командующий III округом ополчения граф Толстой.

29 декабря рескриптом Александра I графу Толстому было предписано предать военному суду участников волнений в городах Саранске и Инсаре: «чтобы... все зачинщики возмущения немедленно наказаны были... без всякого послабления по правилам, начертанным... для управления большой действующей армии, а прочих нижних чинов 1-го и 3-го полков Пензенского ополчения, как недостойных носить звание защитников отечества, изгнать из среды ополчения и обратить на горные пермские заводы с зачетом помещикам за рекрут».¹⁵

П. А. Толстой жестоко расправился с восставшими в Саранске. Многих арестовали и предали военному суду. Семь ратников и один казак были высечены кнутом от 100 до 250 ударов. У них вырезали ноздри, а затем отправили на каторжные работы в Нерчинск. 28 человек прогнали сквозь строй, свыше 90 воинов наказали палка-

¹³ И. Шишкин. Указ. соч., стр. 276.

¹⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 411, л. 78.

¹⁵ «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года». Сб. док., АН СССР, М., 1962, стр. 384.

ми перед фронтом и отослали в Оренбург на службу в дальние гарнизоны.¹⁶ Только после такой расправы с ратниками полк был насильно приведен к присяге.

Во избежание сближения с 1-м и 3-м полками 2-й пехотный полк, расквартированный в Мокшане, решили в срочном порядке отправить в действующую армию. Из Мокшана полк двинулся к Тамбову через Чембар. В селе Каменка Нижнеломовского уезда полк разоружили, отобрав пики. В донесении пензенского губернатора графу Толстому по этому поводу говорится: «...посредством благоразумия начальник сего полка в виде облегчения воинов оставил все пики в помянутом селе, откуда они по моему распоряжению через земского исправника доставлены уже в губернский город по тому наипаче уважению, дабы не оставить хранение их при многолюднейших владельческих вотчинах, известных особенно по бывшему здесь в 70-х годах произшествию».¹⁷ (Имеется в виду восстание под руководством Е. П. Пугачева).

15 декабря два батальона 2-го пехотного полка прибыли в Чембар, а два батальона расположились в селе Кевдо-Вершина. На другой день командир полка Дмитриев решил привести к присяге батальоны, находящиеся в Чембаре. Но ополченцы так же, как в Инсаре и Саранске, отказались от ее принятия. Они требовали «именного указа». Восстали и батальоны, расквартированные в селе Кевдо-Вершине. Ратники окружили дом, где собрались офицеры, и «держали в руках палки, требовали именное повеление о сборе их и приводе к присяге, приговаривая при том, что тот указ, который им объявили, выдуман самими офицерами». Ночью в село из Чембара пришли два ратника, которые велели батальонам идти в город. Утром оба батальона выступили в Чембар.

Командир 2-го полка и его офицеры бежали из Чембара. Из своей среды ратники избрали полковым командиром Гаврилу Иванова и приняли решение о самостоятельном походе «на французов без дворян».

Сбежавший командир полка обратился к тамбовскому губернатору с просьбой «со всевозможной скоростью прислать воинскую команду, сколько собрать можно, не менее, однако же, двух сот, исправно вооруженных и по

¹⁶ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 411, л. 254.

¹⁷ Там же, л. 126.

крайней мере две пушки, взяв более картечь, равно и конной команды сто человек».¹⁸

2-й полк стоял в Чембаре целую неделю, не имея связи с 1-м и 3-м полками ополчения. Из Чембара в Пензу ратники послали казаков с заданием узнать о событиях в Инсаре и Саранске, но посыльные были схвачены властями.

Пензенский губернатор тем временем писал чембарским чиновникам о том, чтобы они всеми средствами удержали ополченцев в городе до прихода регулярных войск. 22 декабря в Чембар прибыла из Тамбова команда 8-й резервной артиллерийской бригады с двумя орудиями, а затем 36-й и 42-й егерские полки из корпуса генерала Лобанова-Ростовского.¹⁹ 23 декабря на площади были установлены орудия и выстроен восставший полк. Полковник Дмитриев стал убеждать восставших принять присягу, но они были непоколебимы и смело отвечали: «Вы нам ничего не сделаете... Мы отыдем и пушки и всех побьем».²⁰ Ратники набросились на егерей и били их палками. Дмитриев дал команду артиллеристам. Раздался залп. На снег стали падать убитые и раненые, но восставшие не растерялись и дружно бросились на батарею. Тогда по ополченцам ударили картечью, а из засады со штыками наперевес пошел отряд егерей. Безоружные ополченцы отступили. На снегу осталось лежать 5 убитых и 10 раненых ратников.

На следующий день в Чембаре была учреждена комиссия военного суда. Часть ратников сослали в Сибирь на каторжные работы, а остальных отправили в действующую армию. Всего при подавлении восстания ополченцев было наказано шпицрутенами и отослано в дальние гарнизоны 289 ратников, выпорото кнутом и сослано на каторгу 42 ратника.²¹

Антикрепостническое восстание пензенских ополченцев показало, что борьба крестьян против помещиков и их патриотическое стремление к защите отечества не исключали одно другого. Народные массы понимали, что

¹⁸ Цитируется по «Военно-историческому журналу», 1940, № 12, стр. 103—110.

¹⁹ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 409, л. 99.

²⁰ Там же, л. 82.

²¹ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 531, л. 12.

в случае победы Наполеона, они будут подвергаться двойному гнету: классовому и национальному. Они понимали и то, что Россия не должна потерять свою национальную независимость.

3 января 1813 года Пензенское ополчение численностью более 7 тысяч человек под охраной батальона пехотных егерей и двух конных башкирских полков двинулось в далекий и трудный поход через Тамбовскую, Воронежскую, Орловскую, Курскую, Харьковскую, Полтавскую и Киевскую губернии и остановилось в г. Ромны Полтавской губернии, где между 1 и 11 марта соединилось с Симбирским ополчением.²² Отсюда они уже вместе совершали поход к границам Германии.

К июлю 1813 года пензенцы добрались до границ герцогства Варшавского. На театр военных действий ополчение прибыло в конце августа, пройдя маршем более 3000 километров.

4—7 октября 1813 года пензенские ополченцы принимали участие в сражении под Лейпцигом, где отличился конный полк пензенцев. Но особенно отличились пензенцы в битве за Дрезден, который они осаждали вместе с ополченцами других губерний III округа. 20 дней шли непрерывные бои с превосходящими силами противника. Французские войска хорошо укрепили город, и надеясь на численное превосходство, решили разгромить русских. С этой целью они предприняли прорыв в центре и на левом фланге ополчения. Трем пензенским пехотным полкам, находившимся в центре, пришлось выдержать основной удар противника. Ополченцы сражались мужественно и храбро, но силы были неравными и русским пришлось отступить.

Спустя несколько дней ополченцы перешли в наступление и среди первых в контратаку пошел 1-й пензенский пехотный полк. Вскоре Дрезденская крепость была взята.

Из Дрездена ополчение было переброшено к Магдебургу. Во время перехода отличился пензенский конный полк, который, встретив колонну неприятельской пехоты, напал на нее и обратил в бегство. Командующий армией генерал от кавалерии граф Беннигсен поставил подвиг пензенцев в пример всем кавалеристам. В специальном

---

²² Газета «Пензенские губернские ведомости», 1855, № 36.

приказе за его подписью от 3 ноября 1813 года говорилось: «Пензенский конно-казачий полк, будучи 27 числа минувшего октября при Магдебурге в деле против неприятеля, в виду войск, бывших в сем действии, пошел в атаку на неприятельскую пехоту, в колонне шедшую, расстронив оную, взял орудие — подвиг таковой и отличие сего полка может служить примером кавалерии...».²³

После взятия Магдебурга полки Пензенского ополчения вошли в состав колонны генерал-лейтенанта Маркова и с 27 января 1814 года приступили вместе с рязанцами к осаде Гамбурга. Тем временем основные силы русской армии шли к Парижу, который и был взят 29 марта 1814 года.

Сражаясь с неприятелем под Дрезденом, Магдебургом, Гамбургом, в Лейпцигской «битве народов», пензенцы показали чудеса храбрости и с честью пронесли славу русского оружия. Движимые духом патриотизма ратники Пензенского ополчения самоотверженно громили врага.

После окончания боевых действий Пензенское ополчение на основании указа от 28 октября 1814 года о роспуске ополчения возвращалось домой через Голштинию, Мекленбург, Пруссию, Белоруссию, Тулу, Ряжск. 4513 пензенцев 14 апреля 1815 года прибыли в Моршанск. Затем вернулось из госпиталей еще 1036 воинов-инвалидов. Около 500 человек умерло в заграничных госпиталях от ран и болезней. Свыше двух тысяч воинов пали в боях.²⁴

Надежды русских крестьян на освобождение от крепостного права оказались напрасными. Царское правительство обмануло ожидания и мечты о воле, ограничившись выпуском медали, послужившей единственной наградой ополченцам. Вернувшись домой, они по-прежнему продолжали гнуть спины на помещиков, как и до вступления в ополчение. 30 августа 1814 года царь Александр I издал манифест, в котором относительно крестьян было сказано следующее: «Крестьяне верный наш народ, да получают мзду свою от бога».²⁵

Так царизм «отблагодарил» тех, кто вынес основную

²³ ГАПО, ф. 132, оп. 1, д. 225, л. 11.

²⁴ Е. Ермолаев. Пензенский край в Отечественной войне 1812 года. Пенза, 1945, стр. 37.

²⁵ ПСЗРИ, т. XXXII, № 25671.

тяжесть в Отечественной войне 1812 года, кто проливал кровь, защищая честь и независимость своей страны.

Таким образом, подлинной причиной восстания ратников Пензенского ополчения было стремление освободиться от крепостной зависимости, а не отказ от участия в войне, как это утверждали буржуазно-дворянские историки. Наоборот, активное участие пензенцев в боевых действиях против войск Наполеона свидетельствует об их высоком патриотизме и ответственности за судьбы родины.

УСИЛЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА. ДЕКАБРИСТЫ-ПЕНЗЕНЦЫ

Война 1812 года легла тяжелым бременем на экономику России. Население понесло огромные убытки, составившие сотни миллионов рублей. Народ выставил в ходе войны более одного миллиона рекрутов и ополченцев. Война привела в крайнее расстройство финансы и денежное обращение. Росла дороговизна, что еще больше ухудшало положение народа. Правительство крепостников оказалось бессильным принять какие-либо серьезные меры к ликвидации последствий войны, поднятию народного хозяйства. Тяжести создавшегося экономического положения оно целиком возложило на народные массы. Дефицит государственного бюджета покрывался за счет подушной подати, оброчных и других сборов с крестьян. В то же время помещики продолжали расширять барскую запашку, вводили дополнительные повинности для крестьян. Выше обычного возросли нужда и бедствия угнетенных масс.

Все это резко обострило классовый антагонизм между помещиками и крестьянами. В стране усилилась массовая народная борьба, росли крестьянские волнения. По неполным данным в 1813—1825 гг. произошло около 200 крестьянских выступлений. Среднегодовое число волнений в этот период возросло более чем в два раза по сравнению с годами до Отечественной войны.

Наиболее массовым было движение на Дону в 1818—1820 гг. В нем приняло участие свыше 45 тысяч крестьян. Усилились волнения среди крепостных рабочих. За

1816—1825 гг. зарегистрировано более 50 случаев рабочих волнений. Как и крестьяне, рабочие требовали уничтожения крепостнического угнетения. Но рабочие иногда выдвигали и свои особые требования: повышение платы, изменение расценок, смена мастеров и другие. Значительными были волнения на предприятиях Баташевых во Владимирской губернии в 1822 году и на уральских заводах Расторгуева в 1822—1823 гг. В обоих случаях движение было прекращено с помощью военной силы.

Волнения крепостных крестьян, рабочих происходили и в Пензенской губернии. Остановимся на некоторых из них.

Летом 1813 года 500 крестьян села Пурдошки Краснослободского уезда вышли косить луга, отнятые у них соседними помещиками. Прибывший к ним земский исправник потребовал, чтобы крестьяне прекратили работы, а скошенное сено свезли к господским усадьбам. Крестьяне заявили, что пусть «государь что хочет, то и делает, а они не перестанут косить траву. Ежели с пушками к ним выедут, то и тогда не перестанут косить».

На протяжении двух лет пурдошские крестьяне вели борьбу за свои луга. Волнение было подавлено вооруженной силой.

В июле 1814 года крестьяне села Чекашевы Поляны Инсарского уезда прекратили барщинные работы, самовольно собрались на сход и решили не признавать нового владельца, купившего имение. Волнение было подавлено, многих его участников наказали на месте, многих сослали на каторгу²⁶.

Борясь с крепостниками-помещиками, крестьяне навивно искали поддержки у царя-батюшки. Примером может служить следующий факт. Владелица села Большой Вясс графиня Лаваль из года в год увеличивала денежный оброк, что привело к росту недоимок. С 1820 по 1825 год они составили огромную сумму — 242 620 рублей. На одно тягло приходилось недоимки около 60 рублей, что составляло сумму оброка за два с половиной года. Доведенные до крайней нищеты, крестьяне отправили в Петербург четырех ходоков во главе с Михаилом Дельновым для подачи на имя царя жалобы. Крестьяне

²⁶ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, стр. 255—256.

писали, что они «управляющими и разными чинами местных присутствий доведены до конечного убожества, поруганья и истязанья»²⁷. В Петербурге троих ходоков схватила полиция и этапным порядком отправила на родину, где они были наказаны. Дельнову же удалось избежать ареста. Вместе со своим сыном Андреем и земляками Варжеевым и Соколовым, служившими в гренадерской роте Преображенского полка, он был свидетелем восстания декабристов на Сенатской площади. О событиях 14 декабря 1825 года Дельнов и солдаты сообщили в свое село Большой Вясс.

Получив письмо, крестьяне прекратили выполнение феодальных повинностей, ожидая освобождения от крепостной неволи. Движение большевьяссских крестьян было жестоко подавлено. Несколько человек, в их числе и Дельнова, приговорили к каторжным работам. Солдат Варжеева и Соколова предали военно-полевому суду²⁸.

Волновались также рабочие промышленных предприятий губернии. Так, в июле 1824 года вспыхнуло волнение рабочих людей на Сивинском железодельном заводе. Оно продолжалось до конца года и было подавлено военной силой. Руководители движения — рабочие Тихонов, Степанов, Афанасьев после наказания были сосланы в Сибирь на поселение, другие участники волнения наказаны плетью²⁹.

В 1824 году началось волнение рабочих на Рябкинском чугуноплавильном заводе, которое продолжалось несколько лет подряд — до 1827 года.

Общее недовольство крепостным гнетом захватило и армию. Настроения армии были связаны с крестьянскими настроениями, так как солдаты набирались главным образом из крестьян. Недовольство солдат вызывалось и тяжестью военной службы. Солдаты, которые героически защищали русскую землю в 1812 году, угнетались и притеснялись по-прежнему. Но после Отечественной войны, сыгравшей огромную роль в росте самосознания солдатской массы, трудно было мириться с палочной дисциплиной. «Мы — отечеству защита, а спина всегда

---

²⁷ Там же, стр. 232.

²⁸ Там же, стр. 256.

²⁹ Там же, стр. 256.

избита», — говорилось в одной солдатской песне того времени.

В 1816—1825 гг. произошло не менее 15 открытых солдатских выступлений. Наиболее крупным событием, вызвавшим сильное беспокойство правительства, было восстание Семеновского гвардейского полка в столице в 1820 году. Волнения происходили также среди военных поселян (в районе города Чугуева в 1819 году). Военные поселяне отказывались от повиновения начальникам и требовали уничтожения военных поселений. Для их усмирения посылались войска.

Таким образом, в послевоенный период в стране широко развернулось массовое движение. В конечном счете все требования трудового люда и солдат сводились к одному — освобождению от крепостной неволи. Эта идея все сильнее овладевала их сознанием. В результате массового антикрепостнического движения все более расшатывались устои феодального строя.

В обстановке роста недовольства существующим строем и массовой антифеодальной борьбы возникает передовое, прогрессивное движение в России — движение декабристов. Это было, по определению В. И. Ленина, начало дворянского этапа в русском революционном движении, продолжавшегося до начала 60-х годов XIX века. Декабристы явились первыми русскими революционерами, которые не только выдвинули лозунг борьбы с крепостным правом и самодержавием, но и организовали для осуществления этих целей первое открытое восстание с оружием в руках.

Однако декабристы были дворянскими революционерами и их классовая ограниченность не могла не сказаться на их деятельности. Объективно отражая назревшие нужды народа, нации, они были далеки от народа, боялись самостоятельного выступления народных масс. Основной силой переворота они считали армию, возглавляемую революционными вождами.

Для переустройства порядков в России декабристы создали тайные политические организации, тайные общества. В них состояло немало лиц, связанных с Пензенским краем. К их числу относятся Иван Александрович Анненков, Александр Петрович и Петр Петрович Беляевы, Петр Федорович Громницкий, Иван Николаевич Гор-

сткин, Григорий Александрович Римский-Корсаков, Александр Михайлович Булатов, Апполон Васильевич и Алексей Васильевич Веденяпины, Алексей Алексеевич Тучков. Остановимся на некоторых из них.

И. А. АННЕНКОВ

Будущий декабрист провел свои детские годы в селе Скачки Пензенской губернии. Здесь он отдыхал летом 1825 года со своей невестой Полиной Гебль, бывал после возвращения из сибирской каторги и ссылки.

И. А. Анненкову шел двадцать второй год, когда он в чине поручика вступил в кавалергардскую ячейку Южного общества.

И. А. Анненков.

Высокообразованный и общительный поручик вскоре стал одним из активных деятелей революционного движения. Смысл своей жизни он видел в борьбе с самодержавно-помещичьим режимом в России.

«Мне была открыта цель одного: введения республиканского правления и свержения крепостничества», — открыто заявил он в своих следственных показаниях.

Иван Александрович пользовался большим уважением среди декабристов. О нем, как о человеке, весьма преданном своим идеалам, высоко отзывались С. Муравьев-

Апостол, М. Бестужев-Рюмин, П. И. Пестель. Так, последний отмечал, что «Анненков находился в полном революционном и республиканском духе».

12 декабря 1825 года в квартире Рылеева проходило знаменитое совещание декабристов, которое наметило план революционных действий в день присяги новому императору Николаю I. Присутствовавший здесь И. А.

Анненков был на стороне наиболее решительных предложений государственного переворота. Он голосовал за то, чтобы силой оружия заставить Сенат подписать революционный манифест к русскому народу, в котором объявлялось о свержении царского правительства, отмене крепостного права, уничтожении рекрутчины, введении гражданских свобод, созыве Учредительного собрания. На другой день И. А. Анненков был на совещании у начальника штаба восстания князя Оболенского, а 14 декабря—на Сенатской площади среди восставших.

19 декабря его арестовали. Полгода он томился в Петропавловской крепости, а затем был отправлен в Сибирь. Осужденному по второму разряду предстояло лучшие свои годы прожить на каторжных работах, а затем навечно поселиться в сибирской глуши.

Полтора месяца закованного в кандалы И. А. Анненкова везли до Нерчинских рудников. Лишь 28 января 1827 года прибыл он на Петровский завод, где и стал значиться как «Заклоченный камеры № 57». На одном из акварельных рисунков декабрист Н. А. Бестужев хорошо изобразил заброшенные среди сопки и елей казенные корпуса Петровского завода. Четко вырисован огромный бревенчатый тын, ограждавший ссыльных от окружающего мира.

Трудно перечислить все муки и унижения, какие испытывали заключенные здесь декабристы. Каторжные будни И. А. Анненкова скрашивались, лишь минутами встреч с Полиной Гебль, которая по примеру М. Н. Волконской и А. Г. Муравьевой одной из первых отправилась вслед за мужем в Сибирь.

14 декабря 1835 года И. А. Анненков был освобожден от каторжных работ и последующие двадцать лет жил сначала в селе Бельском Иркутской губернии, а потом в Тобольске. В 1856 году последовала политическая амнистия декабристам, и Иван Александрович возвратился в Европейскую Россию. Местом жительства он избрал Нижний Новгород.

Там И. А. Анненков встречался со многими видными общественными деятелями и представителями науки и культуры. Он беседовал с Тарасом Григорьевичем Шевченко, Александром Дюма. Французского романиста потрясла встреча с декабристом. Впоследствии он рассказывал о ней в своих произведениях.

Поселившись в Нижнем Новгороде, И. А. Анненков не забывает Пензу. В один из своих приездов в 1861 году к сыну в село Скачки, он писал жене: «Моя старая ненависть к рабству пробудилась с тех пор, как я попал в Пензенскую губернию на американские плантации. Здесь отпечаток рабства на всех лицах, разбойники управляющие и заседатели в тысячу раз больше грабители, чем в Нижнем».

До конца своих дней И. А. Анненков остался врагом царского самодержавия, помещичьего произвола и религиозного мракобесия.

БРАТЬЯ БЕЛЯЕВЫ

Восемь лет каторги и вечное жительство в Сибири — таков был приговор царского суда младшим морским офицерам Александру и Петру Беляевым, членам Северного общества декабристов.

А. П. Беляев.

«... молвно поощрял отец», — вспоминал впоследствии Александр Беляев.

Ненависть к самодержавно-помещичьему строю особенно усилилась в юношеские годы, когда братья Беляе-

вы воспитывались в Петербургском морском кадетском корпусе, выделявшемся среди учебных заведений «вольнодумным» составом обучающихся. Вместе с Александром и Петром там проходили курс наук декабристы братья Бестужевы, Давыдов, Арбузов, Завалишин.

В 1821 году братья Беляевы, окончив кадетский корпус, получили чин младших офицеров. Не удовлетворяясь полученными знаниями, они усердно занимаются самообразованием, изучая произведения Руссо, Монтескье, Дидро, Вольтера, распространяют запрещенные цензурой произведения Рылеева, Пушкина, Грибоедова. Александр Беляев лично знал автора «Горя от ума» и был страстным его пропагандистом. В своих записях он отмечал: «Комедия «Горе от ума» ходила по рукам в рукописи... Слова Чацкого «все распроданы по одиночке» приводили в ярость».

В 1825 году братья Беляевы вступают в Северное общество, принимают активное участие в подготовке восстания. Их агитационная работа среди командного и рядового состава экипажа была осязательной. Когда утром 14 декабря сюда с целью проведения к присяге Николаю I прибыл полковник Шипов, произошло непредвиденное. По словам декабриста Н. Бестужева, команда не подчинилась Шипову. «Единоголосно, все офицеры, кроме штаб-офицеров, и все рядовые отказались» присягнуть новому императору. С оружием в руках они направились на Сенатскую площадь.

Братья Беляевы были арестованы в числе первых. Они мужественно перенесли заточение в Петропавловской крепости, годы работ на Нерчинских рудниках и Петровском заводе, трудную службу в Кавказской ссылке. После амнистии, последовавшей незадолго до отмены крепостного права, декабристы возвратились в родное село Ершово.

Проезжая в 1856 году по Пензенской глухомани и видя разгул помещиков-крепостников, Александр Петрович Беляев с горечью восклицает, что в этом крае по-прежнему «видишь нищету, голод... да замурзанные лица крестьянских детей!».

Последние годы своей жизни Александр Петрович провел в Москве и работал над рукописью о декабри-

стах. Незадолго до своей смерти он опубликовал мемуары «Воспоминания о пережитом и пережитом».

П. Ф. ГРОМНИЦКИЙ

Петр Федорович Громницкий, уроженец города Керенска, учился в кадетском корпусе в Петербурге и возвратился на родину в чине прапорщика Пензенского пехотного полка.

Дни, проведенные в столице, общение с передовой молодежью, будущими декабристами, заметно повлияли на П. Ф. Громницкого. Из Петербурга он приехал с твердым намерением быть в рядах борцов с царским самодержавием. Четырехлетние армейские будни в Пензенской крепостнической-помещичьей глуши еще больше закалили стремления прапорщика. И когда в 1823 году Пензенский пехотный полк перебросили на Украину, где действовали ячейки декабристов, Петр Федорович Громницкий сразу же вступил в Общество соединенных славян, а потом в Южное общество.

Архивные данные рисуют П. Ф. Громницкого как весьма активного декабриста, вовлекшего в тайное общество немало солдат. Именно эту сторону его деятельности особо выделял М. Бестужев-Рюмин. «Мы крепко надеялись на Пензенский пехотный полк, — говорил он, — потому что там, кроме семеновских солдат, служили майор Спиридов, капитан Тютчев..., и Громницкий... который был весьма деятелен».

Петр Федорович проводил агитационную работу среди солдат Черниговского полка. Рядовой Игнатий Ракуза на вопрос следственной комиссии: «Кто же участники сего заговора, в который тебя вовлекли? Какие именно офицеры?» — ответил: «Я заметил следующих Пензенского пехотного полка: капитана Тютчева, поручика Лисовского и Громницкого».

Летом 1825 года Петр Федорович часто бывал в Лещине в палатке П. И. Пестеля, где молодые офицеры под руководством Муравьева-Апостола изучали «Русскую правду».

П. Ф. Громницкий был смел и отважен и недаром

ему, по свидетельству декабриста Бесчастного, «было поручено истребить царскую фамилию».

Арест последовал 9 февраля 1826 года. При обыске у Петра Федоровича обнаружили запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева, Дениса Давыдова. Следователи упорно добивались признания, где и от кого он получил эти «крамольные» произведения. Однако П. Ф. Громницкий остался верным революционному долгу.

Как крупного политического противника П. Ф. Громницкого бросили в каземат Петропавловской крепости. В предписании коменданту Сукину Николай I пометил: «Присылаемого Громницкого... содержать строго».

Первоначально П. Ф. Громницкого осудили по первому разряду: ему надлежала казнь «через отсечение головы». Однако по царской «милости» она была заменена многолетней каторгой в Сибирь. Декабрист стойко прошел через все муки Нерчинских рудников и Петровского завода.

П. Ф. Громницкий.

И. Н. ГОРСТКИН

Сын тульского помещика Иван Николаевич Горсткин служил поручиком в лейб-гвардии егерском полку и в начале 1818 года вступил в «Союз благоденствия». На следствии он показывал: «В 1818 году я был принят в Тайное общество в Москве Александром Муравьевым. Цель оного была изложена в «Зеленой книге», и я в оной ничего не нашел противозаконного».³⁰ Выйдя в 1821

³⁰ Сб. ст. «Декабристы в Москве». Изд-во «Московский рабочий», 1963, стр. 35.

году в отставку, он поступил на службу советником Московского губернского правления. В 1825 году И. Н. Горсткин вступил в члены Московской управы, созданной Пушкиным и Оболенским, а затем в Союз, известный под названием Практического.

После восстания декабристов, в январе 1826 года, его арестовали. По отбытии четырехмесячного заточения в Петропавловской крепости И. Н. Горсткин был сослан в Вятку, а в 1827 году в родовое имение — в село Голодяевку Чембарского уезда Пензенской губернии. Широко эрудированный, глубоко разбирающийся в вопросах литературы, искусства, музыки, И. Н. Горсткин находился в близких отношениях с декабристами А. А. Тучковым, Г. Н. Римским - Корсаковым; отцом В. Г. Белинского.

И. Н. Горсткин.

Добившись разрешения о переезде в Пензу, он основал в губернском городе драматический театр и продолжительное время содержал его. И. Н. Горсткин умер в Пензе в 1876 году.

* * *

Восстание декабристов в истории России имело большое прогрессивное значение — оно знаменовало собой начало русского революционного движения. Несмотря на всю свою дворянскую ограниченность, декабристы внесли большой вклад в дело освободительной борьбы, являлись активными борцами за продвижение нашей родины вперед. Основные лозунги, выставленные ими, были живыми революционными лозунгами. Они были подхвачены последующими поколениями революционеров.

VI. ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

КРИЗИС КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА

В истории России первая половина XIX века была временем все углубляющегося процесса разложения феодального строя и развития в его недрах новых, капиталистических форм хозяйства, которые вступали в противоречия с крепостными формами. Производительные силы в этот период достигли такого уровня, который не соответствовал старым феодальным производственным отношениям. Крепостничество изжило себя, стало тормозом дальнейшего экономического развития страны. Наступил кризис всей феодально-крепостнической системы, который особенно резко обострился в 30-50-х годах.

Распадались старые формы крепостного хозяйства, усиливалась эксплуатация трудящихся масс, резко ухудшилось их материальное положение. В стране нарастало крестьянское движение, грозившее перерасти в общее массовое восстание против феодально-крепостнического строя. В конце 50-х годов в России сложилась революционная ситуация. Ход экономического развития и страх перед народной революцией заставили царское правительство признать необходимость отмены крепостного права.

Во второй четверти XIX века кризис феодального хозяйства ясно обнаруживается и в Пензенской губернии, экономика которой являлась неразрывной частью экономики крепостной России.

Наиболее ярким показателем этого явления было обострение классовой борьбы в губернии, что нашло свое выражение в росте крестьянского движения в последние предреформенные десятилетия.

Пензенская губерния была аграрным районом со слаборазвитой промышленностью и отсталым сельским хозяйством. Причина отсталости края заключалась в господстве крупного помещичьего землевладения, в барщинном способе ведения хозяйства, в особенно жестких формах эксплуатации подавляющей массы непосредственных производителей — крестьян. Однако в последние десятилетия перед реформой в крепостном хозяйстве губернии произошли значительные изменения, вызванные развитием капиталистического уклада. Они особенно заметны в области промышленности.

Во второй четверти XIX века в губернии существовали такие отрасли промышленности, как суконная, винокуренная, кожевенная, салотопенная, свеклосахарная, писчебумажная, металлургическая, стекольная. По сумме стоимости выпускаемой продукции первое место занимали винокуренная и суконная отрасли. По данным губернского статистического комитета, в 1859 году всей промышленностью было произведено продукции на 5 013 869 рублей, в том числе винокуренной — на 1,8 миллиона рублей, что составляло 34,4 процента общей суммы производства, суконной — на 1,4 миллиона рублей — 27,8 процента.¹ Большое место в выпуске продукции принадлежало кожевенному, писчебумажному, чугунолитейному и стекольному производствам, дававшим изделий в год на сумму от 100 до 400 тысяч рублей.²

В рассматриваемый период пензенская промышленность получила известное развитие, несмотря на господство крепостного права. Так, если в 1816 году в губернии насчитывалось всего 75 предприятий с числом рабочих свыше 20 человек (без винокуренных заводов), то к 1847 году число их возросло до 85, а к 1860 году — до 130.

С 30-х годов в производство начали внедряться машины, и к моменту реформы они применялись уже на

¹ ГАПО, ф. 9, д. 113, л. 38.

² Сталь и Рябинин. Материалы для географии и статистики России. Пензенская губерния. СПб, 1867, ч. II, стр. 39.

ряде промышленных предприятий. Так, в 50-х годах в основном был механизирован производственный процесс в писчебумажной промышленности, почти полностью основанной на вольнонаемном труде. Крупнейшая в губернии писчебумажная фабрика Сергеева (в Пензе) была оборудована машинами, выписанными из Англии. Машины приводились в действие посредством гидравлических колес и водяных турбин.²

Передовая техника постепенно вводилась в свекло-сахарной и суконной промышленности и прежде всего на тех предприятиях, на которых применялся труд наемных рабочих. В 50-годах на некоторых сахарных заводах применялись улучшенные способы вымочки свекловицы, механические терки и другие усовершенствованные приемы сахароварения. На заводе Глебова в Инсарском уезде терки приводились в действие с помощью паровой машины. На сахарном паровом заводе саранского помещика Желтухина были механизированы все основные рабочие процессы. Оба предприятия были основаны на вольнонаемном труде.³

В суконной промышленности уже с 30—40-х годов стала вводиться механизация производства. К концу 50-х годов получили распространение трепальные, прядильные, стригальные и другие отечественные и импортные машины. На отдельных предприятиях появились механические ткацкие станки. Так, механическое ткачество было введено на суконных фабриках купцов Брюшкова и Белоярцева (в г. Пензе) и некоторых других.

Технические усовершенствования имели место и в кожевенном производстве. Основанная на вольнонаемном труде кожевенная промышленность быстро развивалась. Изобретались и вводились в практику улучшенные способы выделки кожи, на многих кожевенных заводах применялись несложные машины, которые приводились в движение при помощи конного привода.

В меньшей степени новые механические приемы распространялись в металлургическом производстве. В этой отрасли в последние предреформенные десятилетия не наблюдалось заметного прогресса в области техники, если не считать введения Авгорским заводом

³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3784, лл. 106, 126.

небольшой паровой машины в 16 лошадиных сил для приведения в действие воздуходушных мехов.⁴

Таким образом, промышленный переворот, начавшийся в России в 30—50-х годах, обнаруживался и в Пензенской губернии. Здесь также совершался постепенный переход от ручной техники к машинной, от мануфактуры к фабрике, хотя господствующее положение по-прежнему занимал ручной труд.

Введение машин вело к изменениям в организации промышленного производства. Все большее распространение получал вольнонаемный труд, что означало развитие новых, капиталистических производственных отношений. Приблизительную картину роста числа вольнонаемных рабочих показывают данные, разработанные на основании ведомостей о фабриках и заводах за 1836 и 1860 годы. Так, в 1836 году число вольнонаемных по отношению к общему числу рабочих, занятых в промышленности, составляло 14 процентов, а в 1860 году—44 процента.⁵

Основная масса наемных рабочих была из оброчных помещичьих и государственных крестьян, которые вынуждены были искать заработка для уплаты оброка помещикам и податей казне. Например, на сахарном заводе купца Умнова все рабочие были из государственных крестьян. Преимущественно из помещичьих и государственных крестьян были рабочие писчебумажных фабрик Сергеева и купца Сидорова.⁶ Некоторые предприятия с наемным трудом представляли собой крупные заведения, насчитывавшие по нескольку сот рабочих. Так, на суконной фабрике Золотаревых в 1860 году было занято 530 рабочих, а на фабрике купца Павлова—700 рабочих.

Однако применение вольнонаемного труда тормозилось крепостническими отношениями, приковывавшими крестьян к деревне, мешавшими созданию рабочих кадров для промышленности. Господствующее положение на предприятиях губернии занимал крепостной труд. Наибольшее распространение он имел в суконной, свеклосахарной и стекольной промышленности. В 1860

⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3784, л. 152.

⁵ А. Дергачев. Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 года. Пенза, 1958, стр. 13—14.

⁶ Там же, стр. 15.

году из 10 998 рабочих, занятых на суконных фабриках. 69 процентов были крепостными. В группе рабочих свеклосахарных заводов крепостные составляли 68 процентов, а стекольных и хрустальных заводов — 90 процентов. Полностью на крепостном труде работала винокуренная промышленность.

Металлургическое производство было основано преимущественно на посессионном труде. На трех главных металлургических предприятиях — Рябкинском, Авгорском и Сивинском заводах — числилось по 10-й ревизии (1858 г.) 1884 души мужского пола.

В последние предреформенные десятилетия под влиянием развивающихся капиталистических отношений происходил постепенный упадок крепостной промышленности — вотчинских и посессионных мануфактур.

На вотчинных предприятиях техника производства была отсталой, а рабочими были крепостные крестьяне, отбывавшие фабричную барщину и в большинстве случаев не получавшие никакой заработной платы. Поэтому производительность труда на вотчинных мануфактурах была крайне низкой. Владельцы предприятий старались выжать из крепостных рабочих максимум возможного, заставляя их работать по 15 и более часов в сутки. На суконной фабрике Литвинова в селе Александровском Городищенского уезда работа продолжалась летом с 4 часов утра до 8 часов вечера, а зимой — с 6 часов утра до 11 часов вечера. В ряде случаев к работе на фабрике привлекались наряду со взрослыми рабочими подростки и дети.⁷ Но все это не приводило к желаемым результатам. Принудительный труд оставался непроизводительным, крепостные предприятия были малопродуктивными.

Некоторые владельцы вотчинных мануфактур, чтобы повысить производительность труда, вводили на своих предприятиях машинную технику. Так, например, на суконной фабрике Лубяновской (Нижнеломовский уезд), базировавшейся на крепостном труде, применялись прядильные машины в 60 и 80 веретен и механические ткацкие станки. Но таких случаев было немного. Даровой труд делал невыгодным введение новой техни-

⁷ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3784.

ки, и притом она плохо осванвалась крепостными крестьянами и не могла быть полностью использована.

Сами вотчинные предприниматели приходили к выводу о непроизводительности и невыгодности крепостного труда, начинали применять труд наемных рабочих. Помещик Городищенского уезда Колокольцев рассказывает в своих воспоминаниях, что, получив в 50-х годах в наследство сильно запущенную крепостную суконную фабрику, он перевел ее «из принципа крепостного... на коммерческий», то есть заменил крепостной труд вольнонаемным. По его словам, фабрика благодаря этому, а также ряду других мер, стала приносить хороший доход, и его же крепостные, отпущенные на оброк, стали наниматься на его фабрику.⁸ Накануне реформы 1861 года уже на ряде дворянских мануфактур применялся труд наемных рабочих или полностью или частично. Так, в 1860 году из 26 суконных фабрик, принадлежавших дворянам, — три были полностью основаны на вольнонаемном труде, на восьми фабриках наемный труд применялся частично, а остальные 15 базировались на крепостном труде.⁹ Из восьми сахарных заводов на двух применялся труд вольнонаемных рабочих, на двух — частью наемный, частью — крепостной.

Технически отсталая и малопроизводительная, связанная с казенными заказами, крепостная промышленность губернии не могла успешно развиваться. Только дешевизна сырья и даровой труд позволяли вотчинным владельцам поддерживать свои предприятия. Некоторые вотчинные мануфактуры закрывались. Так, суконные фабрики помещиков Алсуфьева и Тоузаковой, действовавшие в 30-х годах, к 1860 году прекратили свое существование. В 30-х годах в губернии было пять поташных заводов, работавших на крепостном труде, а ко времени реформы 1861 года не осталось ни одного.

Посессионная металлургическая промышленность губернии также находилась в состоянии застоя. На посессионных предприятиях техника была такой же отсталой, а производительность труда такой же низкой, как и на вотчинных. Размеры производства и количество вы-

⁸ Воспоминания ген.-лейт. Колокольцева. «Русская старина», 1891, кн. III, стр. 635—674.

⁹ Здесь не приняты во внимание купеческие суконные мануфактуры, работавшие на вольнонаемном труде.

пускаемой продукции не увеличивались в течение многих лет. На Авгорском и других заводах был установлен крепостной режим. За невыполнение работ и неповиновение рабочих подвергали жестоким наказаниям. Тяжелая работа и притеснения вызывали рабочие волнения.¹⁰

Итак, в области промышленности постепенно развивались новые производительные силы и новые капиталистические производственные отношения, которые подрывали крепостническую систему организации промышленных предприятий. Старые крепостнические формы хозяйства в Пензенской губернии, как и во всей России, разрушались самим ходом экономического развития.

Однако нельзя преувеличивать размеры капиталистического производства в 30—50-х годах. Вплоть до реформы 1861 года господствующее положение в губернии занимала крепостная промышленность, неразрывно связанная с крепостным помещичьим хозяйством, поддерживаемая монопольным правом дворян на владение землей и зависимыми от них крестьянами. Наличие крупного помещичьего землевладения и крепостнические отношения создавали преграду дальнейшему развитию производительных сил губернии.

Задерживающее влияние на развитие местной промышленности оказывали также отсутствие удобных путей для связи с внегубернским рынком и конкуренция центральных промышленных и южных губерний.

Какой удельный вес занимало перед реформой 1861 года промышленное производство Пензенской губернии в общероссийском производстве, можно видеть из следующих данных:¹¹ по числу предприятий—0,8 процента, по количеству рабочих — 2,8 процента, по сумме производства — 1,2 процента.

По сумме производства Пензенская губерния занимала 32 место из 49 губерний Европейской России, находясь, в частности, позади своих соседей—Нижегородской, Саратовской и Тамбовской.

Следует остановиться на состоянии кустарной кре-

¹⁰ О волнениях на Авгорском заводе рассказывается ниже.

¹¹ Данные взяты из сведений, приводимых в 1857 году департаментом мануфактур и внутренней торговли. (См. Сталь и Рлбиши. Указ соч., ч. II, стр. 8).

стьянской промышленности, получившей значительное развитие в Пензенской дореформенной деревне.

Характер кустарного производства определялся наличием сырья в той или иной местности. Так, в Городищенском, Саранском, Наровчатском и Краснослободском уездах, изобиловавших лесом, крестьяне занимались выделкой различных деревянных изделий, которые сбывались на местных базарах или вывозились в соседние губернии. В Пензенском уезде в каждом селе встречались крестьянские семьи, которые были заняты кустарным промыслом круглый год. Кустари выделывали кожи, изготовляли войлок, ткали сукна, шили чепаны.

Некоторые крестьяне заводили маслобойни, били масло и продавали его на базарах. Большое распространение этот промысел имел в Мокшанском и Нижнеломовском уездах, откуда ежегодно вывозилось несколько сот бочек масла в Москву.¹²

Отдельные разбогатевшие крестьяне-кустари и торговцы открывали небольшие промышленные заведения, на которых применялся труд наемных рабочих. В 30-х годах свыше тридцати крестьянских семей головинщинской вотчины князей Долгоруковых Нижнеломовского уезда завели собственные мастерские, изготавливавшие рукавицы, хомуты, узды, шлеи. Некоторые крестьяне имели салотопенные, кожевенные и маслобойные заводы с числом рабочих от одного до четырех человек.¹³ Крепостные крестьяне села Поим имели в конце 50-х годов поташные заводы с 4—5 наемными работниками.¹⁴

Так, из среды крестьян-предпринимателей выделялись зажиточные хозяева, у которых работали по найму разорвавшиеся крестьяне и кустари. Накопление средств в руках отдельных лиц в рамках мелкой промышленности облегчало задачу перехода к организации крупных торговых и промышленных предприятий.

В рассматриваемый период в связи с развитием промышленности и углублением общественного разделения труда возрастало городское население, повышался спрос на промышленные и сельскохозяйственные това-

¹² А. Горизонтов. Хозяйственно-статистическое описание Пензенского уезда. СПб, 1859, стр. 103—104, 106.

¹³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2120, лл. 177—178, 187—188.

¹⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3784.

ры, увеличивался обмен. В 1816 году во всех городах губернии¹⁵ числилось 49 766 жителей, что составляло 5,8 процента от всего населения губернии, а в 1860 году — 86 104 жителя, или 7,5 процента. Первое место по количеству населения занимала Пенза, в которой насчитывалось к 1861 году около 25 тысяч человек.¹⁶ Значительное количество неземледельческого населения проживало в сельских местностях, где размещалось большинство промышленных предприятий губернии. Кроме того, большое число людей было занято судостроением на Суре и Мокше, а также на погрузке и сплаве речных судов.

Все это обусловило расширение местного рынка, вело к дальнейшему развитию товарного обращения. Одновременно увеличивался спрос на всероссийском рынке, что способствовало росту внегубернской торговли. Пензенская губерния, преимущественно земледельческая, поставляла на всероссийский рынок главным образом сельскохозяйственные продукты: хлеб, растительное и животное масло, вино, сало, шерсть, кожи. Рост местной и внегубернской торговли являлся важным показателем разложения натуральной хозяйственной системы и развития товарного производства.

В сельском хозяйстве во второй четверти XIX века продолжала господствовать феодально-крепостническая система с присущими ей рутинной техникой и отсталыми формами земледелия. Основой этой системы была феодальная собственность помещиков на землю. Накануне реформы в губернии 52,3 процента земельной площади принадлежало дворянам, а в Пензенском, Мокшанском и Чембарском уездах дворянские земли занимали более 2/3 территории. Основной единицей земельного хозяйства являлось помещичье имение. Непосредственный производитель, крепостной крестьянин, находился в личной зависимости от феодала, был прикреплен к земле. По данным 10-й ревизии (1858 г.), в губернии числилось 545 740 крепостных душ обоего пола, или 46 процентов общего числа жителей. Некоторые помещики

---

¹⁵ В Пензенской губернии было 12 городов: губернский, 9 уездных и 2 заштатных.

¹⁶ Все указанные данные выведены из отчетов губернаторов за соответствующие годы. См. ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 547, лл. 8—24, д. 2792, л. 147; д. 3776, л. 88.

владели тысячами крепостных людей. В 1857 году в имени графа Шереметева (в Чембарском уезде) насчитывалось 5459 крепостных мужского пола. Помещицы Нижнеломовского уезда Долгорукова и Нарышкина имели — первая 4157 душ, вторая — 3633 души. Свыше трех тысяч крепостных имел в Чембарском уезде граф Уваров.¹⁷

В Пензенской губернии феодальное хозяйство сохранило в той или иной мере свои основные черты вплоть до реформы 1861 года. Однако крепостническая система и в земледелии, как и в промышленности, переживала период разложения и упада. Устой этой системы разрушались всем ходом экономического развития, втягивавшего страну на путь капитализма.

Развитие рынка все более вовлекало крепостное хозяйство в торговый оборот, ускоряло рост товарного производства в земледелии. В середине XIX века значительная часть продукции дворянских вотчин шла на местный или всероссийский рынок. По сведениям Пензенского губернского статистического комитета, в 1856 году только одной ржи было израсходовано на промышленную переработку (винокурение) и вывезено за пределы губернии 771 158 четвертей или около 7 млн. пудов. За вычетом семян это составляло 27 процентов валового сбора ржи в губернии (в 1856 году он равнялся 31,9 млн. пудов).¹⁸ Если же учесть количество хлеба, проданного на местном рынке, то есть на городских и сельских ярмарках и базарах, то процент товарного хлеба будет значительно выше.

Главным поставщиком на рынок сельскохозяйственных продуктов было помещичье барщинное хозяйство. По данным, приводимым П. И. Лященко, в России накануне реформы до 90 процентов всего товарного хлеба приходилось на долю помещичьего хозяйства и лишь около 10 процентов — на долю крестьянского.¹⁹ Рост товарного производства подрывал одну из основ феодального хозяйства — его натуральный характер. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно

¹⁷ ГАПО, ф. 198, д. 2, лл. 47, 51, 80.

¹⁸ ГАПО, ф. 9, д. 104, л. 61.

¹⁹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1, 1950, стр. 560.

развившееся в последнее время существования крепостного права, — писал В. И. Ленин, — было уже предвестником распада старого режима».²⁰

Но помещичье хозяйство приспособлялось к развивающимся рыночным отношениям на основе феодального способа производства, исключавшего возможность перехода к интенсивным формам земледелия, особенно в отсталых районах земледельческого центра. Большинство пензенских помещиков стремилось увеличить производство хлеба на продажу не путем улучшения методов ведения хозяйства, а путем простого расширения барской запашки и усиления крепостнической эксплуатации крестьян. Поэтому в губернии продолжало господствовать экстенсивное зерновое хозяйство с громадным преобладанием трехполя и посевов «серых» хлебов.

Площадь господской запашки росла главным образом за счет сокращения крестьянской надельной земли. К концу 50-х годов средний размер надела в губернии снизился до 2,6 десятины. Местами крестьянский надел не превышал 1—1,5 десятины. Например, в имении помещика Титова на ревизскую душу приходилось пахотной земли (без усадьбы) 1,2 десятины, а в имении помещика Веденяпина — 0,75 десятины.²¹ Крестьяне помещиков Ферлюдина, Федорчукова и Лидовой (Саранский уезд) имели пахотной земли на душу от 0,66 до 1,04 десятины.²² Такие земельные наделы не обеспечивали крестьянской семье даже прожиточного минимума. Часто помещики полностью лишали крестьян земельных участков и переводили их на положение дворовых. За время от 9 по 10 ревизию число дворовых в губернии возросло с 13 717 до 19 203 душ мужского пола. Во многих барщинных имениях получила распространение так называемая месячина, выражавшаяся в том, что помещики прекращали самостоятельное хозяйство крестьян, заставляя их все время работать в барском хозяйстве. Положение крестьян-месячников, лишенных земли и орудий производства, приближалось к положению рабов, получавших ежемесячно скудный продуктовый паек.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184.

²¹ ГАПО, ф. 198, д. 2, лл. 152, 155.

²² Там же, лл. 183, 187—188, 210—211.

Месячина разрушала основу крепостнической системы хозяйства, ибо при этой системе непосредственный производитель должен быть наделен средствами производства, в частности, землей.

Чтобы согнать крестьян с земли и расширить барскую запашку, помещики переселяли своих крепостных порознь или целыми селениями с одних земель на другие, худшие по качеству как в пределах одного и того же имения, так и в другие имения, уезды и губернии. Помещик Жадовский перевел в 50-х годах своих крестьян в Оренбургскую губернию, причем взял себе деньги, вырученные при продаже их домов и хлеба на корню, а за избы, построенные на новых местах, взимал с крестьян плату, вычитаемую из их заработков.²³ В 1854 году помещик Дятков переселил из Мокшанского и Саранского уездов в Городищенский уезд на незаселенные земли 176 душ крепостных, которые были приведены этим переселением в полнейшее разорение.²⁴

Расширение площади помещичьей запашки сопровождалось усилением барщинной эксплуатации. Число издельных крестьян за первую половину XIX века возросло по губернии с 48 до 75 процентов. Одновременно росла и тяжесть барщинной повинности. В последние предреформенные десятилетия, несмотря на указ о трехдневной барщине, была распространена не только 4, но даже 5—6, а в некоторых случаях и 7-дневная барщина. Пензенский епископ в секретном донесении обер-прокурору синода (1853 г.) сообщал, что управляющие имениями «томят крестьян на барских работах не только всю неделю, но и по воскресным дням».²⁵ В имении помещицы Антоновой, в селе Кучках Пензенского уезда, крестьяне были заняты на барских работах все дни недели.²⁶ В имении помещика Федорова, селе Воскресенском, крестьяне работали на себя в неделю не более двух дней.²⁷ В 1856 году сорок крестьян села Чуфарова Саранского уезда явились к уездному исправнику с жалобой на обременение их господскими работами и

²³ И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3, 1925, стр. 39.

²⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3721, л. 1.

²⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3100, л. 2.

²⁶ Там же, ф. 6, д. 3310, л. 22.

²⁷ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 3489

«на не дачу им для собственных их работ дней, кроме воскресенья».²⁸ Повсеместно увеличились уроки—нормы труда для крестьян. Не выполнивший урока обязывался отработать на барщине дополнительные дни.

Крайне тягостной для крестьян являлась подводная повинность — предоставление лошадей и подвод для перевозки продуктов помещичьего хозяйства в места их сбыта. В Керенском уезде, например, крестьяне обязаны были отвезти помещичий хлеб в торговые места и к пристаням на расстояние до 150 верст и более.

Часть крепостных крестьян (25 процентов) эксплуатировалась по оброчной системе. Оброк был распространен преимущественно в имениях мелкопоместных дворян, которые не могли вследствие малоземелья вести свое хозяйство в больших размерах. Оброчная система применялась также в некоторых крупных имениях, главным образом в Пензенском и Саранском уездах, где крестьяне в большей степени были связаны с промыслами и торговлей. Размер оброка неуклонно возрастал. С конца XVIII века и до отмены крепостного права сумма среднего годового оброка по губернии увеличилась с 4—5 до 20 рублей серебром с тягла.²⁹ В отдельных имениях величина оброка достигала 60—80 рублей серебром. Кроме денежной платы во многих имениях крестьяне обязаны были поставлять помещику продукты своего хозяйства. Например, крестьяне помещика Раевского (Керенский уезд), платя в год по 20 рублей с тягла, поставляли также с каждого тягла 10 фунтов мяса, гуся, барана, утку, 2 курицы, фунт коровьего масла, 20 штук яиц, фунт овечьей шерсти, а тягловые женщины — по 25 аршин посконного холста и 3 тальки льняной пряжи.³⁰

Повышая оброк, помещики облагали денежным сбором не только занятия крестьян сельским хозяйством, но и их сторонние заработки. Поэтому размеры оброка часто превышали доходность земельных наделов, предоставлявшихся в пользование крестьян. Другими словами, денежная повинность крестьянина падала своей

²⁸ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3551.

²⁹ Тягло (крестьянская семья) соответствовало примерно 2,5 мужским душам.

³⁰ ГАПО, ф. 198, д. 2, л. 274.

тяжестью не столько на землю, которой он пользовался, сколько на самого крестьянина, на его рабочую силу. При таких условиях многие оброчные крестьяне, в поисках денег, вынуждены были направляться на отхожие заработки или заниматься промыслами и торговлей.

В рассматриваемый нами период в крепостной деревне все заметнее стал проявляться процесс расслоения, который в большей степени затронул именно оброчных крестьян. Архивные материалы показывают, что из среды крестьянства выделялась зажиточная прослойка, которая арендовала землю, открывала небольшие промышленные предприятия, занималась мелкой и крупной торговлей. Некоторые крестьяне-богатеи покупали землю с согласия своих господ, расширяя свое земледельческое хозяйство. В 1856 году крепостные крестьяне владели на праве частной собственности 51 446 десятинами земли.³¹

Формирование сельской буржуазии находилось в противоречии с экономикой феодального общества, ускоряло его разложение. Но этот процесс не получил большого развития. Господствовавшая в губернии барщинная система сковывала инициативу крестьян, задерживая накопление капитала в руках деревенских богатеев, замедляя рост буржуазных отношений в сельском хозяйстве.

Рост эксплуатации крестьян был одним из проявлений кризиса феодально-крепостнической системы. Расширяя собственную запашку и увеличивая барщинную повинность, помещики хотели таким путем повысить доходность своих имений. Но усиление крепостного режима приводило к разорению крестьянского хозяйства, что подрывало производительные силы и помещичьего хозяйства. Вместе с ростом обнищания крестьянства и ухудшением состояния его скота ухудшалось качество обработки земли, истощалась почва, снижалась урожайность. Низкая производительность труда делала невозможным повышение доходов от барщинного хозяйства. Крепостное сельское хозяйство зашло в тупик. Оно пока еще держалось ценой крайнего истощения массы непосредственных производителей, но уже не могло дальше

³¹ ГАПО, ф. 9, л. 104, лл. 2—6.

развиваться. Оно переживало глубокий внутренний кризис.

Одним из показателей расстройтва помещичьего хозяйства является рост дворянской задолженности государству. В 1860 году в губернии три четверти имений (80 процентов всех крепостных душ) находилось в залого.

Часть помещиков пыталась увеличить товарную продукцию своих имений путем применения новой сельскохозяйственной техники (жнейки, молотилки, веялки и т. д.) и улучшения системы полеводства. Но эти рационализаторские мероприятия не оправдывали себя в условиях крепостного права и не имели успеха. Архивные материалы показывают ограниченность масштабов распространения новых производительных сил в сельском хозяйстве. Передовая агротехника и новые приемы земледелия не были совместимы с крепостным подневольным трудом крестьян. В сельском хозяйстве продолжали господствовать отсталая трехпольная система и примитивные земледельческие орудия — соха и борона. «Крестьяне наши, равно и помещики, — писал пензенский помещик Яшев в 1852 году, — обрабатывая землю под посев хлеба, руководствуются еще тем слабым, младенческим искусством, которое передали им деды и отцы их».³² По признанию президента «Общества сельского хозяйства юго-восточной России» П. Морозова, «...возделывание земли оставалось в большей части имений в жалком положении».³³

Некоторые пензенские помещики приходили к выводу о невыгодности подневольного барщинного труда и начинали обработку земли наемными работниками. В 50-х годах вольнонаемный труд применялся, например, в имениях Моллера, Яшева, Желтухина, Морозова и некоторых других. Таким образом, в помещичье хозяйство начинали проникать капиталистические производственные отношения, подрывая крепостническую систему организации производства. Но они также не получили сколько-нибудь значительного распространения. Пензенские крепостники коснели в старых привычных

---

³² «Записки общества сельского хозяйства юго-восточной России за 1852 г. Летний съезд», стр. 5.

³³ Там же.

формах, выжимая из крестьян максимум возможного для увеличения своих доходов.

В результате роста эксплуатации экономическое положение крестьян резко ухудшилось: их хозяйство приходило в упадок, урожаи были мизерны и не обеспечивали даже скудного пропитания. По данным губернаторских отчетов, средний урожай ржи за десятилетие, с 1847 по 1856 год, составлял лишь сам-3,6, а яровых хлебов—сам-2,9, или около 28—30 пудов с десятины. При этом площади посевов за указанный период оставались почти без изменений.³⁴ Часто повторялись неурожаи, временами принимая опустошительные размеры. Сильные неурожаи были в 1839—1841, 1848, 1850, 1854—1855 годах, а также и в другие годы. При отсутствии хлебных запасов каждый неурожай вызывал массовую голодовку крестьян. «Запасы продовольствия у крестьян ничтожны и зависят от урожая, — замечает Горизонтов. — После каждого неурожая можно сказать, что у 2/3 крестьян хлеба вовсе нет».³⁵

Нищенский уровень жизни массы крестьянства обусловливал высокую смертность населения. Особенно велика была смертность среди детей до пятилетнего возраста, причем наибольшее число их умирало на первом году жизни. Частым явлением были эпидемические болезни, обычно появлявшиеся во время неурожаев и голодовок. От оспы, тифа, холеры и других острозаразных болезней умирали тысячи людей. В одном только 1848 году от холеры умерло 17 292 человека.³⁶

Часто повторявшиеся неурожаи и голод являлись не стихийным бедствием. Они были неизбежным последствием хищнического хозяйства крепостников-помещиков, покоящегося на чудовищной эксплуатации крестьян. Только решительная ликвидация крепостничества и самодержавного гнета могла избавить население от страшных явлений голода. Позже, в 1912 году, В. И. Ленин в статье «Голод и черная дума» писал: «Действительная борьба с голодовками невозможна без устранения крестьянского малоземелья, без ослабления податной задавленности крестьян, без подъема их

³⁴ ГАПО, ф. 5. Отчеты пензенского губернатора за указанные годы.

³⁵ А. Горизонтов. Указ. соч., стр. 60.

³⁶ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2825, л. 94.

Наказание крепостной.

С линогравюры художника А. Оя.

культурного уровня, без решительного изменения их правового положения, без конфискации помещичьих земель — без революции».³⁷

Тяжесть помещичьей эксплуатации дополнялась гнетом дворянского государства в целом. Крепостные крестьяне должны были вносить общую для всех крестьян подушную подать и выплачивать различные земские сборы (на содержание почт, земских судов, на отдачу рекрут, на содержание тюрем и проч.). Кроме этого, на помещичьих крестьянах лежали различные натуральные повинности: исправление дорог, мостов и гатей, предоставление подвод для перевоза чиновников, воинских команд, рекрутских партий и другие.

Очень тяжелым было правовое положение крестьян. Помещик бесконтрольно распоряжался личностью и имуществом своих крепостных. Одной из форм помещичьего произвола являлись различного рода наказания. В имениях применялись розги, плети, битье по лицу, раздевание донага на морозе, приковывание к цепи. Помещик Пензенского уезда Федоров применял в виде наказания заковывание в кандалы. Находясь в «железах» иногда по несколько недель, крестьянин должен был выполнять все господские работы. В имении нижегородской помещицы Нарышкиной управляющий сажал крестьян «за неповиновение» на цепь. Помещики не только истязали, но нередко убивали крепостных, оставаясь безнаказанными. В 1851 году дворовая девушка городищенской помещицы Конабеевой Авдотья Григорьева умерла от побоев, нанесенных ей зятем владельцы Поляковым. Уездный суд, разбиравший дело, оставил Полякова «в подозрении». Помещик Наровчатского уезда Леонтьев, избивая свою крепостную женщину, убил ее четырехлетнего сына, которого она держала на руках. Жалоба отца убитого ребенка была оставлена без последствия.

Большое распространение в губернии имела торговля крепостными крестьянами, сохранившаяся вплоть до реформы 1861 года. Помещики продавали крепостных людей с землей и без земли, на своз, целыми имениями и в розницу, разлучая семьи, отрывая детей от родителей. А сколько продавалось крестьян за долги помещи-

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 120.

ков! «Пензенские губернские ведомости» за 50-е годы пестрят объявлениями о продаже с аукциона заложенных и просроченных имений.³⁸

Торговля крестьянами — одна из наиболее отвратительных сторон крепостного права в России, сближавших его с рабством. «На практике, — писал В. И. Ленин, — ...крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства».³⁹

Особую группу земледельческого населения представляли государственные или казенные крестьяне. По данным 1856 года, их насчитывалось в губернии 468 914 душ обоего пола, или 47,2 процента общего количества крестьян. Они считались формально свободными, но в действительности являлись крепостными феодального государства и обязаны были платить казне оброк и исполнять другие различные повинности. Положение государственных крестьян почти не отличалось от помещичьих. Они страдали от малоземелья и находились под сильным гнетом аппарата министерства государственных имуществ и местной администрации.

Ухудшение положения крестьянских масс, явившееся следствием усиления крепостнической эксплуатации, вызвало их резкое недовольство существующим порядком вещей, способствовало возрастанию их натиска на феодальный строй.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГУБЕРНИИ В ПРЕДРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Обострение классовой борьбы крестьян накануне падения крепостного права было наиболее ярким выражением кризиса феодально-крепостнической системы. В то же время оно еще больше усилило этот кризис, углубило внутренние противоречия в социально-экономическом и политическом строе России, ускорив поворот страны на путь преобразований.

В последние десятилетия перед реформой количество крестьянских волнений в России неуклонно возраста-

---

³⁸ См., например, №№ 32 и 34 за 1858 г., №№ 10, 13 и 29 за 1859 г. и др.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

ло. Так, по подсчетам И. И. Игнатович,⁴⁰ в 1831—1840 гг. их было 143, в 1841—1850 гг.—351, в 1851—1861 (до объявления манифеста 19 февраля) — 591. Крестьянская борьба против крепостнического права проявлялась в разных формах—отказах от выполнения повинностей, запашках помещичьей земли, порубках леса, поджогах имений и т. д. Часты были случаи расправы с помещиками и управляющими имениями. За 16 лет, с 1836 по 1851 год, по официальным данным, было убито крестьянами 139 помещиков и управляющих, произведено 70 покушений на убийство.⁴¹

В антифеодальном движении народных масс России заметную роль играло пензенское крестьянство. Об этом свидетельствуют многие факты ожесточенной классовой борьбы крестьян против помещиков, имевшее место в губернии накануне падения крепостного права.

Для 40-х—начала 50-х годов характерны такие формы крестьянского движения, как жалобы, иски воли, побег и самовольные переселения в другие районы страны, убийство помещиков и управляющих имениями. В фондах государственного архива Пензенской области хранится большое количество дел, говорящих о фактах такого рода. Местами движение доходило до массовых выступлений и неповиновения помещикам и власти.

Крупным крестьянским выступлением в этот период было волнение в селе Абашеве Наровчатского уезда. Это село (485 душ) с 1840 года перешло в управление помещика Лачинова, который установил крайне тягостную для крестьян систему повинностей. Он ввел пятидневную барщину и возложил на каждое тягло по 60 рублей денежного оброка. Кроме того, Лачинов отнял у крестьян часть находившейся в их пользовании земли. Протестуя против таких действий помещика, абашевские крестьяне в 1842 году перестали выполнять барщину и отказались повиноваться местным начальникам. В село Абашево была введена военная команда. Многие крестьяне были наказаны розгами, восемь «зачинщиков» волнения заключены в тюрьму, четверо из них преданы военному суду.

⁴⁰ И. И. Игнатович. Крестьянские волнения второй четверти XIX века. «Вопросы истории», № 9, 1950, стр. 49.

⁴¹ «Материалы для истории крепостного права в России». Приложения, таблица 4, Берлин, 1872.

Жестокая расправа не сломила сопротивления крестьян. Борясь против беззаконий Лачинова, они обращались с жалобами к местным и центральным властям, добиваясь справедливого решения их дела. Волнение было прекращено только в июне 1843 года.⁴²

Крестьянское движение в губернии усиливается во время Крымской войны и в первые послевоенные годы. Война, оказавшая отрицательное воздействие на экономику крепостной России, чувствительно отразилась и на положении крестьянства Пензенской губернии. Крестьянское хозяйство, обираемое помещиками, все более разорялось, еще более усилились нищета и бедствие трудящихся масс. Это вызвало обострение классовых противоречий, активизировало крестьянское движение. В этот период участились случаи затяжных, упорных волнений, которые прекращались только с прибытием военных команд на места происшествий.

Крупным было волнение крестьян села Большой Танеевки Саранского уезда, продолжавшееся с сентября 1854 по май 1855 года. Проданные помещиком Чарыковым на своз в Нижегородскую губернию танеевские крестьяне решительно отказались покинуть свои места и долгое время скрывались в окрестных лесах. Когда же в село явилось временное отделение земского суда во главе с приставом Бахвостовым, чтобы отобрать у них имущество и разорить их избы, крестьяне, вооруженные кольями, топорами и железными вилами, бросились на судей, убили Бахвостова и прогнали остальных членов суда. В Танеевку была послана военная команда. Двадцать два человека были преданы суду и осуждены на каторжные работы: одиннадцать человек пожизненно, остальные — на сроки от 8 до 22 лет с последующим поселением в Сибири.⁴³

Упорный характер носила борьба крестьян села Тумалейки Краснослободского уезда. Поводом для начала выступления послужили, как и в Большой Танеевке, перемена владельца и попытка в связи с этим переселить крестьян на другие земли.

В 1854 году тумалейские крестьяне в количестве 134

⁴² См. статью М. Лебедева «Абашевское дело», опубликованную в газете «Пензенская правда» 2 июня 1957 г.

⁴³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3260.

душ были проданы на своз помещицей Ефремовой штаб-ротмистру Рогачеву. Ожидавшие со дня на день освобождения от крепостной зависимости крестьяне отказались повиноваться новому владельцу, не подчинились земской полиции, прибывший в село для высылки их в имение Рогачева, а затем, забрав свое имущество, скрылись в лесу. Считая, что они должны стать вольными, крестьяне отправили своих ходоков в Петербург для подачи просьбы царю, а сами решили до их возвращения твердо держаться и ни к какому владельцу не идти.

Около двух лет крестьяне фактически оставались свободными и не исполняли повинностей, летом скрываясь в окрестных лесах, а к зиме возвращаясь в свои дома. При каждом появлении в деревне полиции они вооружались, и полицейские удалялись ни с чем. В марте 1856 года в Тумалейку прибыла из Пензы военная команда, с помощью которой волнение было подавлено. Вожаки движения были преданы суду и по решению последнего сосланы в Сибирь.⁴⁴

Острые формы приняло возмущение крестьян села Кучки Пензенского уезда, убивших в 1855 году владельца этого села Мартынова. На дознании крестьяне показали, что все они были озлоблены на барина за то, что он отнимал у них землю, а иногда посевы и скот, заставлял повседневно работать на барщине, собственноручно бил и наказывал розгами, насиловал женщин и девушек. За участие в расправе над помещиком многие крестьяне села Кучек были наказаны при полиции, а одиннадцать человек преданы суду и приговорены к каторжным работам сроком от 10 до 12 лет.⁴⁵

Волнения происходили не только среди помещичьих, но и государственных крестьян. Основной их причиной являлся рост налогового бремени, падавшего на казенную деревню. Наиболее значительным выступлением крестьян этой группы было волнение в Краснослободском уезде в 1856 году. Осенью этого года 28 татарских и русских селений решительно отказались от взноса податей в установленном размере и не собирались на сходы, созываемые сельскими властями. Движение было подавлено военной силой.⁴⁶

⁴⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3355.

⁴⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, 3261; ф. 29, д. 288, л. 121.

⁴⁶ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3558.

Классовая борьба между крестьянами и помещиками особенно обострилась в последние предреформенные три года в связи со слухами о «воле» и усилением крепостнической эксплуатации. В 1858—1860 гг. в губернии широко развернулось стихийное движение, охватившее почти все уезды. В борьбу были вовлечены десятки сел и деревень, в ней принимали участие многие тысячи крестьян. Характеризуя настроение деревни в это время, пензенский помещик Потулов писал в 1858 году: «Менее года тому назад помещичьи крестьяне питали еще к своим владельцам чувство страха... или безмолвного повиновения. В настоящее время, ввиду готовящейся им перемены, в них развилось одно общее ко всем помещикам чувство—недоверие. Любимый и постоянный вопрос каждого из них и ко всякому: «Что слышно о нашей воле, скоро ли она будет?» Воля! Свобода! Сколько умов соблазнили вы, сколько увлекли...».⁴⁷ Угнетенные массы не хотели жить по-старому и стремились поскорее освободиться от уз крепостничества.

Характерной чертой крестьянского движения этих лет является повсеместный отказ от выполнения повинностей, нередко большими группами, целыми селениями. Количество выступлений резко возросло по сравнению с предшествующими годами. Из 74 случаев волнений, имевших место в губернии за последнее десятилетие перед отменой крепостного права, 51 — приходится на три предреформенных года.⁴⁸

В 1858 году крупные волнения происходили в селе Тепловке Инсарского уезда, в селе Языкове Саранского уезда, в селе Свищевке Чембарского уезда, в деревне Рузановой Наровчатского уезда, в имении керенской помещицы Раевской и в других местах. Во всех случаях крестьяне отказывались от исполнения повинностей и от повиновения местным властям. Движение прекратилось лишь после применения экзекуционных мер (наказания розгами) и ссылки «зачинщиков» в Сибирь.

Ярким эпизодом крестьянского движения в 1858 году было волнение в селе Пушкине Саранского уезда (имение генерала Полянского). Оно возникло под влиянием

⁴⁷ ГАПО, ф. 198, д. 1, л. 201.

⁴⁸ Подсчет произведен нами по документам Пензенского областного архива. В это число не входят «питейные бунты», которых в Пензенской губернии было свыше 70.

слухов о готовящейся реформе. Крестьяне отказались от исполнения господских работ и не хотели повиноваться начальникам. Движение распространилось на другие селения вотчины Полянского и привело к столкновению крестьян с воинской командой.⁴⁹

Крупным событием явилось выступление в 1859 году крестьян села Большая Елань Пензенского уезда. Под воздействием толков о воле еланское сельское общество потребовало от помещика Ермолова возвратить отнятые у крестьян пахотные земли и луга, прекратить незаконные натуральные и денежные сборы, не обременять их работами, давать отчет о мирских суммах и хлебе, собранном с общественной запашки. Не добившись удовлетворения своих требований, крестьяне как мужчины, так и женщины, перестали исполнять барщину. Прибывший на место происшествия исправник приказал арестовать некоторых женщин, но толпа крестьян отбила арестованных и разогнала полицейских. Порядок в имении был водворен при содействии двух рот Владимирского пехотного полка. Многие крестьяне, в том числе и женщины, были наказаны розгами, вожак движения предан суду.⁵⁰

Во многих помещичьих имениях произошли волнения в 1860 году. Так, в ноябре этого года в имении чембарского помещика Мамлеева — сельце Мамлеевке крестьяне в числе 135 душ отказались повиноваться владельцу и оказали сопротивление земской полиции, не дав арестовать зачинщиков. Порядок был установлен с прибытием в Мамлеевку временного отделения земского суда.⁵¹

В декабре 1860 года крестьяне села Титова Нижне-ломовского уезда отказались от исполнения господских работ. Как выяснилось при дознании, крестьянин этого села Николай Лазарев еще до начала волнения вел среди односельчан агитацию, призывая не исполнять задаваемых уроков, а «работать так, кто сколько может». По распоряжению исправника Лазарев был наказан розгами, после чего крестьяне смирились и стали выполнять барщинную повинность.⁵²

⁴⁹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3575.

⁵⁰ ГАПО, ф. 29, д. 322.

⁵¹ ГАПО, ф. 6, д. 3429.

⁵² Там же, ф. 5, оп. 1, д. 3866.

Большое волнение, охватившее крестьян двух селений, произошло в 1860 году в Городищенском уезде в имении князя Куракина. Внешним поводом для выступления послужили притеснения управляющего именем Шелова, заставлявшего крестьян работать на барщине сверх установленных дней, собиравшего с них подати в увеличенном размере. Протестуя против таких действий Шелова, крестьяне села Архангельского и деревни Уранки (вотчина Куракина) перестали ходить на барщину, стали самовольно собираться на сходы и не подчинялись распоряжениям станового пристава. Инициатором движения была группа крестьян во главе с Кириллом Куприяновым, которая, как доносил городищенский исправник, «поощряла других к неповиновению». В село Архангельское были введены две роты солдат Владимирского пехотного полка, при содействии которых беспорядки были прекращены. Шесть человек, в числе их и Кирилл Куприянов, как «главные виновники в противодействиях законным властям» были преданы суду и приговорены к наказанию 70 ударами розг, а Куприянов — к отдаче после наказания в арестантские роты.⁵³

Местами волнения возникали в связи с тем, что владельцы переносили земельные наделы крестьян на другие, неудобные земли. Так, на этой почве произошло волнение в селе Мельцанах Инсарского уезда.

Весной 1860 года 960 крестьян этого села решительно отказались выполнить распоряжение помещицы Габбе о замене их старых земельных участков другими, худшими по качеству. Когда их собрали на сход, они заявили земскому исправнику, что отведенные им поля засеять не будут и потребовали возвращения прежних наделов. Для восстановления порядка в имение прибыли две роты Суздальского пехотного полка, и зачинщики были арестованы. Но крестьяне, оказав сопротивление войскам, силой освободили своих односельчан.

События в Мельцанах повлияли на крестьян села Пятины, которые отказались платить оброк, говоря «посмотрим чем кончится в Мельцанах». В имение Габбе были посланы еще две роты солдат. Волнение было

⁵³ ГАПО, ф. 6, д. 3421.

подавлено, 10 человек наказаны на месте, 30—заключены в тюрьму.⁵⁴

Самым массовым крестьянским выступлением в губернии накануне падения крепостного права явилось движение против винооткупной системы в 1859 году. Антикрепостническое по своему характеру, оно развернулось на территории семи уездов (из десяти), охватило многие тысячи крестьян как помещичьих, так и государственных.

Поводом для начала выступления послужили злоупотребления откупщиков при продаже вина: подливание воды в водку, обмер, произвольное повышение цен на вино и т. д. Эти и другие подобные грабительские махинации, совершаемые в целях личного обогащения, не только не пресекались, но фактически поощрялись администрацией, получавшей взятки и прикрывавшей все беззакония откупа. Волнения происходили в форме отказа от употребления вина и разгрома питейных домов и винных складов. В течение месяца, с 12 мая по 14 июня, всего было разгромлено свыше 70 питейных заведений. Движение было прекращено с помощью частей 16-ой пехотной дивизии, квартировавшей в то время в Пензенской губернии. Большое число участников «трезвенных бунтов» было подвергнуто наказанию розгами, сотни арестованы и заключены в тюрьмы. В конце 1859 года только в пензенском тюремном замке находилось более 300 человек. По высочайшему повелению главные «зачинщики» волнений в количестве 90 человек были преданы военному суду. Суд приговорил: 28 человек к наказанию шпицрутенами от 300 до 800 ударов с последующей ссылкой на каторжные работы, остальных подсудимых — к ссылке в Сибирь на поселение или тюремному заключению.⁵⁵

«Трезвенное движение» являлось своеобразной формой борьбы народных масс с крепостничеством и его социальными институтами. Начавшись в Пензенской губернии, оно вскоре широко распространилось в Тамбовской, Саратовской, Симбирской и ряде других губерний, охватив сотни селений и сотни тысяч людей. В этом дви-

⁵⁴ ГАПО, ф. 196, д. 1447; «Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, стр. 143.

⁵⁵ См. ГАПО, ф. 5, оп. 1, дд. 3706, 3772, 3651, 3732, 3727.

жении классовая борьба крестьян получила наибольший размах в последние годы существования крепостного права и как бы знаменовала непосредственное вступление страны в период революционной ситуации.

«Современник» отозвался на «трезвенное движение» статьей Н. А. Добролюбова «Народное дело», ясно показавшей, какую позицию по отношению к народной борьбе с откупами заняли революционные демократы. В своей статье Добролюбов приветствовал это движение как начало проявления массового протеста, который должен привести к крушению всего крепостнического порядка. Он убедительно показал, что движение за трезвость и «трезвенные бунты» — факт, который служит доказательством жизнеспособности народных масс России, их способности «к противодействию незаконным притеснениям и к единодушию в действиях».⁶⁶

В предреформенные годы в Пензенской губернии происходили волнения крепостных и посессионных рабочих. Основной причиной этих волнений были тяжелые условия труда, низкая плата за работу и жестокое обращение администрации предприятий.

Наиболее значительным в этот период было выступление рабочих Авгорского чугуноплавильного завода (Краснослободский уезд), принадлежавшего на посессионном праве владельцу Манухину. Положение авгорских рабочих было чрезвычайно тяжелым. При сдельной оплате труда и низких расценках мастеровые могли заработать в месяц не более 2—3 рублей. Но и эту мизерную плату они получали не полностью вследствие штрафов и всевозможных вычетов и удержаний. На предприятии существовала палочная дисциплина. За невыполнение работ и неповиновение рабочие подвергались жестоким наказаниям. В одной из своих жалоб на жестокое обращение они писали: «Есть у него, Манухина, управляющий Данилов, который нас ни за что наказывает, бьет, мучит до полусмерти».

Еще более в худшем положении по сравнению с мастеровыми находились приписанные к заводу крестьяне деревни Русское Маскино, используемые в качестве сезонных и вспомогательных рабочих по разработке руды,

⁶⁶ Н. А. Добролюбов. Народное дело. Собр. соч., в трех томах, т. 2, М., 1952, стр. 303.

заготовке дров и т. д. За свой труд они получали поденную плату, которая не превышала одного рубля 80 копеек в месяц. Маскинские крестьяне имели земледельческое хозяйство, но в 50-х годах их наделы сильно сократились вследствие расширения заводчиком собственной запашки. Многие дворы вовсе были лишены пахотных участков.

Постепенно нараставший протест рабочих против крепостнической эксплуатации вылился в конце 50-х годов в открытое волнение, которое продолжалось несколько лет подряд (1858—1860 гг.). Движение проявилось в разных формах: подача коллективных жалоб, приостановка работы, неповиновение заводской администрации и местным властям, наконец, схватки с воинскими командами. Несмотря на репрессии властей, несмотря на неоднократные аресты и предание военному суду руководителей волнения, рабочие продолжали добиваться улучшения своего положения. Они требовали увеличения заработной платы, возвращения отнятых владельцем пашни и покосов, освобождения от подневольного труда. Упорный и ожесточенный характер борьбы мастеровых и крестьян деревни Русское Маскино виден из того, что на подавление волнения было направлено четыре роты солдат Углицкого пехотного полка.⁵⁷

Волнения происходили и на вотчинных мануфактурах, где работали крепостные крестьяне. Так, в 1858 году возникли беспорядки на суконной мануфактуре помещицы Лубяновской в селе Голицыно Нижнеломовского уезда. Ткачи отказались от выполнения положенных уроков и от повиновения вотчинной администрации. «За упорство» 24 человека были наказаны розгами, остальным сделано «внушение».⁵⁸

Итак, в последние предреформенные десятилетия в губернии происходил непрерывный рост массового движения, обусловленный усилением эксплуатации, что в свою очередь явилось следствием углубления кризиса феодально-крепостнической системы. Особенно большой остроты достигала классовая борьба в последнее трехле-

⁵⁷ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3574. Более подробно о волнении рабочих Авгорского завода смотрите: А. Ф. Дергачев. Крестьянское движение в Пензенской губернии накануне реформы 1861 года. Пенза, 1958, стр. 120—136.

⁵⁸ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3577.

тие перед реформой в связи с захватами помещиками крестьянской земли и под влиянием слухов о предстоящем освобождении. Эти годы отмечены рядом крупных волнений, в которых принимали участие большие массы крепостных людей. Общий лейтмотив движения на протяжении всего рассматриваемого периода — желание освободиться от крепостного ярма.

Борьба крестьянства Пензенской губернии — упорная, мужественная и все нарастающая имела большое прогрессивное значение. Развертываясь на фоне общего подъема крестьянского движения в стране и являясь одним из его звеньев, она внесла свой заметный вклад в дело борьбы народных масс России против крепостничества.

VII. В. Г. БЕЛИНСКИЙ, Н. П. ОГАРЕВ, М. Ю. ЛЕРМОНТОВ И ПЕНЗЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ

В 30-е годы русское освободительное движение переживало трудное время. Были разгромлены организации дворянских революционеров. Николай I насаждал палочный, казарменный режим повсюду, где только было возможно: в просвещении, в цензуре и т. д. III отделение, подчиненное непосредственно царю, охватило своими щупальцами всю Россию. С помощью тайных шпионов жандармы проникали во все сферы жизни страны.

Многие передовые люди были охвачены пессимизмом, неверием в лучшее будущее страны. Но перерыва в революционном движении не было. В конце 20—начале 30-х годов активно действуют революционные кружки Московского университета: братьев Критских, Сунгурова, кружки, возглавляемые А. И. Герценом, В. Г. Белинским, и другие.

Литературно-публицистическая деятельность В. Г. Белинского, начавшаяся еще в 30-е годы и успешно продолжавшаяся в 40-е, являлась связующим звеном между декабристами и революционными разночинцами. Своей деятельностью он закладывал основы революционно-демократической идеологии.

Мы, пензенцы, в праве гордиться тем, что детские и юношеские годы Виссариона Белинского прошли на пензенской земле, что с Пензенским краем связаны истоки его революционно-демократического мировоззрения. Пензенская действительность оказала также огромное влияние на формирование общественно-политических взглядов великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, друга и соратника А. И. Герцена—Н. П. Огарева.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Жизнь и творческая деятельность великого патриота нашей Родины В. Г. Белинского протекали в мрачные годы разгула реакции и мракобесия. Но, не взирая на все преграды и опасность жестокой кары, росли и развивались передовые идеи. Знамя освободительной борьбы, которое подняли декабристы, понесло новое молодое поколение, вышедшее из низов.

Одним из первых трибунов этого молодого поколения был В. Г. Белинский. «Что же делать при виде этой ужасной действительности? — спрашивал он. — Не любоваться же на нее, сложа руки, а действовать елико возможно, чтобы потом лучше могли жить, если нам никак нельзя было жить».¹

Эти слова критик-революционер пронес через всю свою короткую жизнь. Он посвятил ее борьбе за распространение просвещения, за свободу мысли и разума, за освобождение закабаленного крестьянства.

Определяя место В. Г. Белинского в русском освободительном движении, В. И. Ленин писал: «... пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов».²

Детские и юношеские годы В. Г. Белинского прошли в Пензенском крае. Здесь он впервые познал всю глубину жестокости и невежества крепостной действительности, лицом к лицу столкнулся со всеми вопиющими фактами бесправия народных масс и получил первые впечатления о силе и могуществе русского человека, о его высоких стремлениях к свободе, независимости и равноправию. С Пензенским краем также связана родословная критика и происхождение его фамилии.

Отец великого критика Григорий Никифорович родился в селе Бельнь Нижнеомовского уезда. В 1797 году его определили учиться в Тамбовскую духовную семинарию, где и получил фамилию Бельнского. Впоследствии, при поступлении в Московский университет, Виссарион

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, М., 1956, стр. 581. (В дальнейшем ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страницы).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.

Григорьевич для мягкости произношения изменил фамилию на Белинского.

Григорий Никифорович не закончил семинарию. В 1803 году он переехал в Петербург. Здесь его зачислили

В. Г. Белинский.

слушателем медико-хирургической академии. Пять лет проучился Г. Н. Белинский в этом лучшем по тем временам высшем учебном заведении, из которого вынес не только знания в области естественных наук, но и «идеи», заброшенные первой французской революцией, и здравый взгляд на литературу».

В 1809 году после окончания медико-хирургической академии его направили служить лекарем в Балтийский флот. 30 мая (по старому стилю) 1811 года у Белинских родился первый сын, которого назвали Виссароном.

Григорий Никифорович принимал активное участие в Отечественной войне 1812 года и был награжден серебряной медалью на голубой ленте. После окончания войны его повысили в должности с присвоением звания штаб-лекаря.

Но неподкупный и прямой характер Г. Н. Белинского не нравился начальству. Он не мог унижаться перед старшими чинами и терять свое человеческое достоинство в угоду отдельным самодурам. В сентябре 1816 года на основе поданного рапорта Григория Никифоровича отчислили из морского ведомства и направили в гражданскую службу. Поздней осенью этого же года семья Белинских отправилась в далекое путешествие от седых вод Балтики в родные пензенские края.

Пятилетним мальчиком привезли Виссарiona в уездный город Чембар, где его отец занял должность уездного лекаря.

Поселились Бельинские у своих родственников Ивановых, а через полтора года Г. Н. Бельинский построил свой дом, выходящий окнами на городскую площадь. На первых порах жизнь Виссариона ничем не отличалась от его чембарских сверстников. В летние месяцы он целыми днями то пропадал на тихих и живописных берегах речки Малый Чембар, то вместе с отцом отправлялся в лес собирать лекарственные травы или полевые цветы, любовь к которым В. Г. Бельинский сохранил на всю жизнь. В зимнее время дети уездного врача любили устраивать ледяные горки, кататься на салазках, а в ненастную осеннюю погоду слушать сказки о заманчивой жар-птице, о могучих русских богатырях — Илье Муромце и Еруслане Лазаревиче, расспрашивать отца о войне 1812 года, о морских походах.

Уже в раннем возрасте Виссарион Григорьевич проявляет большую любознательность. Он с интересом наблюдает, как отец принимает больных, прислушивается к жалобам крестьян о своей подневольной жизни, старается понять взаимоотношения между людьми. Но особенной страстью были для него книги. Мальчик мог целыми часами перелистывать страницы, рассматривая при этом лишь картинки да замысловатые заставки.

Отец скоро обратил внимание на способности сына. Он понял, что мальчика надо пристроить в учебное заведение. Но в Чембаре не было в те годы ни одной школы. И вот Виссариона определили к домашней учительнице Е. П. Ципровской. Научившись читать и писать, Виссарион Григорьевич продолжал заниматься дома под руководством отца.

В 1822 году в Чембаре, благодаря хлопотам Г. Н. Бельинского и его родственника П. П. Иванова, открылось первое учебное заведение — двухклассное уездное училище. Весь педагогический штат училища состоял из трех человек. Особой одаренностью и педагогическим мастерством отличался Авраам Григорьевич Греков, который вел все основные предметы. Среди других учеников Виссарион Григорьевич выделялся особыми способностями. Об этом оставил свои воспоминания крупный писатель-романист Иван Иванович Лажечников. Являясь в то время директором народных училищ Пензенской губернии, он в 1823 году посетил г. Чембар. «Во время делае-

мого мною экзамена, — писал И. И. Лажечников, — выступил передо мною между прочими учениками, мальчик лет двенадцати, которого наружность с первого взгляда привлекла мое внимание. Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам; худенький и маленький, он между тем на лицо казался старше, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьезно... На все задаваемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такой уверенностью, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал большею частью своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казенном руководстве, — доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывая их непрерывною цепью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством».³ Этим мальчиком был Виссарион Белинский.

Окончив в 1825 году уездное училище, В. Г. Белинский поступил в Пензенскую гимназию, курс обучения в которой был рассчитан на четыре года. Общий состав учащихся не превышал пятидесяти человек и по своему социальному положению большинство гимназистов принадлежало к мелкому и среднему чиновничьему кругу.

В гимназии Белинский, так же как и в уездном училище, прилежно занимался по всем ведущим дисциплинам. Его успехи оцениваются высшей оценкой по логике, истории, географии, по русской словесности. Выдержав переходные экзамены в третий класс, Виссарион Григорьевич получил в награду книгу «Руководство к механике», изданную для народных училищ в 1790 году.

В пору своей жизни в Пензе Белинский стал страстным театралом. Сценическое искусство для него явилось одним из важных источников эстетического развития, понимания жизни. В спектаклях пензенского театра, который содержал помещик Гладков, участвовали как крепостные люди, так и местные мелкие чиновники. Среди актеров были исключительно одаренные и способные исполнители. Особенно выделялся своей внешностью, манерой игры трагик Бурдаев. Вспоминая впоследствии о

³ В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Гослитиздат, 1962, стр. 33—34.

пензенском театре, великий критик писал: «Театр! Театр! Каким магическим словом был ты для меня во время оно! Каким невыразимым очарованием потрясал ты тогда все струны души моей и какие дивные аккорды срывал ты с них!.. В тебе я видел весь мир, всю вселенную, со всем их разнообразием и великолепием, со всею их заманчивою таинственностью!»⁴.

Белинский особо подчеркивал, что в юношеские годы в театре он видел не только тряпичные облака, разрисованные на холсте моря, деревья, не только слушал пленительные звуки музыки, но и видел людей, саму жизнь. И все это, по его признанию, оказывало на его юную душу неизгладимое влияние и давало массу впечатлений, заставляло по-другому смотреть на окружающий мир.

Обычай и быт жизни простых людей все больше привлекают внимание Белинского. В родном Чембаре юноша любил бродить в базарные дни среди многочисленных возов, нагруженных лаптями, кожами, холстами, гончарной посудой и другими изделиями домашнего ремесла; слушать многоголосую крестьянскую речь, богатую меткими и образными выражениями, наслаждаться русской песней, которую часто можно было слышать в исполнении странствующих певцов. Позднее Белинский писал, что народная песня привлекала его внимание силою выражения, бесконечностью чувства, то бешено веселого, размашистого, то грустного, заунывного, но всегда крепкого, могучего, которому тесно и на улице, и на площади, которое просит для разгула дремучего леса, раздолья Волги-матушки, широкого поля.⁵

Но чем больше Белинский присматривался к жизни народа, тем больше омрачалось его воображение страшными контрастами, которые так ярко бросались в глаза при виде тоскующей, подавленной крепостной зависимостью личности одаренного природой русского человека и вместе с этим неограниченной властью над ним самодура-помещика.

Феодалы-землевладельцы разоряли крестьян, доводили их до нищенского состояния. Об этом вынуждены были сообщать в своих рапортах даже официальные лица.

⁴ В. Г. Белинский, т. VIII, стр. 519.

⁵ В. Г. Белинский, т. V, стр. 135.

«Проезжая по Чембарскому уезду, — писал в докладной на имя Пензенского губернатора чиновник особых поручений Юрасов, — в хуторе, называемом «Богом хранимый», который принадлежал помещику Мосолову, замечено, что крестьяне находятся в изнурительном положении от недостатка хлеба и если довольствуются им, то составляют из лебеды и прочих растений, чего также скоро не будет».⁶

Жестокость и нечеловечность по отношению к крестьянам можно было видеть не только в имени помещика Мосолова. С еще большим зверством относились к своим дворовым и другие крепостники.

Так, княгиня Кугушева, жившая недалеко от дома Белинских, за пролитый горшок молока запоролла на смерть дворовую женщину и, чтобы скрыть преступление, повесила ее. Помещик Дубасов своего крепостного Максима Петрова трое суток держал закованным в колодки за то, что он «осмелился искать вольности от барина».

В 1828 году в г. Чембаре слушалось дело помещицы Давыдовой. Из показания свидетелей видно, что ее истязания были причиной смерти беременной женщины.

В 1829 году в Пензенском депутатском дворянском собрании рассматривался вопрос о жестоком обращении с крестьянами помещика Полдомасова, который довел своих крепостных до полного разорения. Он не давал им ни одного дня для работы на себя, за исключением ненастных, облагал их непосильными поборами. В результате почти все его крестьяне пошли «по миру», т. е. просить милостыню.

Приведенные факты не единичны. Бесправие и нищета народных масс были свойственны всей самодержавной России, что видно из официальных документов.

В 1822 году министерство внутренних дел разослало предводителям дворянства, в том числе и в Пензенскую губернию, несколько тысяч экземпляров брошюр с описанием изобретенного аптекарем Бранденбургским средства печь хлеб с примесью... мха, причем в циркуляре министра было сказано «...хлеб таковой признан не только не вредным, но и выгодным к приуготовлению» и по-

---

⁶ Экспозиция музея-усадьбы В. Г. Белинского.

тому должен рассматриваться как «вспомогательное средство к прокормлению народа».⁷

Складывавшаяся обстановка до предела накаляла атмосферу классовых отношений и усиливала борьбу крестьян против крепостных порядков как в целом по стране, так, в частности, и в Пензенском крае. С 1826 по 1830 год длилось неповиновение властям крестьян села Невежкино Чембарского уезда. Крестьяне, вооруженные кольями, пиками, вилами, топорами серьезно ранили дворянского заседателя Симанского, изрезали волостного голову и убили его племянника.

В подавлении этого восстания принимали участие воинская команда и несколько сот понятых, мобилизованных полицейской управой. С 1826 по 1828 год длилось волнение среди крестьян села Балкашино помещика Богданова. В усмирении этого движения принимала участие воинская команда 9-го егерского полка. Над крестьянами власти учинили жестокую расправу. Несколько человек умерло от нанесенных ран, многие были брошены в тюрьму, сосланы в Сибирь, наказаны шпицрутенами.

Все эти события хорошо были известны Белинскому, так как его отец по долгу службы оследствовал раненых, убитых, изувеченных крестьян. Многое он узнавал от своего родственника П. П. Иванова, служившего секретарем уездного суда. Хотя Иванов занимал важную должность в уездном чиновничьем аппарате, но в его воззрениях было много демократизма и гуманности. Поэтому часто в кругу семьи шли разговоры, осуждавшие глумление помещиков и властей над крестьянами.

Жгучие вопросы социального неравенства и произвола властей волновали юношу Белинского. Он видел несправедливость по отношению к народу со стороны крепостников-помещиков. Он видел произвол и глумление над народом со стороны полицейско-чиновничьего аппарата. «На Виссарюна сильно действовали. — вспоминал Д. П. Иванов, — рассказы отца и городские слухи о различных приделах чинов полиции».⁸

⁷ История России XIX века, в 9 томах, изд. Гранат, т. 1, стр. 168.

⁸ В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Указ. соч., стр. 55.

Видя всю несостоятельность крепостного права и глумление над правами человека, Белинский, живя в Чембаре, писал: «Неужели человек во все продолжение своей жизни непременно должен страдать?.. Неужели это премудрое и милосердное существо, которое мы называем богом, посылает людей на землю, как колодников на каторгу? Неужели его благость так ограничена, что он не хочет сделать лучшее творение счастливым здесь и там?»⁹.

На все эти вопросы Белинский ищет ответа в книгах, в разговорах со старшими товарищами. Один из его учителей вспоминал, что «...ни одна минута не проходила у него даром: он или читал, или списывал что-нибудь прочитанное в тетрадь, или беседовал с дельными людьми, или предавался в одиночку размышлениям».

Еще в уездном училище, в период с 1822 по 1825 год, будущий критик увлекался литературой. В это время он читает произведения Карамзина, Дмитриева, Богдановича, Хераскова, Крылова, Державина, многое заучивает наизусть. Хотя в то время в г. Чембаре любителей книг было не так уж много, но у Бельнских и их родственников Ивановых имелись небольшие библиотечки. В них находились издания Новикова, сочинения писателей XVIII века, в том числе и западно-европейских — Вольтера, Бюффона и других. Особенно расширился список книг, которые читал Белинский, с поступлением его в Пензенскую гимназию. Здесь он отдает предпочтение поэзии Пушкина, Батюшкова, Жуковского, читает в списках «Горе от ума» Грибоедова, стихи Полежаева. Большое влияние на юношу оказывают журналы «Московский телеграф» Полевого, альманах декабристов «Полярная звезда», где помещались свободолюбивые произведения Рылеева, Гнедича, Вяземского. Впоследствии Белинский писал: «Что скажу я о журналах тогдашнего времени? Они и в то время получили такую важность в глазах публики, возбуждали к себе такое живое участие, играли такую важную роль... Мы по ним учились и по ним выучились».

В последний период пребывания в Пензе будущий критик увлекается философской литературой. Его привлекают вопросы о человеке, о его роли в обществе и

⁹ В. Г. Белинский, т. 1, стр. 462—463.

отношении к природе. Такие статьи он находил у Ломоносова, Радищева, Поповского. В гимназии Белинский познакомился с произведениями древнегреческих мыслителей — Сократа, Тацита и других, а также с творчеством Гете, Гейне, Шекспира, Шиллера.

Большую пользу Белинскому приносили оживленные споры по вопросам философии, богословия и общественной жизни с семинаристами, которые жили с ним на одной квартире. «От таких прений возрастала и развивалась та неодолимая диалектическая сила, которой всегда отличался Белинский и против которой действительно трудно было устоять».¹⁰

Но не мог примириться Виссарион Белинский с «новыми порядками», которые вводились в Пензенской гимназии в 1827—28 годах. В соответствии с Указом от 19 августа 1827 года «О допущении в университеты и другие высшие учебные заведения к слушанию лекций одних людей свободных состояний» усиливались строгости не только в высших, но и средних учебных заведениях, куда также запрещалось принимать детей крепостных крестьян. Наряду с этим за гимназистами устанавливался надзор, непокорных наказывали. Административные строгости, бесчисленные оскорбления и ругательства стали неотъемлемой частью жизни гимназии. Поэтому, приехав в декабре 1828 года на рождественские каникулы в Чембар, Белинский в гимназию больше не вернулся.

Однако сложившиеся обстоятельства не испугали юношу. Он с еще большей энергией изучает литературу, французский язык и использует зимние и весенне-летние месяцы 1829 года для подготовки в Московский университет. Так же, как и в Пензе, он особо увлекается журналами. Из губернского города оставшиеся там товарищи пересылают ему «Московский телеграф», «Вестник Европы», «Московский вестник», в которых печатались статьи по вопросам философии, литературной критики, эстетики. Уже в этот период Белинский не только внимательно следит за литературными течениями, но и старается определить художественную ценность того или иного произведения и идейную направленность писателя.

¹⁰ В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Указ. соч., стр. 86—87.

Прекрасно зная русскую беллетристику, он из многочисленной «писательской публики» выделяет Ломоносова, Державина, Крылова, Карамзина, Жуковского, Гнедича, Батюшкова, Пушкина и даже сравнительно малоизвестных поэтов — Туманского, Петрова. Вместе с тем он видит «холодность, напыщенность и сухость» в творчестве Хераскова, «площадность» у Сумарокова, «пресловутость» у Хвостова, «нападает» на роман Булгарина «Иван Выжигин», берет под «сомнение» критику, ибо «критиковать, тогда значило хвалить, восхищаться».¹¹

Уделяя большое внимание самообразованию, Белинский смог подготовить себя не только к сдаче экзаменов в Московский университет, куда его приняли на словесное отделение в сентябре 1829 года, но и к горячим спорам и беседам с московскими товарищами по вопросам литературы, философии, эстетики.

Последний раз В. Г. Белинский посетил Чембар в 1830 году. Здесь он провел летние каникулы после первого года обучения в Московском университете. Юноша с еще большим вниманием присматривался к жизни народа. Его приезд в Чембар совпал с трагическими событиями, которые потрясли все уездное общество. Виссарион Григорьевич оказался свидетелем жестокой расправы с крестьянами села Невежкина. Военно-полевой суд, который несколько дней заседал в Чембаре, вынес приговор о наказании плетью и высылке в Сибирь участников восстания. Десятки несчастных были публично высечены. Под впечатлением увиденного и пережитого Белинский начал писать первое крупное произведение «Дмитрий Калинин», пропитанное антикрепостническим настроением и борьбой за право свободы и равенство человека. Оно по силе своего обличения крепостного права близко к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву».

В этой драме устами своего героя Дмитрия Белинский спрашивает: «Неужели эти люди для того только рождаются на свет, чтобы служить прихотям таких же людей, как и они сами?.. Кто дал это губительное право — одним людям поработать своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу? Кто позволил им ругаться правами

¹¹ В. Г. Белинский, т. II, стр. 8.

природы и человечества? Господин может, для потехи или для рассеяния, содрать шкуру с своего раба; может продать его, как скота, выменять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь с отцом, с матерью, с сестрами, с братьями и со всем, что для него мило и драгоценно!.. Милосердный боже! отец человеков! ответствуй мне: твоя ли премудрая рука произвела на свет этих змиев, этих крокодилов, этих тигров, питающихся костями и мясом своих ближних и пьющих, как воду, их кровь и слезы?»¹².

Эти страстные и смелые слова, обличающие крепостное право, очень близки к словам декабриста Раевского. Он также со всем негодованием писал о крепостных порядках России. «Кто дал человеку право называть человека моим и собственным? По какому праву тело и имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человеков?»¹³

О подлецах, беззаконниках, которые поносят права граждан и питаются их кровью, писал журнал «Беседующий гражданин», с которым Белинский был знаком еще в Чембаре. Являясь органом «Общества друзей словесных наук», в которое входил Радищев, и ведя полемику с Екатериной II, этот журнал призывал лучших представителей литературы вооружаться «стрелами в пользу истины и добродетели и против тиранов, «разрушающих благо общества». «Нападайте на сих чудовища, которые питаются кровью народа и поношением граждан!.. Сорвите маску с сих беззаконников, с сих подлецов, с сих лицемеров, с сих обманщиков!»¹⁴

Однако драма «Дмитрий Калинин» не подражательное произведение. «Издавая в свет мою драматическую повесть, — пишет Белинский в предисловии к «Дмитрию Калинин», — я чувствую всю важность моего поступка и поэтому почитаю за нужное отдать моим читателям отчет в оном, сообщить им этот внутренний мир самого себя, этот мир собственных мыслей и чувствований».

Далее Белинский указывает, что основой этих «мыс-

¹² В. Г. Белинский, т. I, стр. 498—499.

¹³ В. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы. «Литературное наследство». АН СССР, 1948, стр. 109.

¹⁴ «Беседующий гражданин», 1789, ч. I, февраль, стр. 169.

лей» и «чувствовании» явилось: «Чтение поэтов, чтение истории, углубление в самого себя, печали, радости, восторг, равнодушие, волнение страстей, порыв к чему-то неопределенному, тоска по чем-то неведомом, размышление о человеке, о непонятной смеси доброго и злого, высокого и низкого, составляющей существо его, мысль о другом, таинственном мире ролят тысячи вопросов безответных волнуют юный, неопытный ум, как неразрешимая, но слабо понимаемая каким-то темным чувством загадка».¹⁵

Таким образом, глубокое познание литературы и истории, пристальное наблюдение за развитием русского общества, жизненный опыт и связанные с ним радости и горести давали тот богатый материал, который Белинский воплотил в своем первом произведении «Дмитрий Калинин».

Многие лица драмы взяты с натуры, указывал Белинский в письме к отцу. Но им автор придал обобщающий характер, свойственный эпохе 20-х годов XIX века. Жестокая помещица Лесинская — это собирательный тип вроде Мосоловой, Давыдовой, княгини Кугушевой, которых можно было видеть не только в «дворянских гнездах» Пензенской губернии, но и во всей России.

Стоны крепостных, их жалобы на «собачью жизнь», грозные возгласы: «Эй, люди! Сюда! Что же вы, болваны, али ослепли? Несите веревки, кандалы, цепи!», что бы ковать отступника и нарушителя барской воли, — разве это свойственно только Лесинской. Почти в каждом крупном и мелком поместье крепостнической России встречались Лесинские, Салтычихи, Коробочки, Плюшкины и им подобные.

Но драма «Дмитрий Калинин» в то время не увидела света.¹⁶ Когда в январе 1831 года Белинский отдал ее в цензурный комитет, то участь не только произведения, но и самого автора была предрешена. Цензор Цветаев в своем донесении сообщал, что «в драматической повести нашел множество противного религии, нравст-

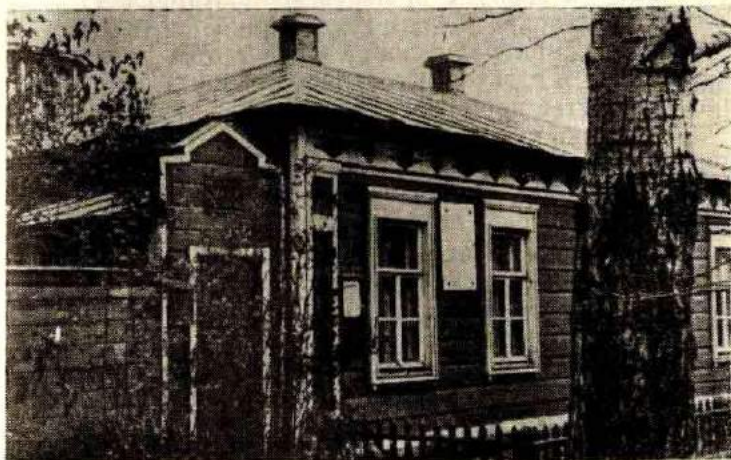
¹⁵ В. Г. Белинский, т. I, стр. 419—420.

¹⁶ Драма «Дмитрий Калинин» была опубликована лишь в 1891 г. в «Сборнике общества любителей российской словесности». Впервые поставлена коллективом Пензенского областного театра имени А. В. Луначарского в 1957 г.

венности и российским законам», в ней автор «декламирует против рабства возмутительным образом для существующего в России крепостного состояния».¹⁷

На основе такого заключения печатание рукописи запретили и наложили на нее арест. Лишь в результате сложившихся обстоятельств автор остался на свободе, но о нем ежемесячно должны были докладывать начальству Московского университета. По сути дела за Белинским установили надзор.

Итак, пензенский период имел весьма важное значение в жизни Белинского. Здесь под влиянием окружа-

Дом, в котором прошли детские и юношеские годы великого критика. Теперь здесь музей-усадьба В. Г. Белинского.

ющей среды формировалось его мировоззрение, складывались антикрепостнические убеждения. В Пензенском крае началась литературная деятельность Виссариона Григорьевича.

Уже в конце короткой жизни, когда было написано знаменитое «Письмо к Гоголю», он мечтал снова побывать в Чембаре, посмотреть на места, где прошли детство и юность, вздохнуть воздухом родины. Но это желание не осуществилось. В. Г. Белинский скончался 26 мая по старому стилю 1848 года.

¹⁷ «Литературное наследство», т. 56, АН СССР, стр. 32.

Внуки и правнуки широко увековечили память великого критика-публициста и революционного демократа. В Пензе его имя носят педагогический институт, городская библиотека, одна из улиц, городской парк, установлено три памятника. Но самым дорогим местом для пензенцев является музей-усадьба В. Г. Белинского в бывшем Чембаре, который был переименован в 1948 году в город Белинский. Ежегодно со всех уголков страны приезжают сюда тысячи экскурсантов.

«Как много дум и воспоминаний наводит посещение музея, — пишут в книге отзывов банковские работники г. Пензы. — В далекое прошлое ушло страшное нашей Родины. Как яркие звезды среди темной ночи блистали такие имена, как Белинский и другие. Мы поражаемся их мужеству и стойкости говорить правду и бороться за права и счастье простого человека».

«Ты велик, могуч, гениален, — пишут сотрудники Мордовского научно-исследовательского института, языка, литературы, истории и экономики. — Мы гордимся тобой, наш учитель, друг, истинно русский человек».

Группа молодых экскурсантов из г. Сердобска оставила запись: «Белинский для нас останется примером бескорыстного служения своему народу, своей Родине».

Высокая нравственность, человечность и преданность народным массам и своей матери-отчизне — таков облик нашего великого земляка. Поэтому не удивительно, что его светлый идеал является прекрасным примером для внуков и правнуков, в силу таланта и гения которых он так страстно верил.

Н. П. ОГАРЕВ

✓ Выдающийся русский поэт и революционный демократ, друг и соратник А. И. Герцена, Николай Платонович Огарев тесно связан с Пензенским краем. Родился он 24 ноября (6 декабря) 1813 года в Петербурге. А через два года, после смерти матери Елизаветы Ивановны, маленького Огарева привезли в пензенское имение его отца — село Старое Акшино Инсарского уезда (теперь это село находится в Мордовской АССР), где прошло его раннее детство.

Отец Огарева, Платон Богданович, крупный помещик

был страшным деспотом в семье и своей черствостью, холодностью оттолкнул от себя маленького сына. Мальчик стал избегать отца. К тому же ему пришлось наблюдать деспотизм не только в семье, но и вне семьи: он видел несправедливости и произвол, царившие в имении отца, видел страдания крепостного крестьянина. Впоследствии Огарев вспоминал в автобиографических

записках: «В то время было движение ненависти крепостного человека к барству. Я на этом чувстве и рос...».¹

Н. П. Огарев.

В 1820 году мальчика увезли в Москву, но почти каждое лето он приезжал с гувернанткой Анной Егоровной в Старое Акшино. Гувернантка была хорошо знакома с Кашкиными. Один из членов этой семьи, Сергей Николаевич, был декабристом. «Следственно, — все движение декабристов — писал позднее Н. П. Огарев в автобиографии, — отзывалось в образе мыслей Анны Егоровны и через нее отзывалось во мне, невольно, смутно, но отзывалось».²

Анна Егоровна переписала для своего воспитанника поэму К. Ф. Рыльева «Войнаровский». Знакомился будущий поэт и с запрещенными стихами А. С. Пушкина.

В 1826 году Огарев встретился и подружился со своим дальним родственником А. И. Герценом. Они пронесли чувство дружбы и неподдельной привязанности друг к другу через всю свою жизнь. В 1827 году Огарев вместе с Герценом дали в Москве на Воробьевых горах

¹ Журнал «Былое», 1924, № 27—28, стр. 15.

² Н. П. Огарев. Избранные произведения, т. II, М., 1956, стр. 402.

знаменитую клятву пожертвовать жизнью для борьбы за свободу. Юных друзей увлекал и вдохновлял подвиг декабристов. «Мы — дети декабристов», — писал Огарев уже в зрелые годы в «Исповеди лишнего человека»,³ — отмечая тем самым огромное влияние дворянских революционеров на формирование его и Герцена мировоззрения.

В стихотворении «Памяти Рылеева», написанном в 1859 году, есть такие проникновенные строки о юности Герцена и Огарева:

Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —
Могучих деятелей племя,
И сеяло благое семя
На почву юную умов...
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь
проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас молча сердце содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

В 1832 году Н. П. Огарев поступил в Московский университет. За время учебы он дважды посетил Пензенскую губернию. К этому времени относятся его первые поэтические опыты. В одном из писем А. И. Герцену летом 1833 года Николай Платонович писал, что мечтает посвятить себя поэзии.

В апреле 1835 года Н. П. Огарев был выслан из Москвы в Пензу. Его ссылают сюда за активное участие в деятельности возглавляемого А. И. Герценом революционного кружка. Вместе с ним из Москвы были высланы его ближайшие друзья по университету: А. И. Герцен — в Вятку, Н. М. Сатин — в Симбирск, А. К. Лахтин — в Саратов. Молодой Огарев приехал в Пензу под надзор отца и местной полиции и был определен на службу в канцелярию губернатора.

Работа под началом губернатора Панчулидзева — самодура и взяточника — тяготила Огарева. «Я езжу в канцелярию, в глупейшую канцелярию», — с горечью писал он А. И. Герцену.

Глубоко чуждо и ненавистно было ему общество чиновников и помещиков. В одном из писем московским

³ Там же, стр. 252.

друзьям в конце 1836 года Николай Платонович так характеризовал этих людей: «Здесь не мыслят, не чувствуют — здесь играют в вистик и ведут кое-как свои делишки, а уже если кто и вздумает полиберальничать, то уж так выместит на своих крестьянах всю несоответственность головы и сердца, что волос дыбом станет. Поживите в провинции, послушайте вопль утесненных, посмотрите на жестокость даже либералов-помещиков, взгляните на то, что эта жестокость всегда бывает оправдана, несмотря ни на какие просьбы, то вы увидите, что аристократию не дают, а поддерживают... Крестьян же никогда аристократы (лучше помещики) не отпустят на волю».⁴

В документах канцелярии Пензенского губернатора за 1835—1838 гг. хранится немало жалоб крепостных на издевательство помещиков. Бесспорно, Н. П. Огарев, как чиновник, знал о них.

Так, например, дворовые люди мокшанской помещицы А. Н. Каракозов летом 1835 года писали, что «она заковывает в цепи, накладывает колодки и морит с голоду».⁵ Крепостные помещика Енгальчева того же Мокшанского уезда Николай Спиридонов, Григорий Соболев и Николай Седов в 1835—1836 гг. жаловались на «чинимые помещиком побои и притеснения».⁶

Краснослободский помещик, отставной штабс-капитан Каблуков давал крестьянам непосильные задания, а в случае неисполнения жестоко избивал палкою.⁷ Помещик Нарочатского уезда И. Е. Слепцов довел своих крестьян до такого нищенского состояния, что они вынуждены были собирать милостыню, «не имея пристанища и дневного пропитания».⁸

Уже тогда молодой Огарев мечтает освободить своих крестьян от крепостной зависимости. Но в пензенских имениях при жизни отца этого сделать было нельзя. Да и находился Николай Платонович под надзором полиции, был ссыльным. Такой шаг, как освобождение крепост-

⁴ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 284—285.

⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2099, л. 2 и об.

⁶ Там же, д. 2102, лл. 3, 4.

⁷ Там же, д. 2100, лл. 6, 7.

⁸ Там же, д. 2101, л. 2.

ных, рассматривался бы властями как проявление политической неблагонадежности.

Но в 1837 году Н. П. Огарев добился отпуска для поездки в свое рязанское имение Верхний Белоомут. Там ему удалось освободить от крепостной зависимости две крестьянских семьи — Петра Ивановича Ракитина и Фаддея Семеновича Карташова, а уже после ссылки, в 1840 году, свыше 1800 белоомутских крестьян были освобождены от крепостной зависимости с землей.

В годы пензенской ссылки Н. П. Огарев подружился с помещиком Инсарского уезда Алексеем Алексеевичем Тучковым, в прошлом декабристом, членом «Союза благоденствия», одним из образованнейших людей своего времени. Этот человек, бесспорно, выделялся среди пензенского дворянства: он не гнул спину перед самодуром Панчулидзевым, старался, насколько это возможно, защищать интересы крепостного крестьянства. Тучков часто с уважением рассказывал Огареву о декабристах, с которыми был когда-то дружен: И. Пущине, Е. Оболенском, А. Бестужеве, М. Нарышкине и других. В его доме Николай Платонович чувствовал себя свободно, каждый приезд сюда был для него радостным событием.

Живя в ссылке, Николай Платонович писал стихи, живо интересовался естественными науками, философией, мечтал об издании вместе с друзьями передового литературно-художественного и общественно-политического журнала. Здесь им было написано философское сочинение на французском языке «Исповедь веры».

Работа носит идеалистический характер. Однако в этой работе Огарев мечтает о том, что на смену существующему строю, в котором «бедность гнетет человека», придет будущее гармоническое общество. Мысль о гармоническом обществе была связана у Огарева с увлечением идеями утопического социализма, в частности, с учением Сен-Симона.

В сентябре 1837 года Н. П. Огарев пишет стихотворение «На смерть поэта», посвященное трагической гибели А. С. Пушкина. Оно во многом близко знаменитому лермонтовскому стихотворению: та же глубокая скорбь, ненависть к убийцам, предсказание возмездия им. В стихотворении Н. П. Огарева дана уничтожающая характе-

Пензенская ссылка не заставила Огарева примириться с самодержавием. Напротив, за годы ссылки он сделал шаг на пути разрыва со своим дворянским классом. Поэт, столкнувшись с массой провинциальных помещиков, навсегда утратил веру в революционность русского дворянства, веру, которая была присуща ему, как и другим членам кружка А. И. Герцена, до ссылки. Это был один из этапов в развитии мировоззрения Огарева от дворянской революционности к революционному демократизму.

✓ В середине ноября 1846 года Н. П. Огарев приехал в свое родовое пензенское имение Старое Акшино. После смерти отца, скончавшегося в 1839 году, он стал его полноправным хозяином.

В письме к А. И. Герцену, написанном между 20 апреля и 2 мая 1847 года, Н. П. Огарев сообщал: «Три вещи поглощают все время: наука, литература и хозяйство». В этих словах он кратко, но очень точно, охарактеризовал основные направления своей деятельности в Старом Акшине.

Николай Платонович занимается физикой и химией. Он живо интересуется анатомией. Глубокое изучение естественных наук укрепляло Огарева на позициях материалистического мировоззрения, переход к которому наступил в первой половине 40-х годов.

По инициативе Н. П. Огарева в Старом Акшине открывается больница, где оказывали помощь крестьянам даже соседних сел и деревень. Он принимал непосредственное участие в борьбе с холерой, охватившей села Инсарского уезда. Чтобы наглядно представить себе размеры этого страшного бедствия, достаточно познакомиться со следующими цифрами. В 1847 году эпидемия холеры в уезде началась 6 сентября и продолжалась до 22 декабря. За это время умерло 153 человека.

В 1848 году холера вспыхнула 12 июня и продолжалась до 20 октября. В Инсарском уезде заболело 2218 человек, умерло 1143.

Много внимания Н. П. Огарев уделял вопросам народного образования. В первой половине 1847 года он написал статью «Народная политехническая школа», где изложил воспитательную и учебную программу шко-

лы для крестьянских детей. Такой педагогический проект был чрезвычайно смелым. Прежде всего, программа освобождалась от церковных предметов. За время учебы ученики должны были изучить русский язык, арифметику, геометрию, физику, химию, зоологию, анатомию, географию, астрономию, сельскую и техническую архитектуру, основы лесоводства и основы сельскохозяйственного производства. В школе предполагалось также дать элементарные понятия по политической экономии, юридической науке и атеизму.

Учебная программа Огарева предусматривала не только теоретические дисциплины, но и общественно полезный труд. Зимой ученики должны были работать в мастерских, занимаясь столярным, кузнечным и медным ремеслами, а летом они должны были заниматься полевыми работами на огородах. Огарев мечтал о том, чтобы школа воспитывала людей полноценных нравственно, всесторонне физически и умственно развитых. «Воспитаем мы людей практических, — писал он, — к делу прилагаемых, здоровых умом и телом, добросовестных, потому что не будет ни примера, ни поощрения к обману, мужественных духом, потому что их отучат от испуга и приучат к самостоятельности; трудолюбивых — это уже обязанность учителя и моя пристрастия к труду».⁹

Николай Платонович уже начал претворять свои педагогические идеи в жизнь. По его инициативе и непосредственном участии в Старом Акшине была открыта школа-интернат для крестьянских девочек.

Но самым значительным из того, что сделано Н. П. Огаревым в Старом Акшине, была его литературная деятельность. Уже в начале 1847 года он написал очерк «Письмо из провинции». Это произведение состоит из ряда отдельных эпизодов, внешне объединенных рассказчиком, от лица которого ведется повествование. Антон Постегайкин — внешне простоватый, как будто бы недалекий человек, излагающий различные истории из жизни крестьян и помещиков. Но его рассказы подчинены внутреннему замыслу автора — показать тяжелый быт деревни, темноту и забитость крестьянства, пошлость и жестокость помещиков.

---

⁹ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 14

В «Письме из провинции» показан протест крестьянства против барского произвола. Так, крестьяне одного из героев очерка Петра Семеновича категорически отказываются от своего помещика. Дело доходит до вмешательства губернатора и отправки в деревню воинской команды для расправы с непокорными.

Подобные случаи были нередки в то время в Пензенской губернии. События, описанные в очерке Н. П. Огарева, очень напоминают то, что произошло в селе Знаменском Инсарского уезда. Крестьяне здесь отказались подчиняться своим владельцам и послали представителей в Петербург, чтобы те добивались их освобождения. В течение 1844—1845 гг. они отказывались работать на барщине. Для усмирения в Знаменское была направлена воинская команда, приехал сам вице-губернатор.

Из документов известно, что вместе с вице-губернатором в Знаменское прибыл также инсарский предводитель дворянства А. А. Тучков. Он-то, вероятно, и рассказал впоследствии своему другу о происшедших событиях. Так что в очерке нашла свое отражение пензенская действительность.¹⁰

В 1847 году поэт написал поэму, или, как он сам ее называл в письмах к друзьям, стихотворную повесть «Деревня». В ней тоже много автобиографического. Главный герой дворянин Юрий полон желания улучшить положение своих крестьян. Он открывает для их детей школу, мечтает заменить барщину вольнонаемным трудом, надеясь, что это повысит экономическую заинтересованность крестьян, развяжет инициативу. Но крестьяне ко всему относятся недоверчиво, не поддерживают его.

В конце концов Юрий приходит к выводу, что отдельные добрые намерения помещика ни к чему не приведут и принимает решение ехать за границу, чтобы там вести революционную пропаганду.

В конце 40-х годов Огарев создает еще одну поэму — «Господин». Сюжет этого произведения во многом совпадает с сюжетом «Деревни». Помещик Андрей Потапыч приезжает, как и Юрий, в свою деревню. Он не прочь помечтать об облегчении участи своих крепостных. Но если Юрий искренне желал улучшить положение кре-

¹⁰ Сб. «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.», Соцэкгиз, М., 1961, стр. 544—547.

стьянства, то капризный и прихотливый барин, заботился не о крестьянах, а о собственной популярности, он влюблен в себя и безмерно доволен собой. Образ Андрея Потапыча — остро сатирический. В этом отношении поэма во многом родственная очерку «Письмо из провинции».

Количество стихотворений, написанных Огаревым в годы пребывания в Старом Акшине, сравнительно невелико, но удельный вес их в творчестве поэта очень значителен. Здесь поэт продолжал работу над циклом философской лирики под общим заголовком «Монологи» и завершил этот цикл. Глубокая вера в прогрессивное развитие общества, убежденность в необходимости бороться за этот прогресс — вот основные мысли огаревских «Монологов». Идейно примыкает к «Монологам» и стихотворение «Совершеннолетие». Здесь автор выступает как мужественный человек, готовый бесстрашно бороться за лучшее будущее своей страны. В «Совершеннолетии» есть такие строки:

Но мир, который мне, как гнусность,
ненавистен,
Мир угнетателей, обмана и рабов.
Его, пока я жив, подкапывать готов
С горячим чувством мести или права,
Не думая о том, что — гибель ждет иль
слава.

В Старом Акшине застали Н. П. Огарева грозные события 1848 года в Европе. Откликом на революционные события в Италии и Германии явилось его стихотворение «Упование». Поэт приветствует дующий с Запада ветер свободы:

О! из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы,
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественной свободы.

Тяжело переживал Огарев поражение революции 1848 года в Западной Европе. К нему применимы слова В. И. Ленина из статьи «Памяти Герцена»: «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а ре-

волюционность социалистического пролетариата *еще не созрела*».¹¹

Н. П. Огарев живо интересовался литературой, работал над статьей «Письма деревенского жителя», в которой есть интересные суждения о творчестве Байрона и Гете. Целый ряд высказываний о произведениях А. И. Герцена, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова разбросан в его письмах акшинской поры.

1850 год был переломным в судьбе Н. П. Огарева. В феврале он, как и его ближайшие друзья А. А. Тучков и Н. М. Сатин, был арестован по обвинению в политической неблагонадежности и отправлен в Петербург на расследование в III отделение. Поводом для ареста послужили постоянные доносы пензенского губернатора Пачулидзева. Над Огаревым опять сгустились тучи.

Но у III отделения не оказалось достаточных оснований для привлечения Огарева к суду. Он успел перед арестом уничтожить все компрометирующие его документы и в марте 1850 года за отсутствием улик был освобожден. Николай Платонович переехал на постоянное жительство в Симбирскую губернию, где имел писчебумажную фабрику. Оттуда нередко наезжал в родные ему пензенские места, посещал Старое Акшино.

«Акшинский период» в жизни и деятельности поэта закончился. Это было время большого труда и идейных исканий, когда полно и ярко проявилась разносторонность интересов Николая Платоновича, раскрылась его богатая творческая натура.

Неудачные попытки экономических реформ в своем имени твердо убедили Огарева в необходимости коренных революционных преобразований в России, ликвидации крепостнической системы в государственном масштабе.

В Старом Акшине Огарев создал ряд значительных художественных произведений, свидетельствовавших о том, что в его художественном творчестве все более крепились демократические тенденции, явившиеся в свою очередь предпосылкой окончательной победы идей революционной демократии в мировоззрении Огарева в начале 60-х годов.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

Велики заслуги Огарева перед русским революционным движением. Уехав в 1856 году в Лондон к Герцену, он принял самое горячее участие в создании вольной русской прессы. Он предложил Герцену издавать периодическое двухнедельное издание, которое бы оперативно откликалось на события, происходившие в России. Герцен поддержал инициативу своего друга, и с 1 июля 1857 года начал выходить «Колокол», который, по словам В. И. Ленина, «встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено». Газета имела большую сеть корреспондентов, причем не только в Москве и Петербурге, но и в глухих провинциях Российской империи. Поэтому на страницах «Колокола» мы очень часто находим интересные сведения о событиях в отдельных губерниях, городах и даже селах. В «Колоколе» помещено немало материалов и о Пензенской губернии и здесь, несомненно, сыграло свою роль то обстоятельство, что Н. П. Огарев, один из издателей и редакторов «Колокола», хорошо знал пензенскую действительность и, видимо, при подготовке номеров газеты к печати уделял особое внимание статьям и корреспонденциям о своем родном крае.

Сам Огарев своей боевой публицистикой на страницах «Колокола» и других изданий Вольной русской прессы, своей работой по созданию революционной организации «Земля и воля» много сделал для сплочения революционных сил России во второй «разночинский», как его назвал В. И. Ленин, период освободительного движения в стране.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Пензенский край прочно связан с жизнью и творчеством М. Ю. Лермонтова. Особенно широкой известностью пользуется село Лермонтово, бывшие Тарханы, где прошла почти половина короткой жизни великого поэта.

Село Тарханы в 1794 году было приобретено бабушкой поэта Елизаветой Алексеевной Арсеньевой. Имение насчитывало 4081 десятину земли и 142 крестьянских двора.

На новом месте Арсеньевы решили устраиваться прочно. На мысу, с трех сторон окруженном долиной ма-

ленькой речки Милорайки и оврагами, разместили центральную часть усадьбы с господским домом, людской, кухней, ледниками и другими помещениями для обслуживания помещицкой семьи. Перегороженная плотиной Милорайка образовала Большой пруд. Два других — Верхний или Барский и Средний — были устроены в овраге, соединявшимся с руслом речки. Парк и три фруктовых сада, к одному из которых — Круглому — примыкала дубовая роща, сделали усадьбу живописней.

В 1818 году на усадьбе были построены новый барский дом, вместо старого, проданного на слом, и небольшая домовая церковь.

«Барский дом, одноэтажный, с мезонином, был окружен службами и строениями. По другую сторону господского дома раскинулся роскошный сад, расположенный на полугоре. Кусты сирени, жасмина и розанов клумбами окаймляли цветник, от которого вглубь сада шли тенистые аллеи. Одна из них, обсаженная акациями, сросшимися наверху настоящим сводом, вела под гору, к пруду. С полугорья открывался вид на село с церковью, а дальше тянулись поля, уходя в синюю глубь тумана» — такое описание оставил первый биограф М. Ю. Лермонтова П. А. Висковатый, побывавший в Тарханах во время, сравнительно близкое к лермонтовскому.¹

В конце 1814 года или начале 1815 года, не позднее первой половины апреля, Е. А. Арсеньева вернулась в Тарханы из Москвы с дочерью Марией Михайловной, зятем Юрием Петровичем Лермонтовым и внуком Михаилом, родившимся в столице в ночь со 2 на 3 октября. Детство и отрочество, до осени 1827, лето 1828 и два месяца в 1836 году будущий поэт провел в усадьбе своей бабушки. С Пензенским краем связана творческая история его поэм «Черкесы» и «Сашка», драмы «Два брата», стихотворения «Умиравший гладиатор». Природа Тархан и окрестностей, помещичий и крестьянский быт, тарханская семейная хроника вошли в художественную ткань многих произведений поэта от первых стихотворных опытов до «Родины».

Значение тарханской поры в своей жизни М. Ю. Лер-

¹ П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество, М., 1891, стр. 27.

монтов раскрыл сам в стихотворении «Как часто пестрою толпою окружен...».

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забиться,—памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится—и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

Характер будущего поэта формировался в сложных условиях крепостной деревни и запутанных семейных обстоятельств. Он рано потерял мать, она умерла от скоротечной чахотки, когда сыну не исполнилось и трех лет. «Жизне ее было 21 год, 11 месяцев и 7 дней», — гласит надпись на могильном камне, увенчанном сломанным якорем — символом разбитых надежд.

В Тарханах долго помнили большое внимание Марии Михайловны к нуждам крестьян, когда она в сопровождении мальчика-слуги, носившего за ней лекарство, ходила по домам и помогала лечить больных.

Но у сына осталось мало воспоминаний о матери — он запомнил только ее похороны, да песню, которую она, уже чувствуя приближение смерти, пела своему ребенку. «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее я не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услышал

М. Ю. Лермонтов.

ее. она произвела бы прежнее действие. Ее певала мне покойная мать», — писал Лермонтов в автобиографической заметке 1830 года.

Бабушка беззаветно любила своего внука, делала все, чтобы его детство было счастливым, окружала вниманием и заботой, постаралась дать хорошее образование. Немка Христина Осиповна Ремер, бонна, бывший сержант наполеоновской гвардии гувернер Жан Капэ, домашний врач Ансельм Леви, большое число слуг и дворовых заботились об умственном и физическом развитии Мишеля.

«Чтобы Мишеньке не было скучно», бабушка постоянно держала в доме и воспитывала до десяти детей соседних помещиков и родственников, тратя на это немалые деньги.

Но любовь бабушки стала причиной одного из мучительных переживаний Лермонтова в пору детства и юности — Е. А. Арсеньева не отдала ребенка отцу. Отношения с ним всегда были напряженными. Вмешиваясь в нерадостную жизнь Марьи Михайловны с мужем, Арсеньева еще больше раздражала доброго, но крайне вспыльчивого Юрия Петровича.

Спор о том, кому воспитывать ребенка, формально решен был завещанием Е. А. Арсеньевой от 10 июня 1817 года. По нему все ее имение после смерти оставалось внуку, если он останется при ней до полного совершеннолетия. Желая сохранить сыну состояние, отец согласился на это. Еще до утверждения завещания, спустя 9 дней, после смерти жены, он уехал в свое тульское имение Кропотово.

Ссора двух самых дорогих и близких людей заставляла маленького Лермонтова мучительно задумываться, свидетельствовала о неблагополучии окружающего мира. Он глубоко страдал, боясь отдать предпочтение той или другой стороне. Вопрос о том, кто прав, а кто виноват, вероятно, так и не был разрешен.

Автобиографические драмы довольно точно отображают происходившие в Тарханах события, но оценка их действующими лицами зависит от того, чью сторону они занимают, какие преследуют цели. В трагедии «Люди и страсти» служанка Дарья, излагая причины ссоры Марфы Ивановны Громовой с Николаем Михалычем Воли-

ным, сочувствует своей госпоже: «Вишь ты: я еще девчонкой была, как Марья Дмитриевна, дочь нашей барышни, скончалась — оставя сына. Все плакали как сумасшедшие — наша барыня больше всех. Потом она просила, чтоб оставить ей внука Юрья Николаевича — отец-то сначала не соглашался, но наконец его улакомили, и он, оставя сына, да и отправился к себе в отчину. Наконец-то ему и вздумалось к нам приехать — слухи и дошли до добрых людей, что он отнимет у нас Юрья Николаевича. Вот от этого с тех пор они и в ссоре...».²

Другую оценку дает Василий Михалыч Волин: «Марфа Ивановна то же лето поехала в губернский город и сделала акт, какой акт?.. сам ад вдохнул в нее эту мысль, она уничтожила честное слово, почла отца—отца твоего за ничто, и вот короткое содержание. «Если я умру, то брат Павел Иванович опекуном именью, если сей умрет — то другой брат, а если сей умрет, то свекору препоручаю это. — Если же Николай Михалыч возьмет сына своего к себе, то я лишаю его наследства навсегда».³ Фактическая сторона этих слов полностью совпадает с завещанием Е. А. Арсеньевой.

Конечно, драму нельзя рассматривать как исторический документ, но, несомненно, что она отразила истинные события. Можно с полной уверенностью сказать, что Лермонтов не раз слышал разговоры о бедности своего отца, подобные тем, какие ведет Дарья: «Да посмотрела бы я, как он стал бы его воспитывать — у него у самого жить почти нечем — хоть он и нарахтитя в важные люди. Как бы он стал за него платить по четыре тысячи в год за обучение разным языкам?»⁴

Прототипом служанки Дарьи послужила ключница Е. А. Арсеньевой Дарья Григорьевна Куртина, пользовавшаяся большой доверенностью своей госпожи. «Купи что-нибудь Дарье, она служит мне с большой привязанностью», — просила внука в письме Елизавета Алексеевна в 1835 году.

Драмы «Люди и страсти» и «Странный человек» занимают важное место в творческой эволюции М. Ю. Лер-

² М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений, изд. АН СССР, М.—Л., 1956, т. V, стр. 144.

³ Там же, стр. 171.

⁴ Там же, стр. 144.

монтова. Переосмысливая автобиографический материал, и в первую очередь историю своей семейной трагедии, поэт показал характеры людей, сформированные крепостнической обстановкой. Трагедия передового молодого человека, воодушевленного идеями свободолюбия и сочувствия к страдающему человеку, протестующего против крепостнических порядков, изображена на большом социально-историческом фоне. В драме «Люди и страсти» — это жизнь деревенской помещицкой усадьбы с ее жестокостью, издевательствами над дворовыми, религиозным ханжеством, лицемерием, эгоизмом, жадностью.

В «Странном человеке» критика социально-исторических условий расширена: действие перенесено в Москву, в светское общество. Но одновременно М. Ю. Лермонтов создает картины страданий крепостного люда. Гневом и скорбью проникнута сцена жалобы крепостного крестьянина на действия своей помещицы: «Сечет, батюшка, да как еще... за всякую малость, а чаще без вины. У нее управитель, вишь, в милости. Он и творит, что ему любо. Не снимь-ка перед ним шапки, так и нивесть что сделает. За версту увидишь, так тотчас шапку долой, да так и работай на жару, в полдень, пока не прикажет надеть, а коли сердит или позабудет, так иногда целый день промает...».

«Где защитники у бедных людей? У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком. Тяжко, барин! Тяжко стало нам! Посмотришь в другое село... сердце кровью обливается! Живут покойно да весело. А у нас так и песен не слышно стало на посиделках. Рассказывают горнишные: раз барышня рассердилась, так, вишь, ножницами так и кольнула одной из девушек... эх! больно... а как велит щипать волосок по волоску... батюшка!...».⁵ Такие сцены были бы невозможны без хорошего знания жизни крепостной деревни.

Так преломлялись в творчестве молодого Лермонтова воспоминания детства, детские тревоги и раздумья, вызванные враждой бабушки и отца, впечатлениями от крепостного быта.

---

⁵ М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений, изд. АН СССР, т. V, стр. 235.

Чуткий интерес к жизни сочетался у Лермонтова с замкнутостью и самоуглублением. Позже он писал:

Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;
Счастливы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я...

Очень рано проявилось у Лермонтова поэтическое восприятие мира, стремление выразить живые зрительные образы средствами искусства. Воспитывавшийся с 1825 года вместе с Лермонтовым А. П. Шан-Гирей рассказывал, что весной Михаил Юрьевич очень искусно делал из снега большие человеческие фигуры, хорошо рисовал акварелью, лепил целые картины из крашеного воска. Увлекался он театром марионеток, для которого сам делал куклы и сочинял маленькие пьесы. Увлечению театром способствовали семейные традиции — в доме, который всегда был полон гостей, устраивались танцы и домашние спектакли. Современники вспоминали, что едва лепетавший ребенок с удовольствием прислушивался к созвучиям слов, несколько раз повторяя слова в рифму «пол-стол», «кошка-окошко» и стремился поделиться своей радостью с бабушкой.

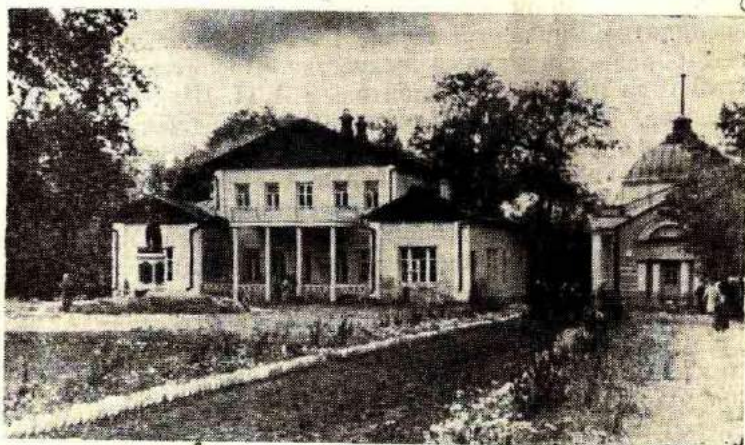
То, что не находило выражения в детских играх и забавах, запомнилось, чтобы потом получить новую жизнь в поэзии. «Я помню один сон: когда я был еще 8 лет, он сильно подействовал на мою душу. В то же лето я один раз ехал в грозу, куда-то: и помню облако, которое небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро несло по небу: это так живо передо мною, как будто вижу.

Когда я еще мал был, то любил смотреть на луну, на разнообразные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождавшие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства»⁶, — вспоминал Лермонтов в 1830 году. Сравнение луны с Армидой, по его собственному признанию, вошло в трагедию «Испанцы», а образ облака, гонимого ветром, стал одним из излюбленных и употреблялся во

⁶ М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений, изд. АН СССР, М.—Л., 1957, т. VI, стр. 386.

многих произведениях — от юношеских стихотворений до последней редакции «Демона».

Живя в Тарханах, М. Ю. Лермонтов постоянно находился среди крестьян. Кормилица Лукерья Алексеевна Шубенина... Дядька Андрей Иванович Соколов, который в качестве камердинера не расставался со своим воспитанником почти в течение всей его жизни. Дворовые девушки зимой приходили в детскую и рассказывали

Музей-заповедник М. Ю. Лермонтова «Тарханы».

про Разина и Пугачева, пели народные песни, ряженые развлекали на святках. Летом вместе со всей дворней Лермонтов ходил в рощу, играл с крестьянскими детьми в войну на специально построенных дворовыми земляных бастионах.

Еще многие помнили восстание Пугачева и рассказывали о нем, о стоянке восставших в Малиновом лесу, о хитрой проделке нарышкинского управляющего, раздавшего перед приходом пугачевцев барский хлеб и тем спасшегося от смерти, о расправе над помещиком Бярятинским из соседнего села Калдуссы. О войне 1812 года, вспоминали вернувшиеся из заграничных походов солдаты и участники Пензенского ополчения. Точные детали в описании сражений при Бородине для своего знаменитого стихотворения Лермонтов почерпнул в расска-

зах брата бабушки, участника битвы А. Е. Столыпина и старых солдат-тарханцев.

У простого народа учился Лермонтов живому русскому языку, узнавал силу, достоинство, молодецкую удасть и творческую мощь простого человека.

Но видел поэт и другое — помещичий гнет, страдания крестьян. Крестьян секли на конюшне розгами, нередко стью была ссылка в Сибирь, продажа на сторону, сдача в рекруты.

В начале 1826 года в Тарханах стало известно о декабрьских событиях в Петербурге. Среди арестованных были чембарцы И. Н. Горсткин, братья А. П. и П. И. Беляевы, в близких отношениях к руководителям заговора находились сенатор А. А. Столыпин и генерал Д. А. Столыпин. Они не пострадали только потому, что умерли — Аркадий Алексеевич 7 мая 1825 года, а Дмитрий Алексеевич — 3 января 1826 года в начале следствия над участниками выступления. По делу 25 декабря привлекался дальний родственник отца поэта Д. Н. Лермонтов.

Восстание получило отклики в народе, повсеместно стали распространяться слухи о скором даровании воли. Царь специальным манифестом от 12 мая 1826 года объявил всякие слухи об освобождении ложными. Этот манифест в течение шести месяцев по воскресеньям и праздникам читался в имении Арсеньевой в домово́й церкви. Тарханские священники вместе с манифестом получили предписание Чембарского земского суда об установлении слежки за крестьянами для выявления распространителей слухов. Так Лермонтов впервые узнал, что есть люди, борющиеся за освобождение народа.

С Пензенским краем связана история создания романа «Вадим». Это роман о пугачевском восстании, охватившем и территорию Пензенской губернии. Создавая его, Лермонтов широко использовал устные рассказы и предания, услышанные им еще в годы детства от старых людей.

Действия романа происходят на берегах Суры, и изображенная местность имеет много общего с Тарханами и их окрестностями. Реально описаны пещеры и «гремячий ручей» между селами Тархово и Нижними Полями, а также Нижнеломовский мужской монастырь.

Связи с Пензенским краем поэт не терял и в годы ученья в Москве. Известны его письма к «милой тетеньке» Марье Акимовне Шан-Гирей, имение которой находилось в трех верстах от Тархан в деревне Апалихе. Из Тархан приходили отчеты о положении дел и сообщались деревенские новости. В Москве с особой силой вспоминалось счастье детских лет.

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Все сердце грело там,
Все было мне наставник или друг,
Все верило младенческим мечтам.
Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю к облакам!

— восклицал Лермонтов в стихотворении «1830 год. Июль 15-го».

Жизнь в Тарханах не забывалась, но увидеть родные места удалось не скоро. Лермонтов вышел из пансиона, оставил университет, переехал в Петербург и в декабре 1834 года был выпущен из школы гвардейских подпорщиков в лейб-гвардии гусарский полк. К этому времени у молодого поэта насчитывалось уже около 300 стихотворений, больше десятка поэм, четыре драмы и роман «Вадим».

Отпуск «по домашним обстоятельствам в Пензенскую и Тульскую губернии» удалось получить лишь в самом конце 1835 года. 20 декабря Лермонтов выехал из Петербурга и 31 декабря был в Тарханах.

«Я через 26 лет встретила новый год в радости: Миша ко мне приехал накануне нового года. Что я чувствовала, увидя его, я не помню и была, как деревянная, но послала за священником служить благодарный молебен. Тут начала плакать и легче стало», — писала Е. А. Арсеньева своей знакомой.⁷

В Тарханах все напоминало Лермонтову прежние годы. Его встретила та же барская усадьба, село, многие знакомые лица. По-прежнему в селе жила «мамушка» — Лукерья Алексеевна Шубенина, но теперь в ее семье нашел приют старый солдат, участник Бородинского сражения Василий Федоров.

Находясь в Тарханах, Лермонтов беспокоился о

⁷ «Литературное наследство», т. 45—46, 1948, стр. 648.

судьбе «Маскарада». Перед самым отъездом он представил в дирекцию петербургских театров вторую редакцию этого произведения, поручив своему другу С. А. Раевскому хлопотать о цензурном разрешении и постановке драмы. Нам известно одно письмо поэта из Тархан от 16 января 1836 года, где он сообщил С. А. Раевскому подробности деревенской жизни и выражал опасение за судьбу пьесы: «Любезный Святослав! Мне очень жаль, что ты до сих пор ленишься уведомить меня о том, что делается в Петербурге.

Я теперь живу в Тарханах, в Чембарском уезде (вот тебе адрес на случай, если ты его не знаешь), у бабушки...

Я опасуюсь, что моего Арбенина снова не пропустили, и этой мысли подало повод твое молчание».⁸

Действительно, «Маскарад» снова был запрещен.

Официальной причиной отпуска была необходимость явиться в Тульскую губернию для раздела с сестрами отца оставшегося после смерти Юрия Петровича имения Кропотова. Ехать туда Лермонтову не хотелось, и он оформил в Чембарском суде доверенность на имя Г. В. Арсеньева, имение которого находилось недалеко от Кропотова.

В Чембаре поэт познакомился с семьей ссыльного поляка Шумского, интеллигентного и образованного человека, имевшего хорошую библиотеку. Бывал Лермонтов у Шумского несколько раз. В Чембар Лермонтов приезжал также, чтобы оформить свидетельство о болезни для продления отпуска.

В конце февраля или начале марта Лермонтов тронулся в обратный путь и во второй половине марта числился уже «налицо» в своем полку...

В Тарханы он возвратился 21 апреля 1842 года, на этот раз навсегда. Сбылось предсказание, высказанное в юности:

...я родину люблю
И больше многих; средь ее полей
Есть место, где я горесть начал знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшийся с землей,
Навеки прежний вид оставит свой.

⁸ М. Ю. Лермонтов. Собрание сочинений, изд. АН СССР, М.—Л., 1957, т. VI, стр. 433.

Привезенный тарханскими дворовыми гроб с телом погибшего поэта 23 апреля был опущен в склеп фамильной часовни Арсеньевых рядом с построенной в его честь церковью Михаила Архангела. Рядом с могилой кто-то посадил молодой дубок, как бы выполняя предсмертное желание поэта.

* * *

...С той поры прошло почти полтора столетия. Благодарная память потомков не оставила без внимания любимые поэтом места, и теперь здесь находится музей, носящий его имя. Ежегодно десятки тысяч человек приезжают в Государственный лермонтовский музей-заповедник «Тарханы», чтобы соприкоснуться с гением великого поэта, почувствовать очарование природы, окружающей его, узнать о его жизни и творчестве.

Как и 150 лет тому назад, в центре усадьбы находится высокий дом, «похожий на все барские дома, деревянный, с мезонином, выкрашенный желтой краской». В комнатах воссоздана обстановка лермонтовского времени и размещена экспозиция, собраны мемориальные вещи.

Старинный парк сохранил прежнюю планировку. Деревья, густые кусты акаций и сирени образуют своды, через которые проникают одинокие лучи солнца. Под ними зеленеют ландыши, напоминая строчки поэта. В парке много памятных лермонтовских мест — описанная в стихотворении «Цевница», «беседка тайная», аллея «Темная», дуб, посаженный поэтом. Недалеко от парка находится «траншея» — место детских военных игр. Сохранились старинные пруды и сады, в одном из них еще покачивают сохнувшими вершинами несколько лип-современниц поэта.

И окончив осмотр усадьбы, каждый посетитель отправляется в центр села, чтобы пройти в склеп и в молчании постоять у свинцового гроба с прахом поэта.

VIII. ПАДЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 60-х ГОДАХ

РЕФОРМА 1861 ГОДА

Отмена крепостного права была обусловлена всем ходом исторического развития России. Обострение экономических и социальных противоречий, нарастание крестьянского движения привели к возникновению в конце 50-х годов революционной ситуации. Опасность революционного взрыва вынудила господствующий класс и правительство приступить к подготовке крестьянской реформы.

Вскрывая причины, побудившие крепостников-помещиков стать на путь отмены крепостного права, В. И. Ленин в работе «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» писал: «Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*».¹

В 1857—1858 гг. для выработки проектов реформы были образованы губернские дворянские комитеты. Для рассмотрения проектов, поступавших из губер-

¹ В. И. Ленин. Полн. соб. соч., т. 20, стр. 173.

ских комитетов, и составления общего проекта были созданы Редакционные комиссии, подчиненные Главному комитету, состоящему из высших чиновников и крепостников-помещиков.

В решении крестьянского вопроса между помещиками не было полного согласия. В губернских комитетах образовались дворянские группировки, каждая из которых выступала со своим проектом реформы. Эти разногласия определялись главным образом различием хозяйственных интересов отдельных групп дворянства. Но никто из помещиков не думал о действительном освобождении крестьян. Все их проекты ставили своей целью — сохранить землю и власть в руках помещичьего класса, провести реформу за счет ограбления крестьян. По словам В. И. Ленина, «...пресловутая борьба крепостников и либералов... была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы уступок».²

В Пензенском губернском комитете большинство составляли помещики-крепостники. Выработанный комитетом проект реформы сводился к следующему:

1. Крестьяне получали личную свободу и право распоряжаться своим имуществом. До окончания переходного состояния (12 лет) помещичьи крестьяне должны называться срочнообязанными и оставаться «крепкими к земле, на которой поселены».

2. Помещики сохраняли право собственности на всю землю, но обязаны были предоставить крестьянам усадьбы в собственность за выкуп. Причем в выкупную сумму включалась не только стоимость земли, но и вознаграждение помещикам за личное освобождение крестьян.

3. Крестьянам «для обеспечения их быта и доставления средств исполнять возложенные на них... повинности» предоставлялись в пользование небольшие наделы полевой земли (две десятины на мужскую душу). По истечении 12-летнего срока переходного состояния полевые наделы должны быть возвращены помещикам.

4. За пользование помещичьей землей крестьяне обязаны были отбывать барщину или платить оброк в

² В. И. Ленин, Полн. соб. соч., т. 20, стр. 174.

тех же размерах, какие существовали до реформы. Род повинностей определял сам помещик.

5. Мелкопоместным дворянам предоставлялось право освобождать крестьян без усадьбы и полевого надела, расселив их в государственные селения.

Таким образом, важнейшим требованием проекта было сохранение помещичьего землевладения. Это был крепостнический проект, означавший безудержный грабеж крестьян под видом их освобождения.³ При таких условиях было неизбежным сохранение на долгий период пережитков крепостничества в деревне, полуфеодальной зависимости и кабалы крестьян.

Либеральное меньшинство Пензенского губернского комитета (как и ряда других комитетов) составило свой так называемый «выкупной проект».

Сущность его сводится к тому, чтобы отменить крепостное право, прекратить «все взаимные обязательные отношения помещиков с крестьянами» и предоставить крестьянам в собственность за выкуп усадьбы и полевою землю в количестве по 2,5 десятины на мужскую душу.

Выкупной проект, хотя и ставил вопрос о необходимости постепенной ликвидации феодальных отношений, но он также сохранял помещичье землевладение, что обеспечивало помещикам возможность держать крестьян в экономической кабале.

Основная борьба в период подготовки отмены крепостного права происходила не внутри господствующего класса, не между крепостниками и либералами, а между помещиками, с одной стороны, и крестьянами, с другой. Крестьяне требовали передачи им всей земли и полного освобождения от помещичьей власти, то есть объективно боролись за ликвидацию крепостнических отношений, за коренную ломку изжившего себя строя.

Выразителями интересов крестьянства, борцами за подлинное его освобождение были революционеры-разночинцы, вступившие в революционное движение в

---

³ При выработке общего проекта реформы Редакционными комиссиями проект Пензенского губернского комитета (как и ряда других комитетов) был изменен: земельный надел предоставлялся крестьянам в собственность за выкуп. На это правительство вынуждено было пойти под воздействием нарастающей революционной ситуации.

конце 50—начале 60-х годов. Ведя борьбу с крепостничеством и самодержавием, они открыли новый, второй этап в истории освободительного движения в России — разночинский или революционно-демократический. В. И. Ленин писал: «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом».⁴

В эпоху падения крепостного права идейными вождями революционной демократии были Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен и Н. П. Огарев.

Великий революционный демократ Н. Г. Чернышевский в своих статьях в «Современнике» показывал крепостнический характер подготовлявшейся реформы и выдвигал свою программу, требуя личной свободы для крестьян и бесплатной передачи им всей земли. Он решительно разоблачал антинародные помещичьи проекты реформы, боролся с крепостниками и либералами, которые одинаково стремились провести реформу в интересах господствующего класса. Не рассчитывая на возможность мирного решения крестьянского вопроса, Чернышевский возлагал все надежды на революционные действия народа. Он последовательно развивал идею крестьянской революции, «идею борьбы масс за свержение всех старых властей».⁵ Пропаганда Чернышевского оказывала огромное влияние на развитие классовой борьбы в стране.

Большую роль в развитии освободительного движения сыграли А. И. Герцен и Н. П. Огарев и их газета «Колокол». Как подчеркивал В. И. Ленин, Герцен поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом, а «Колокол» встал горой за освобождение крестьян».

Борьба либерально-крепостнических и революционно-демократических сил была борьбой за тот или иной путь аграрного развития страны, борьбой из-за способа отмены крепостного права. Объективно были возможны в то время два пути буржуазной аграрной эволюции — поме-

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175.

щичий («прусский») и крестьянский («американский», фермерский). Соответственно и переход к ним мог произойти «...и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции».⁶ Либералы и крепостники стояли за реформу, проводимую самодержавием, что означало медленное перерастание крепостнического помещичьего хозяйства в буржуазное, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы. Революционно-демократический лагерь вел борьбу за революционную ломку крепостнических отношений и главной их основы — помещичьего землевладения.

Соотношение классовых и общественно-политических сил было тогда таково, что крепостное право было отменено не «снизу», не путем революции, а «сверху», путем реформы.

19 февраля 1861 года Александр II подписал «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», и Манифест, возвещавший об отмене крепостного права. Новый царский закон всесторонне ограждал интересы вчерашних душевладельцев и одновременно ущемлял самые жизненные интересы крестьян.

По Положению вся земля, в том числе и крестьянские наделы, была объявлена собственностью помещиков. Причем площадь крестьянского землепользования сокращалась. В среднем по стране свыше 1/5 части земли, находившейся ранее в пользовании крестьян, отошло к помещикам. За надел и личное освобождение крестьяне должны были вносить выкупные платежи, ложившиеся на них тяжелым бременем. До заключения же выкупной сделки с помещиками они обязаны были за отведенную им землю отбывать барщину или платить оброк.

Падение крепостного права явилось переломным моментом в историческом развитии России. Оно знаменовало смену феодальной общественно-экономической формации новой, исторически более прогрессивной — капиталистической. В. И. Ленин подчеркивал, что «крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию».⁷

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 215.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

Реформа 1861 года открыла дорогу для развития капитализма в России в основном по «прусскому» пути. Она сохранила помещичье землевладение и другие пережитки крепостничества в деревне, служившие основой полуфеодальной эксплуатации крестьян. В. И. Ленин указывал, что пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян.⁸ Эта реформа и не могла быть иной, поскольку ее проводили крепостники.

В Пензенской губернии, как и в других губерниях черноземной полосы, крестьянская реформа 1861 года носила особенно грабительский характер. В первую очередь отметим, что здесь весьма существенны были изменения в землепользовании крестьян в результате отрезки от их дореформенных наделов. Так, до 1861 года в пользовании крестьян находилось 836 851 десятина, а отведено в надел по Положению 19 февраля 624 936 десятин. Таким образом, размеры крестьянского землепользования уменьшились на 211 915 десятин, или на 25,4 процента.

Для того чтобы яснее представить себе величину крестьянских наделов после реформы, приведем данные о распределении надельной земли бывших помещичьих крестьян на одну ревизскую душу во второй половине 70-х годов. Из 248 133 ревизских душ в губернии 19 процентов получили надел до 1 десятины включительно; 6,7 процента — от 1 до 1,5 дес.; 5,2 процента — от 1,5 до 2 дес.; 30,2 процента — от 2 до 3 дес.; 35,6 процента — от 3 до 4 дес.; 3,1 процента — от 4 до 6 дес.; наконец, 0,2 процента получили надел от 6 до 10 десятин.⁹

Таким образом, 30,9 процента общего количества бывших помещичьих крестьян губернии получили наделы размером до 2 десятин. Менее трех десятин получили наделы 61,1 процента крестьян. Число крестьян, получивших наделы менее 4-х десятин, составило 96,7 процента. В среднем по губернии на один душевой надел приходилось 2,5 десятины.

Таким образом, 30,9 процента общего количества вдованье крестьянина и его семьи. По расчету известного статистика второй половины XIX века Ю. Э. Янсона

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173

⁹ См. «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. I, Спб., 1880, стр. 74—100.

в черноземной полосе обеспечить крестьянскую семью мог лишь надел размером не менее 5 десятин на ревизскую душу. «При таком наделе,—писал Ю. Э. Янсон,—почти не может быть, за покрытием потребности в кормовых средствах, никаких избытков; на необходимые расходы для покупки соли, дегтя, на ремонт одежды и хозяйственных орудий, покупку лесного материала и проч. не остается ничего, тем более на уплату податей».¹⁰ Эти расходы должны были покрываться за счет неземледельческих заработков крестьян. В. И. Ленин относил земельные владения до 15 десятин на двор (примерно 6—7,5 дес. на душу) к группе разоренного крестьянства.¹¹ Следовательно, в Пензенской губернии по меньшей мере более 97 процентов всех бывших помещичьих крестьян (получивших менее пяти десятин на душу) были обеспечены землей недостаточно.

Земельные наделы крестьян не только уменьшились по сравнению с дореформенными, но и ухудшились по своему качеству. Помещики отводили крестьянам худшие земли, лишали их лесов, лугов, водоемов, без которых нельзя вести самостоятельное хозяйство. В своих интересах помещики умышленно создавали чересполосицу, окружая со всех сторон своими владениями крестьянские земли, что давало им возможность кабалить крестьян, сдавать им в аренду землю по повышенным ценам.

Производя отрезку от крестьянской земли, владельцы сохраняли или даже увеличивали феодальные повинности за пользование наделом: вводили непомерно высокие уроки, что фактически означало увеличение издельной повинности, облагали денежным оброком не только земельное хозяйство крестьян, но и другие крестьянские доходы (промыслы, отхожие заработки и т. д.).

С момента заключения выкупной сделки отбывание крестьянами повинностей прекращалось, и они превращались из временнообязанных в «крестьян-собственников». В результате того, что выкупалась не только земля, но и личность «освобождаемого» крестьянина, приносившая помещику доход своим трудом, выкупная сумма намного превышала рыночную цену на землю. Так, в

¹⁰ Ю. Э. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб, 1877, стр. 66—67.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 67.

Пензенской губернии стоимость одной десятины земли по ценам 1854—1859 гг. равнялась 23 рублям 06 копейкам, а по выкупу — от 37 рублей 50 копеек до 54 рублей 54 копеек.¹² Таким образом, крестьяне должны были заплатить за свою землю приблизительно в полтора—два раза больше ее реальной стоимости.

К. Маркс расценивал выкупные платежи как ограбление крестьян крепостниками, подчеркивая то обстоятельство, что крепостной должен был заплатить не только за одну землю, но и за свою личную свободу. В. И. Ленин, указывая на огромную тяжесть для крестьян выкупных платежей, писал, что при «освобождении» с крестьян «содрали вдвое и втрое выше действительной цены на землю».¹³

Согласно условиям реформы в селениях бывших помещичьих крестьян были созданы новые органы крестьянского общественного управления. Они состояли из сельского и волостного сходов и выбиравшихся ими должностных лиц. Однако органы крестьянского управления были поставлены в полную зависимость от дворянства и местных властей.

Главные начала реформы были распространены и на государственных крестьян. По закону 18 сентября 1866 года эти крестьяне получили личную свободу и такое же административное устройство, какое имели бывшие помещичьи крестьяне. Законом 24 ноября 1866 года определялось поземельное устройство государственных крестьян. Они полностью сохранили свои прежние наделы и должны были уплачивать за них государственную оброчную подать. Право владения землей фиксировалось в особых «владенных записях», выдававшихся каждому сельскому обществу. Обеспечение государственных крестьян землей было лучше, нежели помещичьих: у них земельный надел был несколько больше.

В Пензенской губернии государственных крестьян было около половины всего земледельческого населения. Средний душевой надел этой категории крестьян составлял 4,9 десятины. Но значительная их часть получила не-

¹² Данные заимствованы из кн. П. А. Зайончковского «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года». М., 1958, стр. 307.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

достаточные наделы — до 4 десятин на одну ревизскую душу¹⁴.

Реформа не ликвидировала старых феодальных отношений в государственной деревне. Положение крестьян по существу не изменилось. За пользование землей они должны были уплачивать оброк (феодальную денежную ренту), который впоследствии правительство превратило в выкупные платежи. И в отношении государственных крестьян, как и помещичьих, преобразования имели половинчатый и ограниченный характер.

Реформа 1861 года не могла удовлетворить крестьян. Это понимало само царское правительство, и поэтому оно не сразу решилось объявить крестьянам «волю». Подписанный царем 19 февраля Манифест и Положения были опубликованы во всеобщее сведение только 5 марта. Крестьянство ответило на реформу массовым движением, которое наивысшего подъема достигло весной 1861 года — в период объявления нового закона.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГУБЕРНИИ В 1861 ГОДУ

Сразу же вслед за обнародованием законодательных актов 19 февраля в стране началось мощное движение временнообязанных крестьян, протестовавших против грабительских условий реформы. Крестьяне добивались перехода к ним всей земли без выкупа и полной независимости от помещиков. Стихийное движение развернулось на большой территории Российской империи, втянув в свою орбиту тысячи крестьян. Уже к концу марта волнения охватили 26 губерний, а в апреле—мае — 42 губернии из 43, на которые распространялись действия Положений 19 февраля. Только в первые пять месяцев 1861 года во всех губерниях России произошло 1340 крестьянских выступлений. Подавляющая часть их падала на март, апрель и май¹⁵.

Неотъемлемой частью освободительного движения в стране являлась борьба крестьянства Пензенской губер-

¹⁴ «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», вып. I, СПб, 1880 (см. Пензенская губерния).

¹⁵ Сб. «Крестьянское движение в России в 1857—1861 гг.» М., 1963, стр. 12, 25—26.

нии. Причем здесь она приняла особенно широкие размеры. Это объясняется целым рядом причин: исключительно высокой степенью обострения аграрных противоречий, особой тяжестью феодальной эксплуатации крестьян, чрезмерным ограблением их реформой 19 февраля, наконец, большой концентрацией крепостного населения на сравнительно небольшой территории, что обусловило массовость движения и активность крестьянской борьбы. О масштабах движения и его активном характере можно судить по данным о количестве войск, привлекавшихся к подавлению волнений. По этим данным¹⁶, с конца марта и по июнь, в усмирении крестьян принимали непосредственное участие 3 батальона Казанского полка, 2 батальона Тарутинского полка и 5 рот Владимирского полка. В сумме это дает весьма внушительную цифру, составлявшую существенную часть общего количества войск, участвовавших в подавлении крестьянских волнений в России в первые два месяца после обнародования Манифеста и Положений 19 февраля¹⁷.

Волнения в губернии в связи с реформой начались во второй половине марта, но массовое движение развернулось в апреле—мае 1861 года. Классовая борьба крестьян в это время проявилась главным образом в отказе от выполнения барщины и уплаты оброка, неповиновении владельцам и местной администрации, настойчивых толках о подложности манифеста и требовании другой «настоящей» воли. Движение охватило все уезды и вовлекло в той или иной форме многие тысячи помещичьих крестьян. Обратимся к фактам.

ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В ЧЕМБАРСКОМ И КЕРЕНСКОМ УЕЗДАХ, КАНДИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Наиболее крупным событием во всем крестьянском движении весной 1861 года явилось восстание крестьян в Чембарском и Керенском уездах, распространившееся

¹⁶ Они выведены нами на основании документов Пензенского областного архива.

¹⁷ По данным П. А. Зайончковского, в апреле—мае 1861 г. в подавлении крестьянского движения в России принимали участие 47 батальонов, 187 рот пехоты, 38 эскадронов кавалерии и три сотни казаков. (П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 65).

на соседние уезды Тамбовской губернии — Моршанский и Кирсановский. Восстание носило ярко выраженный антикрепостнический характер и отличалось как своей массовостью, так и активными формами борьбы.

25 марта вспыхнуло волнение в имении графа Уварова селе Студенке Чембарского уезда. Крестьяне прекратили барщинные работы, собрали сход и послали верховых в соседние деревни с предложением присоединиться к ним. Волнение стало быстро распространяться, охватывая одно за другим окрестные селения. Крестьяне отказывались ходить на барщину и оказывали неповиновение местным начальникам. В конце марта к волнению примкнули крестьяне большого села Черногай, принадлежавшего тому же графу Уварову. Прибывшим в имение уездному исправнику Андрееву и приставу Григорьеву крестьяне единогласно заявили, что они на барщину не пойдут, чтобы с ними ни было¹⁸.

Из Черногай волнение перекинулось на другие селения уваровской вотчины. Крестьяне деревни Починки отказались от всякой обязанности по отношению к помещику, говоря, что «пусть прежде пойдут на работу черногайские», а затем сменили старосту и других представителей сельской администрации. В дальнейшем починковские крестьяне, как доносил уездный исправник, «действовали заодно с черногайцами».

Крестьяне села Чернышева, узнав о событиях в Черногае, послали туда своих представителей и по возвращении их прекратили исполнение барщинных работ, разобрали часть господского хлеба и инвентаря. Движение возглавил старый отставной солдат Варфоломей Горячев, который призывал крестьян к стойкости, даже если придется столкнуться с войсками. «В случае стрельбы мужики должны перековать всех солдат», — говорил он крестьянам.

В то же время волнения начались в Лопатине, Синятине, Альшанках, Грязнухе и других селениях, соседних с Черногаем. 3 апреля чембарский уездный предводитель дворянства Енгальчев сообщал губернатору, что пример черногаевских крестьян «начинает уже иметь влияние и на другие имения, где крепостные также не ходят

¹⁸ ГАПО, ф. 5, оп 1, д. 3951, л. 4.

на работу»¹⁹. Черногай превращался в центр разраставшегося крестьянского движения, для подавления которого оставалось только одно средство — применение военной силы.

В начале апреля вспыхнуло волнение в селе Высоком, имени помещика Кожина. Крестьяне отказались от исполнения барщинной повинности, прогнали управляющего, захватили и опечатали господский дом. «Земля теперь вся наша! Работать больше не пойдем!», — говорили они²⁰. В селе Высоком впервые была поставлена под сомнение подлинность объявленного манифеста. Крестьяне полагали, что в церкви им читали не тот манифест, что есть другой, настоящий и новые «Положения», по которым они должны получить свободу и всю господскую землю без выкупа. На сельском сходе, состоявшемся 2 апреля, его организаторы говорили, что царь прислал всем «бывшим помещичьим крестьянам о совершенной их вольности бумагу, писанную своею рукой, с пятью золотыми печатями и Георгиевским крестом, в коей государь написал, что, даруя вольность крестьянам, запретил им ходить на барщину, но помещики бумагу ту задерживают и что государь приказал всем крестьянам выбиваться на волю силой»²¹. Возникшая в селе Высоком версия о подложности манифеста сразу же получила широкое распространение и имела сильнейшее воздействие на борющееся крестьянство.

Высокое становится одним из центров начинавшегося восстания. Здесь сложилось ядро активных агитаторов и вожаков, оказывавших влияние на крестьянство не только своего селения, но и многих других сел и деревень Чембарского и соседних с ним уездов. Среди них первое место принадлежало шестидесятипятилетнему крестьянину этого села Леонтию Васильевичу Егорцеву, который, как говорилось в официальных донесениях, «бунтовал всю окрестность». В первые же дни восстания он, появляясь то в одном, то в другом селении, призывал крестьян добывать настоящую волю, не слушать чиновников и попов, которые действуют заодно с помещиками.

Леонтий Егорцев пользовался огромным авторитетом

¹⁹ ГАПО, Ф. 5, оп. 1, д. 3951, лл. 2, 4, 8, 78.

²⁰ Там же, л. 15.

²¹ «Красный архив», т. 1 (92), стр. 94.

среди населения. О его влиянии на крестьян генерал Дренякин писал царю: «Как оказалось впоследствии, он был самым опасным из бунтовщиков... он в короткое время успел приобрести огромное влияние во всем крае... Вера в него была так сильна, что из разных деревень присылали за ним тройки с приглашением прибыть к ним для

Кандиевское восстание.

С картины художника А. Северина.

разъяснения манифеста: водили его под руки, нося за ним скамейку, ставили на возвышение, с которого он по своему возвещал всем волю»²².

Главными помощниками Егорцева были крестьяне того же села Высокого Коровяков, Кошелев и Егоров. С красным знаменем, прикрепленным к высокому шесту, вставленному в колесо, положенное на телегу, они разъезжали по селениям на тройке лошадей, ведя агитацию, подымая крестьян на борьбу и сменяя сельскую администрацию. «Едва они вступали в околицу, — пишет очевидец поручик Худяков, — как им навстречу, с криком «Воля! Воля!» высыпало из курных изб все крестьянство

²² ГАПО, ф. 5, оп 1, д. 3951, л. 78, 263; сб. «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права». М.—Л., 1949, стр. 145—146.

от мало до велика. Барщина и хозяйство бросались. Начальство в образе старост, сотских и десятских более не признавалось. У всех на уме было только одно слово: «Воля! Воля!»²³.

Начавшееся в имени Уварова волнение разрасталось с большой быстротой, захватывая все новые селения, вовлекая в борьбу тысячи крепостных людей. Крестьяне собирались большими массами и требовали от священников и вотчинных начальников подлинный манифест.

5 апреля в большом селе Покровском, принадлежавшем помещику Виригину, собралось до 500 крестьян под руководством Леонтия Егорцева. Они потребовали от священника Ефимия Глебова «истинный» манифест — бумагу на полную, решительную волю, на «совершенную независимость от помещика и ни от кого». «А то к святой отошлетя бумага, — говорили крестьяне, — и мы опять на 20 лет останемся барскими». Глебов пытался убедить собравшуюся толпу, что у него нет такой бумаги, но ему было заявлено: «Врешь... убьем, зарежем, задущим, мир велик, человек, ты с барина подарки взял, в людях пришла воля, а у нас нет? Врешь! Вот в селе Высоком пришла воля и они теперь вольные»²⁴.

После решительных заверений Глебова о том, что у него никакого указа об увольнении крестьян от помещика нет, кроме зачитанного в церкви манифеста 19 февраля, крестьяне потребовали расписку в этом, которая и была написана Глебовым. После они отправились в вотчинную контору и, не найдя там «вольной», избили бурмистра и конторщика, а потом подвергли тщательному обыску дом управляющего именем. Вечером восставшие крестьяне пошли на господский двор и разобрали весь рогатый скот²⁵.

Между тем движение перекинулось в имение графа Шереметева, которому принадлежало в Чембарском уезде свыше пяти тысяч крепостных душ. Крестьяне центрального села Поим и прилегающих к нему деревень перестали ходить на господскую работу и отказались от

²³ «Исторический вестник», 1881, № 12, стр. 775; П. Ф. Махьяшев. Когда впервые в России было поднято Красное знамя. «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 206—207.

²⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3951, л. 47; сб. «Крестьянское движение в 1861 г.», стр. 140.

²⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3951, лл. 48—49.

повиновения начальникам, утверждая, что вышла вольная, «в коей не позволено повиноваться помещикам, а если попадутся на дороге где-либо земские чиновники, бить их и на том месте закапывать; помещики с ними (с крестьянами — А. Д.) ныне равны, и где господские дома находятся не внутри селения, а одни на площадях, то жечь их с людьми в них живущими»²⁶.

Волнение распространилось на села Глебовку, Николаевку, принадлежавшие помещице Эспехо, и на многие другие селения Чембарского уезда.

Вскоре движение захватило крестьян Керенского уезда. 6 апреля крестьяне села Кандиевки, имения помещика Волкова, в количестве 20 человек были в селе Высоком, где им сказали, что есть указ, которым «дана воля без всяких уже работ на помещика». По возвращении крестьяне отправились к местному священнику Тянгинскому в дом и потребовали от него такой указ. Священник уверил их, что, кроме читанного в церкви манифеста, никакой другой бумаги у него нет. На следующий день, 7 апреля, в Кандиевку прибыл становой пристав Кандагоров. Собрав сход, он пытался арестовать главных «зачинщиков» — Федора Силкина, Григория и Василия Ефимкиных, но крестьяне не дали ему осуществить это намерение.

В то же время начались волнения в селах Большой Буртас, Троицкое и в деревне Подгорной (имение графа Виельгорского). Здесь крестьяне также прекратили отбывание барщинной повинности и отказались от повиновения сельским начальникам. Их представители — Василий Горячев, Максим Потапов и еще несколько человек 8 апреля ездили в село Высокое и, возвратясь оттуда, объявили своим односельчанам, что есть указ, по которому приказано убивать помещиков и чиновников. Крестьяне большой толпой отправились к священнику Сперанскому и грозили убить его, если он не выдаст им волю. Священник бежал.

В тот же день (8 апреля) заволновались крестьяне села Черкасского, деревни Ильинской и других селений имения помещика Охотникова. Прибывшему в Черкасское становому приставу крестьяне заявили, что «выдан-

²⁶ Там же, лл. 62—63; сб. «Крестьянское движение в 1861 г.», стр. 281.

ные обществу манифест и «Положения» ничего не значат и все это мошенничество, есть указ, которым дается свобода без всяких на помещика работ»²⁷.

Уже в первых числах апреля антикрепостническое движение охватило большую часть селений Чембарского и Керенского уездов, приблизилось к границам соседних с ними Моршанского и Кирсанского уездов Тамбовской губернии. По примеру пензяков крестьяне многих сел и деревень этих уездов стали отказываться от барщины и не хотели повиноваться вотчинным начальникам и полиции. Тамбовские крестьяне посылали своих представителей в село Высокое послушать иное толкование манифеста, чем то, какое давали ему местные чиновники и священники.

Развитие крестьянского движения вызвало серьезную тревогу властей. За подавление восстания взялся свитский генерал-майор Дренякин, командированный в Пензу в связи с проведением реформы 19 февраля. По его указанию к Черногаю, ставшему с самого начала центром движения целого района, были стянуты войска 16-й пехотной дивизии: 10-я рота Тарутинского полка была расположена в селе Ершове, 9-я—в Алексеевке; батальон Казанского полка был переброшен в село Поим. Власти готовились к переходу в наступление против восставших.

Крестьяне, все время державшиеся весьма настороженно, заметив передвижение войск, решили собраться в Черногае, чтобы общими усилиями «отбиться от помещиков». К 10 апреля в Черногай сошлось и съехалось на лошадях до 3-х тысяч человек из 26 селений разных уездов, причем толпы людей все прибывали. Крестьяне, вооруженные кольями, косами, вилами и топорами, не расходились ни днем, ни ночью, ожидая прибытия войск. Отряды восставших дежурили на улицах села, по всем дорогам, идущим от него, были расставлены караулы и дозоры.

9 апреля в Черногай прибыли для наведения порядка исправник Андреев и пристав первого стана Григорьев. Вслед за ними туда явилась 10-я рота Тарутинского полка. Исправник приказал командиру роты поручику Линденбауму арестовать главных «зачинщиков», замеченных

²⁷ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 3951, л. 26.

еще ранее, что и было исполнено. Тогда толпа крестьян, вооруженных кольями, бросилась освобождать своих товарищей. Произошла схватка с солдатами, во время которой арестованные, разбив окно, выскочили из избы и смешались с толпой.

На следующий день с раннего утра в Черногай стали съезжаться с разных сторон новые отряды вооруженных крестьян. Исправник, становой пристав и управляющий именем Пичугин вышли из дома сотского на улицу и стали разъяснять крестьянам «Положения», требуя немедленно возобновить барщинные работы. В ответ на это требование крестьяне заявили, что помещику они больше не подневольные и работать на него не будут. Во время разговора исправник и управляющий были окружены собравшимся народом, послышались крики: «Бей, души их!». Крестьяне начали бить Пичугина. Собранная Линденбаумом рота, пробившись прикладами через толпу к месту действия, вывела из круга исправника и управляющего, которые не замедлили скрыться в избу. Рота построилась в боевой порядок, взяв ружья на руку. Несмотря на убеждения ротного командира отойти от фронта, крестьяне начали сильно наступать, имея в руках дубины, вилы и пешни, а затем стали бить солдат и офицеров. С крыш ближайших домов в роту летели камни и кольца. Тогда по приказу Линденбаума по толпе был дан залп, от которого упало несколько человек.

Толпа отхлынула назад, но это было одно мгновение. С новым ожесточением она бросилась на воинскую команду, сбила с ног двух солдат, а у других успела вырвать несколько ружей. Преследуемая народом и отстреливаясь, рота начала отступать вдоль улицы и, выйдя за околицу, ушла в село Ершово²⁸. Во время схватки крестьяне потеряли трех человек убитыми и четырех ранеными, солдаты потеряли трех человек ранеными.

В плену у крестьян остались, кроме раненых солдат, исправник, управляющий Пичугин и приказчик Байков. Все трое были закованы в кандалы и рассажены по разным избам под караул. Были высказаны предложения утром повесить их на перекладине ворот.

Вечером этого дня в Черногай из села Алексеевки

²⁸ ГАПО, ф. 5., оп. I., д. 3951, лл. 20, 45; «Исторический вестник», 1881, № 12, стр. 778—779.

прибыла 9-я рота Тарутинского полка, которая освободила арестованных.²⁹

12 апреля в район восстания из Пензы выехали генерал-майор Дренякин и штаб-офицер корпуса жандармов майор Лакс. Через два дня они прибыли в село Поим, находящееся вблизи Черногая. К этому времени в Поим были перемещены 1, 3 и 4-я роты Казанского пехотного полка и третий батальон Тарутинского полка. С этими силами начала действовать карательная экспедиция генерала Дренякина по подавлению восстания. 15 апреля Дренякин в сопровождении военной команды отправился в Черногаю и арестовал там 12 «злостных бунтовщиков». В виду большого количества войск крестьяне не оказали сопротивления карателям.

Одержав первую «победу» над восставшими, генерал донес шефу жандармов: «Кротость покорила уваровских. Виновники взяты. Берусь за Высокое, Покровское. Завтра увижу Лакса в Кандиевке. Испрашиваю себе повеление, не наполняя острогов, решить виновных по моему суду»³⁰.

16 апреля карательная экспедиция перешла в село Высокое, где произвела аресты «зачинщиков возмущения». «Главный же возмутитель Леонтий Егорцев того же села не мог быть мною захвачен,— доносил Дренякин,— ибо, как позднее дознано, узнавши о прибытии военной команды, он еще накануне был вывезен в Кандиевку в возу соломы... Он был самый опасный из бунтовщиков».³¹

Действия карателей не остановили крестьянское движение и не ослабили его. Оно продолжало расширяться, вовлекая в борьбу новые массы людей. Центром восстания становится село Кандиевка, куда с разных сторон собирались крестьяне, решившие защищать подлинную свободу.

Народ большими массами валил в Кандиевку. Сюда съезжались на лошадях и сходились пешком крестьяне из разных деревень четырех уездов Пензенской и Тамбовской губерний. Дворы и улицы были заполнены прибывшими людьми, многие, не разместившись в самом селе, расположились вокруг него. По всем дорогам были

²⁹ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 3951, л. 45.

³⁰ Там же, л. 72.

³¹ Там же, л. 263.

расставлены караулы, высланы конные разъезды. Между Кандиевкой и окружающими селениями была установлена постоянная связь. По деревням рассылались верховые, которые призывали крестьян на помощь, «обещая взаимное пособие».

На Кандиевку восставшие крестьяне смотрели как на место, где произойдет окончательная развязка — решится вопрос о воле. Егорцев и другие руководители движения убеждали крестьян в том, что они должны держаться дружно и сплоченно, не выдавать своих и не бояться, если даже придется столкнуться с правительственными войсками. При этом они ссылались на факт удачного столкновения крестьян деревни Черногай с ротой солдат (10 апреля), в результате которого у солдат было отнято несколько ружей и взяты пленные.

К 14 апреля в Кандиевку собралось до 10 тысяч крестьян. Растерявшееся уездное начальство было не в состоянии что-либо предпринять и просило генерала Дренякина поскорее прибыть с войском для подавления восстания. Сам Дренякин, находясь еще в Черногае, доносил царю о положении в Кандиевке: «В сказанном селе волнение начинает принимать угрожающие размеры: народ толпами не перестает прибывать из разных сел и деревень, расхаживая по улицам с кольями и дубинами».³²

Расправившись с черногайцами и побывав в Высоком, карательная экспедиция перешла в Кандиевку. Сюда было собрано семь стрелковых рот. Кроме того, роты солдат стояли в Высоком, Большом Буртасе, Покровском и некоторых других селениях, окружавших Кандиевку. Эти войска в случае необходимости также могли быть направлены на подавление восстания. В дополнение батальон Тарутинского полка находился в Моршанском уезде, на границе с Керенским, в распоряжении генерал-лейтенанта Винценгероде, который мог придти на помощь Дренякину.

Появившись в Кандиевке вечером 16 апреля, генерал Дренякин подъехал к собравшейся на улице толпе и стал разъяснять царскую «волю». Но на все его убеждения смириться и повиноваться помещикам, крестьяне единодушно отвечали: «Не будем работать на помещика и на оброк не хотим, хоть всех нас перевешай». Впереди

³² ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 263.

толпы стоял отставной солдат, семидесятидвухлетний Андрей Елизаров, участник Отечественной войны 1812 года, награжденный за боевые заслуги медалями и нашивками. Он был одним из главных руководителей кандиевского восстания, оказывавшим большое влияние на крестьян. По приказанию Дренякина Елизаров был схвачен жандармами и уведен. Видя, что толпа начинает волноваться, генерал выбрался из нее и поспешил к войскам, расположенным в полуверсте от села у господского дома. На следующий день, 17 апреля, Дренякин через бурмистра, а затем через священника и сотского пытался добиться от крестьян присылки к нему «нескольких разумных стариков-домохозяев», чтобы они, выслушав его, «могли бы образумить прочих». Но ни один человек не был прислан к генералу. Крестьяне были уверены в своей правоте и не хотели повиноваться³³.

Дренякин стал готовиться к расправе с восставшими крестьянами. К 18 апреля вокруг Кандиевки было сосредоточено девять стрелковых рот. Часть войск под командованием самого Дренякина предназначалась для непосредственных боевых действий против повстанцев, другая часть должна была охранять фланги, тыл и дороги, ведущие в село. В случае, если крестьяне окажут решительное сопротивление и село останется за ними, намечалось зажечь Кандиевку. Крестьяне внимательно следили за всем, что происходило в лагере их противника и тоже готовились к схватке. На многих дворах были сложены топоры, вилы, косы и другое оружие. Рассчитывая в случае необходимости покинуть село, крестьяне в ночь на 18 апреля наскоро настлали переходы через реку, протекающую за Кандиевкой, и к ним подвезли свое имущество³⁴.

Утром 18 апреля Дренякин получил телеграмму шефа жандармов с уведомлением о разрешении ему, Дренякину, поступить с виновными по своему усмотрению.

Получив депешу, войска под командованием генерала Дренякина двинулись от господского дома в село со стороны площади, разделявшей Кандиевку на две части. Улица справа длиной более версты была заполнена мно-

³³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3951, л. 264.

³⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3951, лл. 265—266.

готысячной толпой крестьян, собравшихся из многих селений.

Остановив колонну в 300 шагах от края толпы, генерал потребовал от крестьян повинования и возобновления господской работы. Но его слова были заглушены криком: «Не повинуюемся! Ничего не хотим! За бога и царя умираем, а на работу к господам не пойдем!» «Если не покоритесь, то я прикажу в вас стрелять», — пригрозил Дренякин. Но эти слова не произвели никакого действия на упорствующих крестьян. Тогда генерал подал команду: «Первая шеренга, кладсь! Пли!» Раздались выстрелы. Несколько крестьян, пронзенных пулями, упало, но остальная масса продолжала стоять на месте, не выразив никаких признаков колебания. Наступило минутное затишье: «Просите пощады, иначе буду продолжать стрелять!» — приказал генерал Дренякин. Крестьяне, придвинувшись ближе к войску, прокричали: «Все до одного умрем, но не покоримся». Снова раздалась команда: «Вторая шеренга, кладсь! Пли!» Последовали новые выстрелы. Попадали и новые жертвы. Но это не поколебало крестьян. С поднятыми руками они продолжали кричать: «Все умрем, а на помещика работать не будем». Тогда по команде генерала раздался третий залп. Новые жертвы пали под пулями карателей, но толпа не двигалась. «Крестьяне валились как снопы, — вспоминал поручик Худяков. — остальные же стояли стеною неподвижно, как бы не сознавая того, что эти залпы унесли много жизней».

Офицеры, участвовавшие в карательной экспедиции, утверждали, что храбрость и стойкость кандиевских крестьян не имеет примера в летописях военной истории. «Крестьяне, — говорили они, — выдержали три залпа чуть ли не в упор и все-таки не дрогнули; они стояли неподвижно, глядя смело вперед». «Всем бы этим мужикам за их стойкость по Георгию повесить на кафтан!» — перешептывались между собою офицеры³⁵.

После третьего залпа Дренякин, видя стойкость составших и бесполезность дальнейшей стрельбы, принял внезапную атаку, в результате которой группа

³⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3951, лл 266—267. См. также: «Исторический вестник», 1881, № 12, стр. 788, 789.

крестьян в 410 человек была отрезана от остальной толпы и выведена из Кандиевки в поле. Остальные отступили вглубь селения и к ночи покинули его. На месте палаческой расправы остались 8 убитых и 28 раненых крестьян. Одиннадцать тяжелораненых вскоре умерли. Таким образом, в Кандиевке от пуль карателей всего погибло 19 человек.

Правительство полностью поддерживало действия усмирителей. Получив донесение о кровавой расправе с крестьянами села Кандиевки, Александр II послал Дреникину телеграмму, в которой одобрял принятые им меры по восстановлению порядка. «Благодарю за дельные распоряжения», — писал царь-«освободитель».

Захваченных 410 участников восстания Дреникин предал военно-полевому суду, составленному из офицеров Казанского полка. Следствие и суд были очень коротки. Крестьян по одному вызывали к столу, поставленному во дворе барской усадьбы, и спрашивали будут ли они повиноваться властям и исполнять господскую работу. На эти вопросы допрашиваемые или решительно отказывались отвечать, или же давали отрицательные ответы. Дреникин, используя предоставленное ему царем право решить участь виновных по «своему суду», тут же выносил приговоры, которые затем приводились в исполнение.

Всего было осуждено 169 человек. Из них 28 приговорены к наказанию шпицрутенами от 400 до 700 ударов и к ссылке на каторгу сроком от 4 до 15 лет, 80 — к наказанию шпицрутенами от 200 до 400 ударов и к ссылке на поселение в Сибирь, 58 — к наказанию розгами от 50 до 250 ударов с последующим освобождением. Кроме того, три человека были приговорены к наказанию шпицрутенами и направлению на службу в линейные батальоны³⁶.

Приговоры о телесных наказаниях приводились в исполнение на месте, в пределах барской усадьбы. Осужденные переносили наказания стойко и мужественно, без единого стога. «Спины крестьян были обнажены, — рассказывал участник карательной экспедиции поручик Худяков, — руки их крест-накрест привязаны к ружейному прикладу, за дуло же держали два солдата, которые

³⁶ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 3951, лл. 204—205.

вели приговоренного до «зеленой роще» под звуки унылого барабанного боя... Картина была за душу хватающая, и невольно вызывала слезы у всех присутствующих. Ключьями летело живое мясо от гибких хлыстов, обвивавших, словно змеи, грудь и спины мужиков. Звонко раздавался мерный свист и визг шпицрутенов. Но казалось, что эти несчастные фанатики и не чувствовали боли. Они шли по «зеленой роще» точно на праздник. Просвистят две сотни хлыстов и нарочно остановят печальную процессию. «Ну, что? Каешься ли? Пойдешь ли теперь на работу?» — спросят мужика, спина которого представляет одну бесформенную массу, из которой торчали куски прутьев, врезавшихся в тело. Несчастный во время приостановки только вздохнет как-будто бы свободней и произнесет: «На работу не пойду. Дорезывайте меня». И снова льется кровь, без стопа, без воплей»³⁷.

Эти зверские истязания не страшили крестьян, стоявших в толпе и ожидавших своей очереди. Один за другим они шли к допросу спокойно и безмолвно, и их гнали сквозь строй с теми же приостановками и с теми же вопросами, на которые они отвечали так же, как и их товарищи. По свидетельству самого Дренякина крестьяне не смирились и после исполнения над ними приговора. «Хоть убей, но на работу не пойдём и на оброк не хотим», — говорили они.³⁸

Особенно жестокое наказание понесли вожаки крестьянского движения — Василий Горячев, Павел Буданов, Исая Конобевцев, Максим Потапов и другие активные участники и организаторы крестьянской борьбы. Их приговорили к наказанию шпицрутенами в количестве 700 ударов и к ссылке в сибирские рудники сроком на 15 лет. Суровому наказанию подвергся 72-летний старик Андрей Елизаров. Его лишили всех знаков отличия, прав состояния и сослали в Иркутскую губернию. Там он вскоре умер.

Леонтия Егорцева царским карателям захватить не удалось. После событий 18 апреля в Кандиевке он некоторое время скрывался в Керенском и Нижнеломовском уездах, переходя из селения в селение. В первой половине мая Егорцев переправился в Тамбовскую губернию,

³⁷ «Исторический вестник», 1881, № 12, стр. 789.

³⁸ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 3951, л. 268.

село Сенцовку Липецкого уезда, где в ночь с 15 на 16 мая умер в доме своего родственника Парамона Горохова.

Несмотря на кровавую расправу с восставшими 18 апреля, положение в Кандиевке оставалось напряженным. В течение недели Дренякин, по собственному его признанию, «не решался перевести войска с бивуака на квартиры», опасаясь новых выступлений крестьян. Оставаясь все это время в селении, генерал производил новые дознания, подвергая наказанию виновных.

25 апреля Дренякин с военной командой отправился из Кандиевки в село Покровское и по прибытии туда арестовал 43 активных участника движения. Их них 21 человек был подвергнут наказанию шпицрутенами. 26—28 апреля карательная экспедиция побывала в Высоком, Поиме, Чернышеве, производя аресты и устраивая массовые порки крестьян.

К концу апреля основные очаги движения в Керенском и Чембарском уездах были подавлены. 30 апреля генерал Дренякин возвратился в Пензу, «удостоверившись предварительно в покорности крестьян».³⁹ Однако карательные войска были оставлены в селениях района восстания.

Герцен и Огарев, внимательно следившие за развитием событий в России, помещали на страницах «Колокола» статьи о крестьянском движении и действиях царских карателей. «Вам известно, что государь разослал по всем губерниям своих флигель- и генерал-адъютантов, — говорилось в номере 98 от 15 мая 1861 года. — Адъютанты исполняют поручение. В нескольких губерниях действуют розги, действует войско, льется кровь. Да, русская кровь льется рекой!.. Ужасом, слезами наполняют нас новости, идущие со всех сторон. Бедные, бедные крестьяне! Ведь в Европе не подозревают, что такое значит у нас усмирение солдатами, генерал-адъютантское флигель-адъютантское усмирение».

В «Колоколе» нашли отражение и пензенские события. С поразительной точностью передавались факты крестьянского движения в Чембарском и Керенском уездах. «В Пензенской губернии, Чембарского уезда, восстали крестьяне вотчин гр. Уварова в числе несколь-

³⁹ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 3951, л. 269—270.

ких тысяч душ; посланная против них рота принуждена была отступить; в руках крестьян остались исправник, становой, юнкер и несколько рядовых; два батальона посланы для усмирения»⁴⁰. В заметке «Убийства в Пензенской губернии», помещенной в 102 номере, сообщалось о результатах усмирения крестьян в селе Кандиевке. «Генерал Дренякин, — говорилось в заметке, — положил в одном селении, оказавшем послушание, 9 человек, 28 ранено, 30 прогнано сквозь строй, 22 на поселение, а следствие еще продолжается». Дренякина наряду с другими усмирителями крестьянского движения Герцен и Огарев называли «кровавленным», «мрачным Каином самовластия и крепостного права».

Применяя все средства расправы с участниками крестьянских волнений, пуская в ход пули и розги, заключая в тюрьмы, ссылая на каторгу и поселение, самодержавие в то же время объявляло монаршее благоволение проводникам и исполнителям его воли на местах. По представлению генерала Дренякина участники подавления кандиевского восстания были награждены орденами и медалями, в том числе жандармский офицер майор Лакс, керенский предводитель дворянства Ранцов, чебарский предводитель Енгальчев и другие лица, а также офицеры частей 16-й пехотной дивизии. В связи с этим Герцен писал в «Колоколе»: «Храбрый Дренякин представлял к награде «молодцов», убивавших крестьян, наших братьев, русских крестьян. Чем же их наградить? Надобно выписать австрийские или прусские кресты — не русскими же награждать за русскую кровь!». Герцен советовал правительству заняться изготовлением медали, на которой — «С одной стороны, венки из розг, связанный флигель-адъютантским аксельбантом — а с другой стороны: «Сим освобождаю!»⁴¹.

Кандиевское восстание — одно из самых крупных в России крестьянских выступлений в ответ на реформу 1861 года.

Основным требованием восставших было: полное освобождение от крепостной зависимости с передачей крестьянам помещичьей земли без всякого выкупа и пере-

⁴⁰ «Колокол», л. 98, 15 мая 1861 г., стр. 821.

⁴¹ «Колокол», л. 104, 1 августа, 1861 г., стр. 876.

ходного состояния. Отсюда вытекали лозунги движения; «Вся земля наша, на помещика работать не будем!».

В ходе восстания со всей силой проявилась классовая ненависть крестьян к эксплуататорам. Это было четко выражено в словах: «Всех помещиков и чиновников убивать и на том же месте зарывать в землю».

Восстание выделяется среди других крестьянских движений 1860-х годов быстротой распространения, масштабом охвата крестьянства, высокой степенью напряженности классовой борьбы. Начавшись в конце марта в Студенке и Черногае, оно, быстро развертываясь, к середине апреля охватило около ста селений с десятками тысяч крепостных крестьян. Его кульминационным пунктом явились события 18 апреля в Кандиевке. Расстрел в Кандиевке, аресты и последующая экзекуция оборвали дальнейшее нарастание крестьянского движения в этом районе. Под воздействием карательных мер восстание быстро идет на спад и прекращается к исходу апреля.

Кандиевское восстание отмечено большим упорством и настойчивостью крестьян, веривших в правоту своего дела. Исключительную стойкость восставшие показали в Кандиевке при столкновении с войсками и во время экзекуции.

Вместе с тем, в Кандиевском восстании отчетливо проявилась царистская идеология крестьян, их непоколебимая вера в царя-батюшку, который дарует народу «настоящую волю». Царистские иллюзии, во власти которых были крестьяне, суживали масштаб движения, снижали его активность⁴².

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ В 1861 ГОДУ В ДРУГИХ УЕЗДАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Наряду с Кандиевским восстанием крестьянские волнения в связи с реформой 19 февраля происходили и во

---

⁴² О движении крестьян в Чембарском и Керенском уездах в 1861 г., см. также: В. А. Шварев. Кандиевское восстание. Пенза, 1955.

многих других местах Пензенской губернии. Остановимся на некоторых из них.

Крупное волнение крестьян произошло в конце марта—начале апреля в имении помещика Михайловского-Данилевского—селе Чемодановке Городищенского уезда. Крестьяне отказались исполнять барщину и платить оброк, а затем, съехавшись в большом числе на Леонидовский винокуренный завод, принадлежавший этому помещику, спустили брагу.

На подавление волнения в село Чемодановку были направлены две стрелковых роты Владимирского пехотного полка, с помощью которых крестьяне были усмирены, зачинщики наказаны.

В начале апреля началось волнение в имении помещика Дубенского — селе Никольском и деревне Александровке, расположенных от села Чемодановки в пяти верстах. Здесь крестьяне также отказались от исполнения барщины, самовольно сменили сотского и прогнали станового пристава, пытавшегося арестовать «зачинщиков». «Народ в деревнях Никольской и Александровке,— доносил городищенский исправник, — находится в самом возмутительном положении и после сделанных им с приставом буйств, он решительно до усмирения их опасается въехать в эти деревни»⁴³. По распоряжению губернатора в имение Дубенского была введена военная команда, волнение было подавлено, виновные подвергнуты экзекуции⁴⁴.

Между тем движение, разрастаясь, захватило деревни Борисовку, Степановку и стало распространяться на другие селения Городищенского уезда. Размещение трех рот Владимирского полка в наиболее «угрожаемых» пунктах предотвратило дальнейшие выступления крестьян в этом районе.

Крупные волнения происходили в Мокшанском уезде. В начале мая крестьяне двух больших сел — Танеевки и Анучино (имение Араповых) отказались от господских работ. Прибывший в Анучино заседатель земского суда Иванов приказал собрать сход и потребовал от крестьян, чтобы они шли на барщину. Сход отказался выполнить это требование. Когда же заседатель арестовал «главно-

⁴³ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 3952, л. 11.

⁴⁴ Там же, л. 14.

го подстрекателя» Архипа Чижикова, то толпа до 100 человек с криком и угрозами бросилась к арестованному и освободила его. Будучи убеждены в законности своих действий крестьяне избрали из своей среды трех уполномоченных и направили их в Пензу для подачи жалобы высшему начальству.

Для восстановления порядка в имение Араповых была командирована 9-я рота Владимирского пехотного полка. Зачинщики движения в количестве 12 человек были арестованы и наказаны розгами, остальные крестьяне смирились⁴⁵.

1 мая возникло волнение в вотчине княгини Ухтомской, охватившее четыре селения: Михайловское, Николаевку, Александровку и Васильевку. Крестьяне в количестве 500 тягол отказались от работы на помещицу и послали своих доверенных в город Пензу разузнать о полной воле. Становому приставу, пытавшемуся «вразумить» ослушников, крестьяне заявили, что «весь мир не поедет пахать, ибо так приказано от государя императора». При этом, как доносил пристав, более всех крестьян старался возмущать Иван Васильевич Штапов. Для внушения неповиновующимся высочайшей воли в имение прибыл мокшанский уездный исправник. Иван Штапов и другие руководители движения были наказаны розгами, остальные смирились.

Подобные «беспорядки» имели место в селах Верховке, Чернозерье, деревне Малый Левин и других селениях Мокшанского уезда. Крестьяне отказывались от исполнения барщинной повинности и неповиновались вотчинным начальникам и земской полиции. Во всех случаях волнения прекращались только после ареста и наказания «зачинщиков».

В течение апреля—мая крестьянские волнения произошли также в селах Безруковке и Андреевке Нижнеломовского уезда, селах Токмове, Хитрове и деревне Буд Инсарского уезда, в деревнях Рыскиной и Шихиной Наровчатского уезда и в других местах. Волнения были подавлены с помощью экзекуционных мер⁴⁶.

Под воздействием правительственных репрессий крестьянское движение в губернии, достигшее наибольшего

⁴⁵ Там же, д. 3954, лл. 1—3, 10.

⁴⁶ См. ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3955, лл. 8, 10, 11, 13, 14; 18—20.

размаха в апреле—мае 1861 года, начиная с лета этого года, пошло на спад. Количество волнений резко сократилось. Снизилась степень активности и напряженности борьбы. Уменьшилась широта охвата масс движением. Если в апреле, по данным Пензенского областного архива, крестьянскими волнениями было охвачено 74 селения, в мае — 9, то с июня по декабрь — 7 селений⁴⁷.

Но классовая борьба в деревне не прекратилась. 5 августа городищенский исправник доносил губернатору, что по случаю объявления высочайшего манифеста во многих местах происходят волнения крестьян, в связи с чем взыскание податей и недоимок «почти вовсе остановилось».⁴⁸ 15 октября крестьяне села Шеина Керенского уезда произвели нападение на мирового посредника 1-го участка Логвинова при проезде его по улице села, называемой «Низ». За «дерзость и злоумышление» четыре крестьянина были преданы суду⁴⁹. В декабре 1861 года вспыхнуло волнение в имении князя Куракина — селе Куракино Городищенского уезда. Местные власти пытались «вразумить» крестьян мерами полицейского взыскания, но эти меры не имели успеха. Волнение затихло после того, как в село Куракино была введена военная команда⁵⁰.

О классовой борьбе, происходившей в это время в деревне, говорят и еженедельные доклады министра внутренних дел Александру II, составлявшиеся на основе еженедельных докладов губернаторов «О ходе крестьянского дела». «По сведениям, полученным из Пензенской губернии с 10 по 17 августа, — читаем мы в докладе министра внутренних дел, — в большей части имений Чембарского и Керенского уездов полевые работы выполняются дурно, так что по отзывам посредников только три четверти господских полей будут засеяны озимым хлебом».⁵¹

⁴⁷ Эти данные являются далеко неполными, так как в ряде случаев в документах указаны лишь названия центральных селений помещичьих имений с прибавлением слова «с деревнями», название же деревень не указано.

⁴⁸ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 3491, л. 7.

⁴⁹ Там же, д. 3959.

⁵⁰ Там же, д. 3965.

⁵¹ Сб. «Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862 гг.», АН СССР, М—Л., 1950, стр. 62.

Та же картина наблюдается и в сентябре. По сведениям, полученным с 14 по 21 сентября, в Пензенской губернии «полевые работы на крестьянских полях шли весьма успешно; на помещичьих же не так удовлетворительно, как в прежние годы». ⁵² Нет никакого сомнения в том, что плохая обработка помещичьей земли — это одна из форм классовой борьбы крестьянства за свои интересы, выражение его отношения к крепостнической реформе 19 февраля.

Итак, крестьянское движение в Пензенской губернии в период наивысшего подъема революционной ситуации в 1861 году приняло крупные размеры. Оно намного превосходило по своим масштабам движение дореформенных лет, охватив в той или иной мере почти всю губернию. По степени массовости движения, интенсивности классовой борьбы, ее остроте Пензенская губерния, наряду с Казанской, стояла на первом месте в великороссии. Выражая собой решительный протест крестьянских масс против крепостнических условий реформы, движение принимало самые различные формы: отказ от исполнения повинностей, самовольная смена вотчинной администрации, неповиновение местным властям, отказ выдать зачинщиков и освобождение арестованных товарищей и т. д., вплоть до массовых восстаний и сопротивлений воинским командам (события в Черногае и Кандиевке). Основными лозунгами этого периода были: «Земля наша крестьянская!», «На помещика работать больше не будем!», «Манифест не настоящий, подложный!», «Чиновники и попы подкуплены помещиками. Они обманывают народ, прячут от него истинную волю». Объективный смысл этих лозунгов означал борьбу за полную ликвидацию крепостнического общества и всех его пережитков, за демократический путь развития страны.

Но крестьянское движение в этот период, несмотря на широкий размах и активные формы, имело те же недостатки и слабые стороны, как и на предшествующих этапах, т. е. оно оставалось стихийным, неорганизованным, не было освещено ясным политическим сознанием своей цели. Важным моментом в идеологии крестьянских масс была наивная вера в «доброе царя». Крестья-

⁵² Там же, стр. 73.

не признавали подлинность манифеста и Положений, полагая, что от них скрывают настоящий манифест, истинную, дарованную царем волю. С середины 1861 года на смену убеждению в подложности манифеста приходит вера в то, что через два года царем будет объявлена «настоящая воля» и крестьяне ожидали этого дня.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГУБЕРНИИ В 1862—1863 ГОДАХ

С конца 1861 года начинается новый этап крестьянского движения, который охватывает и последующие два года. Характерной чертой этого периода был отказ крестьян принимать уставные грамоты в ожидании нового положения.

Уставные грамоты составлялись по каждому помещицкому имению и должны были быть введены в действие в течение двух лет со дня обнародования Положений 19 февраля. Грамоты нормировали отношения между помещиками и временнообязанными крестьянами впредь до заключения выкупной сделки на землю. В них указывалось число душ в имении, подлежащих наделению землей, определялся размер крестьянских наделов и повинности в пользу землевладельцев, размер выкупной суммы за усадьбу, порядок пользования выгонами, водопоями, прогонами.

Уставные грамоты являлись для помещиков юридическим основанием того безудержного грабежа крестьян, который осуществлялся при проведении в жизнь реформы 1861 года. При помощи уставных грамот владельцы могли в больших размерах провести обезземеливание крестьян путем отрезки от их прежних наделов. Поэтому составление и введение в действие грамот встречало везде упорное сопротивление крестьян. Во многих случаях оно принимало форму открытых волнений.

Остановимся на отдельных крестьянских выступлениях, имевших место в Пензенской губернии.

Наиболее крупным эпизодом крестьянской борьбы в этот период было волнение в имении помещика Ахматова — селе Назарьевке Мокшанского уезда. В конце января 1862 года назарьевцы всем селом в 150 душ отказались от принятия составленной помещиком уставной грамоты и от исполнения по ней повинностей. Мировому

посреднику Кошкарову они заявили, что «будут два года работать по-прежнему и никто не смеет их заставить исполнять (повинности) по новому положению».⁵³

20 февраля в имение Ахматова прибыл чиновник губернаторской канцелярии Кастаньский с предписанием принять «общие меры» для восстановления порядка, а в случае необходимости прибегнуть к помощи воинской команды. Собрав сход, Кастаньский потребовал от крестьян принятия грамоты. Ответом был «всеобщий оглушительный крик»: «Не хотим!» Тогда чиновник приказал арестовать наиболее активных организаторов сопротивления крестьян Сыся Замарзаева и Лаврентия Шепелева. Но это не помогло, крестьяне стояли на своем. 21 февраля в Назарьевку была введена седьмая рота Владимирского пехотного полка, а в след за ней туда прибыл штаб-офицер корпуса жандармов полковник Заранек. Несколько часов, потраченных им на увещевание крестьян, ни к чему не привели. После этого назарьевцам было объявлено, что солдаты будут у них на постое до тех пор, пока они не примут уставную грамоту. Виновные же «в ослушании... местной власти будут наказаны по суду».⁵⁴ Но и угроза не поколебала решимости крестьян бороться за подлинную, полную волю.

Считая действия местных властей незаконными, назарьевские крестьяне отправили своих уполномоченных Григория Земскова и Евстифея Чижикова в Петербург для подачи прощения на имя царя. В этом прощении крестьяне жаловались, во-первых, на плохое качество земли, отведенной им в надел, во-вторых, на разорительности воинского постоя, истощавшего их хозяйства, от чего «многие пришли в крайне бедственное состояние», в-третьих, на незаконный арест двух крестьян «престарелых лет».

Крестьяне заявляли о своем желании получить землю на выкуп и о прекращении обязательных отношений с помещиком.⁵⁵

В марте и апреле положение в Назарьевке не изменилось. Ожидая «разрешения» на поданную на имя царя жалобу, крестьяне продолжали упорствовать, не ходили

⁵³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4055, л. 1.

⁵⁴ Там же, л. 30.

⁵⁵ Там же, л. 99—100.

на барщину, в результате чего господские поля остались незасеянными.

Власти готовились к расправе над неповинующимися крестьянами. В подкрепление седьмой роты в имение Ахматова прибыла еще рота Владимирского пехотного полка. Следственная комиссия собирала обвинения против назарьевцев. 26 мая министр внутренних дел Валуев телеграммой сообщил губернатору Куприянову, что ему

Ссыльные крестьяне на этапе.
С рисунка художника А. Ключева

(губернатору) дано разрешение действовать «без ограничений».

После короткого следствия, 2—10 июня состоялся военный суд, который вынес жестокие приговоры. Всего было осуждено 63 человека, или 42 процента всех крестьян мужского пола. Особенно суровому наказанию подверглись вожаки движения в количестве 11 человек, в том числе и ходоки в Петербург. Они были приговорены к наказанию шпицрутенами от 300 до 400 ударов и к ссылке на каторжные работы — двое на 6 лет, де-

вать — на 4 года с последующим поселением в Сибири навсегда.⁵⁶ Приговоры о телесных наказаниях приводились в исполнение в селе Назарьевке, куда предварительно были высланы, по указанию начальства, по два человека от каждого селения Мокшанского уезда, «дабы они могли видеть наказание». Эзекуция производилась с помощью солдат, находившейся в Назарьевке военной команды, численность которой к этому времени увеличилась до четырех рот. Крестьяне мужественно перенесли зверские истязания, ни словом не прося пощады. По свидетельству самого губернатора, крестьяне «вынесли наказание, не оказывая ни малейшего раскаяния».⁵⁷

10 июня военно-судная комиссия вынесла приговоры еще 52 крестьянам, «пособникам главных виновников». Из них 26 человек были присуждены к наказанию шестьюдесятью ударами розг и отдаче в арестантские роты на два года, остальные 26 — к наказанию розгами от 40 до 60 ударов с последующим освобождением.⁵⁸ Приговор был приведен в исполнение 15 июня. «Все крестьяне принимали наказание безропотно, — доносил член военного суда Колоколов, — и младшие... вслед за старшими приняли наказание... в виду своих родных».⁵⁹

Несмотря на жесткую расправу, назарьевское сельское общество продолжало упорно отказываться от принятия уставной грамоты. В течение всего лета 1862 года крестьяне не выходили на барщину и не повиновались местной власти.

Сопротивление крестьян введению уставной грамоты, убытки, понесение от того, что господские поля остались незасеянными, заставили помещика Ахматова перевести крестьян на выкуп (в сентябре 1862 года). Выкупной договор имел грабительский характер. Назарьевцы получили ничтожные наделы (менее двух десятин на душу). За землю и личную свободу они должны были уплатить владельцу по 30 рублей серебром с души, а со всех

⁵⁶ Там же, л. 204; Сб. «Отмена крепостного права», стр. 185.

⁵⁷ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4055, л. 210.

⁵⁸ Там же, лл. 196—201; «Отмена крепостного права», стр. 185.

⁵⁹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4055, л. 221.

110 душ — 3300 рублей.⁶⁰ Кроме того, они обязаны были выплачивать ежегодно в течение 49 лет выкупную ссуду государству по 7 рублей 20 копеек с души, а со всего общества — 792 рубля серебром в год.⁶¹ Сверх выкупной суммы крестьяне уплатили помещику крупный штраф «за прогульные дни». После заключения выкупной сделки обязательные отношения крестьян с помещиком прекратились.⁶²

Волнение в имении Ахматова оказало влияние на другие селения Мокшанского уезда. Так, в марте 1862 года крестьяне села Чиркова не стали подписывать уставную грамоту, отказались от барщины и не хотели повиноваться вотчиной администрации. Зачинщиками «беспорядка» были крестьяне Даниил Голов и Никита Федоров, которые вели среди односельчан соответствующую агитацию. С помощью полиции движение было прекращено, «подстрекатели» наказаны розгами.⁶³

В апреле 1862 года произошло волнение в селе Плессах, имении помещика Обухова. Крестьяне, состоявшие на смешанной повинности, соглашаясь платить оброк, решительно отказались от господских полевых работ, говоря, что «с одного вола две шкуры не дерут». Все попытки мирового посредника и уездного исправника заставить крестьян подчиниться требованиям уставной грамоты остались безрезультатными. Порядок в имении Обухова был водворен лишь при содействии двух рот Владимирского пехотного полка.⁶⁴

Волнение в Мокшанском уезде в связи с введением уставных грамот произошло также в имениях помещиков Дмитриева, Ниротворцева, Киреевского, Рубинского, Ермолова, Головизниной и в других местах. Как доносил Кастаньский, события в вотчине Ахматова «отразились вредными своими последствиями на целом уезде».⁶⁵

⁶⁰ Крестьяне, сосланные на каторгу и отданные в арестантские роты в количестве 37 человек, наделению землей не подлежали.

⁶¹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4055, лл. 73—74, 278.

⁶² Более подробно о выполнении крестьян в селе Назарьевке см.: Н. П. Никольская. Из истории крестьянского движения в 1862 г. в Пензенской губернии. «Ученые записки Пензенского педагогического института», вып. 5, Пенза, 1958.

⁶³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4252.

⁶⁴ ГАПО, ф. 23, д. 863.

⁶⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4055, л. 22.

Крестьянские волнения, сопровождавшиеся отказом от принятия уставных грамот, происходили и в других уездах Пензенской губернии.

В феврале 1862 года крестьяне деревни Алексеевки Керенского уезда решительно отказались от соглашения с владельцем Шевыревым о выкупе земли, что означало непризнание уставной грамоты. На сельском сходе крестьяне Павел Шишихин и Матвей Морозов заявили помещику, что «душевого трехдесятинного надела выкупать они не намерены, потому что земля и без того будет отдана им на том основании, что, когда государь дарил помещикам крестьян, то давал на них и землю, а теперь, когда он отбирает их, то под них должна отойти и земля даром». С помощью земской полиции волнение было прекращено, зачинщики «беспорядка» Матвей Морозов и еще три крестьянина наказаны розгами и отданы в арестантские роты.⁶⁶

В Нижнеомовском уезде в селе Долгорукове (именно князя Салтыкова) крестьяне отказались от работы на господском поле и требовали смены волостного писаря на том основании, что он «не читает в Положении о том, когда они будут вольные». По этому делу было произведено «формальное следствие», зачинщики преданы суду.⁶⁷

В том же уезде, в имении помещика фон Берга крестьяне отказались от выкупной сделки с владельцем и подали губернатору прошение об уничтожении выкупного договора. Когда же им в этом было отказано, крестьяне прекратили уборку помещичьего хлеба, вследствие чего для уборки 21 десятины ржи были наняты посторонние лица.⁶⁸

Волнениями был охвачен и Чембарский уезд, где, по утверждению губернатора Куприянова, «готовились беспорядки, подобные прошлогодним в имении графа Уварова», т. е. ожидалось повторение событий, имевших место в Черногае в 1861 году.

Борьба крестьян против введения уставных грамот была повсеместной. Они в той или иной форме оказывали сопротивление проведению реформы, ссылаясь на тя-

⁶⁶ ГАПО, ф. 23, д. 862, лл. 2, 9.

⁶⁷ Там же, д. 861.

⁶⁸ Там же, д. 867.

жесть господских работ, на плохое качество отведенной им в надел земли, на обременительность выкупных платежей. Но крестьянские волнения в этот период носили большей частью локальный характер и отличались менее, чем в 1861 году активными формами борьбы. Они прекращались главным образом средствами земской полиции и лишь в некоторых случаях с помощью военных команд.

Во второй половине 1862 года крестьянское движение в губернии, как и во всей России, стало ослабевать. Обозревая уезды Пензенской губернии в августе—сентябре этого года, Куприянов с удовлетворением отмечал, что «общий ход крестьянского дела вполне удовлетворителен», что «настроение крестьян совершенно изменилось и повинности отбываются ими исправно». Только в Городищенском уезде, писал губернатор «дело идет хуже: не введено еще более 100 грамот»⁶⁹.

Некоторое сокращение крестьянского движения во второй половине 1862 года сменяется новым подъемом в первой половине следующего года.

Крестьяне с нетерпением ожидали наступления 19 февраля 1863 года, полагая, что в этот день будет объявлен указ о безвозмездной передаче им земли и прекращении обязательных повинностей. Приближение этого дня и надежда на дарование «истинной воли» активизировали крестьянское движение. Весной и летом 1863 года волнения происходили почти во всех уездах, причем в ряде случаев они носили весьма затяжной и острый характер.

Как и в предыдущем году, исходным моментом крестьянской борьбы было непризнание и неприятие уставных грамот, их бойкот. Основными конкретными формами этого бойкота были: отказ от повинностей, налагаемых уставными грамотами; отказ от предоставляемой в надел земли и от засева своей земли; требование одной четвертой части земельного надела в дар; отказ от выкупа земли; требование перевода на выкуп. Всему этому сопутствовали такие формы движения, как подача жалоб, самовольная смена сельской администрации, отказ от повиновения начальникам, сопротивление полиции и воинским командам и другие.

⁶⁹ Сб. «Отмена крепостного права...» стр. 219, 223, 232, 238.

Остановимся на отдельных крестьянских выступлениях.

В марте 1863 года крестьяне села Голицына Нижне-домовского уезда (имение Лубяновской) отказались от барщины и платежа оброка, составили приговор о сме-не волостного старшины, действовавшего в пользу помещицы. Волнение захватило крестьян других деревень той же владелицы, где также были прекращены господские работы. Вожаки движения Иван Лобачев, Афанасий Кулдыкин и Инкита Комов распространяли среди крестьянства толки о воле и незаконности действий местной администрации. Арестами и преданием суду зачинщиков порядок в имении Лубяновской был водворен.⁷⁰

В апреле 1863 года крестьяне села Лашмы Наровчатского уезда отказались отбывать издельную повинность согласно уставной грамоте и не хотели делить и засеивать отведенную им землю. Избрав по этому делу своим уполномоченным отставного унтер-офицера Пайкова, они послали его в Петербург для подачи царю прошения. Прибывшему на место происшествия уездному исправнику крестьяне заявили, что отданная им земля плохого качества и что они желают получить землю около села Лашмы, которая раньше находилась в их пользовании. После ареста и наказания 22 человек Лашминское сельское общество, как доносил уездный исправник, «согласилось отбывать все господские повинности и пахать свою землю».

В Инсарском уезде в имении помещицы Божановой — деревне Малькеевке временнообязанные крестьяне на протяжении всего лета 1863 года отказывались от предоставленной в их пользовании земли и не исполняли повинности, говоря, что «ни работать, ни платить оброка они не будут до разрешения на вторично поданную ими государю императору просьбу». «В настоящее время, — доносил мировой посредник губернатору 13 августа, -- бесполезно уже заставлять крестьян обрабатывать отведенные им участки, так как обработка пара и посев озимых уже окончились, но ослушников и подстрекателей их не должно оставлять без преследования, иначе целые общества и селения будут иметь право по

⁷⁰ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4249.

примеру малькеевских крестьян отказываться от пользования отведенной им в надел мирской землею».⁷¹

Такого же характера волнения происходили в селах Блиновке, Больших Верхах, принадлежавших помещице Нарышкиной, и в селе Варезке имении княгини Долгоруковой. Движение было прекращено с помощью батальона пехоты.

Широкое распространение в губернии получило требование крестьян о безвозмездной уступке им одной четвертой части земельного надела. Борьба за требование дарового надела, с одной стороны, выражала желание крестьянства освободиться от крайне обременительного выкупа, с другой стороны, выражала его надежду получить в будущем, когда будет объявлена «истинная воля», и всю землю бесплатно. Местами волнения, возникшие на этой почве, отличались большим упорством и активностью крестьян.

Острые формы и длительный характер приняло волнение в имении графов Закревских — в селе Знаменском Мокшанского уезда. В течение семи месяцев, с апреля по октябрь 1863 года, крестьяне упорно отказывались принять уставную грамоту и вытекающие из нее обязательства, требуя безвозмездной передачи им одной четвертой части земельного надела. Попытки уездного исправника и мирового посредника заставить крестьян повиноваться не имели успеха. Крестьяне не выходили на господские работы и не допустили к исполнению обязанностей назначенного начальством сельского старосту.

Движение распространилось на другие имения вотчины Закревских — деревню Парецкую и села Блиново и Юлово, где крестьяне также отказались исполнять повинность на том основании, что «земля, отведенная им в надел, находится вдали от села и за чужими полями, так что невозможно на оную прогнать скот». По введении военной команды и наказании зачинщиков волнения в этих имениях к началу августа были приостановлены.

Но знаменские крестьяне продолжали упорствовать и при всех понуждениях начальников на работу не шли, требуя дарственного надела.

10 октября в Знаменское прибыл с ротой солдат пен-

⁷¹ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 4243, л. 7.

зенского гарнизонного батальона жандармский поручик Лукомский. Подойдя вместе с исправником к собранному сходу крестьян, жандарм потребовал, чтобы «они бросили свое заблуждение о дарственной земле... и исполняли все распоряжения властей». Несмотря на присутствие военной команды, сход отказался выполнить это требование. «Когда же наиболее виновные были взяты, — доносил исправник губернатору, — то вся толпа бросилась на нижних чинов, однако от буйства была удержана». Было арестовано 155 человек, из них 26 подвергнуто наказанию розгами, 3 предано суду.⁷²

В ряде случаев крестьяне, протестуя против реформы 1861 года, отказывались от выкупа земли. Среди выступлений такого рода следует отметить большое волнение в имении генерал-майора Обрезкова — селе Токмове и деревне Чекашевы Поляны (Инсарского уезда). Крестьяне в количестве 1977 ревизских душ отказались от обработки своих наделов, ссылаясь на то, что они ожидают от царя «другой земли». Ни убеждения мирового посредника, ни полицейские меры (наказание розгами) не могли сломить их сопротивления. На подавление волнения в имение Обрезкова власти послали шесть рот солдат. Арестами и наказаниями движение было прекращено, руководители преданы суду. Крестьяне вынуждены были согласиться уплатить большой выкуп за неудобную землю, отведенную им в надел по уставной грамоте.⁷³

Итак, составление и введение в действие уставных грамот в Пензенской губернии, как и в целом по стране, протекало в обстановке массового противодействия крестьян. Надеясь получить землю и волю в результате нового царского закона, крестьяне повсеместно отказывались от каких-либо соглашений с помещиками, отказывались от своих наделов и повинностей, налагаемых уставными грамотами. Всего в 1862—1863 гг. в губернии насчитывается 45 крупных волнений, которыми было охвачено 62 селения, причем в 19 случаях на места происшествий посылались военные команды.

К концу 1863 года самодержавие, пустив в ход все средства насилия, всю силу государственного аппарата

⁷² ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 4254.

⁷³ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 4431.

и войска, сумело подавить стихийное крестьянское движение. Вторая волна массового взрыва возмущения грабительской реформы была отбита царизмом. Революционная ситуация конца 50-х начала 60-х годов не привела к революции. В России в то время не было революционного класса, который мог бы стать во главе народных масс и направить их на сознательную, организованную борьбу с самодержавным строем. «Революционное движение в России было тогда слабо до ничтожества, — писал В. И. Ленин, — а революционного класса среди угнетенных масс вовсе еще не было».⁷⁴

Однако борьба крестьянства против крепостнических условий освобождения не прекратилась и продолжалась до конца 60-х годов и позднее, хотя и в меньших масштабах.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1864—1869 ГОДАХ

Начиная с 1864 года крестьянское движение под давлением правительственных репрессий пошло на снижение, что выразилось как в сокращении количества выступлений, так и в ослаблении напряженности и остроты борьбы. Так, если в 1861—1863 гг. число крестьянских выступлений в России составляло 1872, из них в 854 случаях волнения были прекращены с помощью войск, то в 1864—1869 гг. число их сократилось до 575, военные команды вводились в 211 случаях.⁷⁵ Но общий уровень движения и после 1863 года остается довольно высоким, что вполне естественно, так как в 60-е годы реализация Положений 19 февраля была еще далеко не закончена и на почве ее происходили частые столкновения крестьян с помещиками.

В общем потоке движения российского крестьянства за свое освобождение видное место занимала борьба крестьянства Пензенской губернии.

Урезка крестьянской земли, доходившая до 25 процентов, размежевание угодий исключительно в интересах помещиков, обременительный выкуп, произвол администрации — все это создавало напряженную обстановку.

⁷⁴ В. И. Ленин. Полн. соб. соч., т. 20, стр. 172.

⁷⁵ Данные заимствованы из сб. документов «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.», М. 1964, стр. 18, 798. Подсчет по периодам (1861—1863 и 1864—1869) произведен нами.

новку в пензенской пореформенной деревне, вызывало крестьянские волнения. В эти годы движение развертывалось по линии отказа крестьян от повинностей и от земельных наделов, предоставлявшихся в их пользование по уставным грамотам, отказа от взносов выкупных платежей, требования дарственного надела.

Остановимся на отдельных крестьянских волнениях.

В январе 1864 года бывшие помещичьи крестьяне сел Оброчного и Перевесья, деревень Никольской и Веселой Краснослободского уезда отказались вносить выкупные платежи и оказали сопротивление земской полиции при описи их имущества. Волнение было подавлено при содействии военной команды.⁷⁶

В апреле того же года крестьяне сел Акшино, Булгакова, Спасского и деревни Воробьевки Инсарского уезда отказались вносить выкупные платежи и обрабатывать свои наделы. Волнение продолжалось до конца июня и было прекращено с помощью военной команды.⁷⁷

В декабре 1864 года — январе 1865 года временнообязанные крестьяне деревни Старого Села Нижнеломовского уезда не исполняли издельной повинности согласно уставной грамоте и не хотели вносить в вотчинную контору деньги за неотработанные ими дни. Волостному старшине они заявили, что «вовсе уже не надобно ходить на барщину, что на барщину не наработаешься — пусть приезжает полиция для взыскания денег». После ареста вожаков движения сельского старосты Семена Мизюрина и крестьянина Михаила Сергеева волнение затихло.⁷⁸

В мае 1865 года временнообязанные крестьяне сел Митрофанова, Агапова, деревень Поганки, Топорихи, Белозерки Чембарского уезда отказались засеять яровое поле и платить оброк графу Шереметеву, требуя предоставления им в дар четвертного надела. На подавление волнения была послана военная команда.⁷⁹

В апреле 1866 года крестьяне села Андреевки Нижнеломовского уезда (имение Арапова) отказались вносить выкупные платежи и недопустили описи их имущества.

⁷⁶ Сб. «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.», 1964, стр. 750.

⁷⁷ Там же, стр. 752.

⁷⁸ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4528.

⁷⁹ «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.», стр. 767.

При этом крестьянин Матвей Свешников, «грозя рычагом», заявил сельскому старосте и понятым, что, «если они не уйдут, то он разделяется с ними, а придут становой пристав и мировой посредник—он и с ними поступит точно так же». С помощью полиции крестьяне были усмирены, зачинщики преданы суду.⁸⁰

Весьма упорной была борьба бывших временнообязанных крестьян имения помещика Оленина — села Казарки Городищенского уезда. Волнение началось в мае 1865 года и продолжалось до ноября 1866 года. На протяжении всего этого периода крестьяне отказывались засеять землю, отведенную им в надел, и вносить за нее выкупные платежи, требуя дарственной земли. Организаторами выступления явилась группа крестьян во главе с Андреем Варфоломеевым, которая, как сообщал уездный исправник, толкованием Положений 19 февраля в духе крестьянских чаяний, «настроила односельцев своих к возмущению и явному неповиновению власти».

Через своих уполномоченных волновавшиеся крестьяне подали на имя царя прошение. В этом прошении, датированном 24 июля 1866 года, они писали о притеснениях со стороны местных начальников и присутственных мест и просили произвести следствие по их делу присланными людьми, отстранив пензенских чиновников.

С введением в село Казарки военной команды в конце ноября 1866 года сопротивление крестьян было сломлено, дело о них передано в городищенский уездный суд.⁸¹

Затяжной характер имело волнение в имении помещицы Вонлярской — селе Кашаеве Инсарского уезда.

Переведенные на выкуп с 1 февраля 1864 года кашаевские крестьяне обязаны были вносить выкупные платежи по 1958 рублей серебром в год. Но крестьяне отказались от взноса платежей, ссылаясь на неудобство разверстания угодий, по которому во владения их отошло 210 десятин земли из дачи, находящейся в общем чересполосном пользовании с другими владельцами и расположенной на весьма дальнем расстоянии от их усадеб без прогона для скота. Кроме того, крестьян-

⁸⁰ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4615.

⁸¹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4614.

ский надел оказался на 97 десятин меньше предусмотренного проектом разверстания. Местные власти в течение долгого времени безуспешно пытались заставить крестьян принять отведенную им в надел землю и уплатить недоимку, которая ко второй половине 1866 года составила значительную сумму — 4732 рубля. Неоднократно назначавшиеся торги на продажу крестьянского имущества всякий раз отменялись из-за сопротивления крестьян.

12 ноября в Кашаево был введен 2-й батальон Самарского пехотного полка. Но как сообщал инсарский исправник, появление войска не произвело никакого впечатления на крестьян. Перед фронтом построенного батальона исправник стал убеждать крестьян повиноваться закону и уплатить требуемые выкупные платежи. Крестьяне отвечали, что «платить им нечем, что земля, данная им в надел, неудобна и, что пусть с ними делают что хотят». После арестов и наказания зачинщиков в числе семи человек кашаевцы «изъявили покорность и начали вносить платежи».⁸²

Несмотря на жестокие репрессии властей, крестьянские волнения в губернии продолжались. В мае 1867 года бывшие помещичьи крестьяне деревни Анновки Пензенского уезда отказались принять и обрабатывать земельные наделы и вносить выкупные платежи. На подавление волнения была послана военная команда.⁸³

Подобные же «беспорядки» происходили в селе Ермоловке Пензенского уезда, в деревне Желтоноговой Краснослободского уезда и в других селениях (1868 г.).

Наряду с указанными выше формами крестьянского движения в рассматриваемый период имели место многочисленные порубки леса, потравы помещичьих лугов, нанесение побоев управляющим именьями и т. п.

В июне 1866 года помещиком Сазоновым были загнаны с потравы два стада овец и коров, принадлежавших крестьянам села Дмитриевки Нижнеломовского уезда. Узнав об этом, хозяева скота, как доносил уездный исправник, «все поголовно сбежались с кольями и дубинами на господский двор, замахивались оными на г. Сазо-

⁸² ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 4613, лл. 27—28.

⁸³ Сб. «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.» стр. 784.

нова, людей же его, загонявших скот, избили и свой скот угнали».⁸⁴

9 февраля 1867 года крестьяне сел Пурдашки и Новой Ямской Краснослободского уезда произвели порубку леса в Аргинской даче помещика Закревского и избили управляющего имением, пытавшегося задержать виновных.⁸⁵ Аналогичный случай имел место в Городищенском уезде, деревне Александровке, где крестьяне избили управляющего имением помещика Дубенского при попытке с его стороны помешать им увезти срубленный господский лес.⁸⁶

Таким образом, мы видим, что классовая борьба в пензенской деревне не обрывается 1863 годом. Она продолжается до конца десятилетия, хотя и в суженных размерах. Эти годы отмечены рядом крупных волнений, в которых принимали участие значительные массы крестьян. Всего в 1864—1869 гг. в губернии произошло 22 крестьянских волнения, в 11 случаях в имения вводились войска.

Подводя общие итоги анализу крестьянского движения в Пензенской губернии за все пореформенное десятилетие, нужно отметить, что здесь оно приобрело по сравнению с другими великорусскими губерниями более массовый характер и отличалось более активными формами борьбы.⁸⁷ За девять лет, 1861—1869 гг., в губернии насчитывается 95 волнений, в 37 случаях на усмирение крестьян посылались военные команды.⁸⁸ Эта борьба пензенского крестьянства составляла весьма существенную часть общей освободительной борьбы народных масс России.

Крестьянам не удалось тогда добиться своих целей и освободиться от пут крепостничества. Они действовали разрозненно, были безоружны, у них не было руководителя, каким мог быть только рабочий класс, в то время еще складывавшийся и не успевший выйти на историче-

⁸⁴ ГАПО, ф. 5, оп. I, д. 4618, л. 1.

⁸⁵ Сб. «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.», стр. 782.

⁸⁶ ГАПО, ф. 5, оп., I, д. 4617.

⁸⁷ См. таблицу в сборнике документов «Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.». М. 1964, стр. 798—800.

⁸⁸ Кандиевское восстание, которым было охвачено около ста сел и деревень, считалось за одно волнение.

скую арену в качестве самостоятельной общественно-политической силы.

Однако, несмотря на свои слабые стороны, крестьянское движение этого периода, как и на предшествующих этапах, имело большое значение. Оно наносило серьезные удары по самодержавно-крепостническому строю, расшатывая его устои, приближая час его падения.

Центральное правительство и местные власти жестоко подавляли крестьянские волнения, применяя военные суды, массовые экзекуции, ссылку, заключение в тюрьму и т. д. Но суровые репрессии не остановили крестьянское движение, оно продолжалось в 1870-х годах и позднее. В этом движении участвовало и пензенское крестьянство. По данным Пензенского областного архива, за период с 1870 по 1879 год в губернии произошло девять более или менее значительных крестьянских выступлений. Некоторые из них были прерваны только с помощью военной силы.

IX. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ 50—60-х ГОДАХ

Крестьянское движение оказывало огромное влияние на демократическую интеллигенцию. Передовая ее часть, глубоко понимавшая нужды и чаяния трудящихся масс, с большим сочувствием относилась к их борьбе, стремясь отдать все свои силы делу раскрепощения страны и освобождению народа от экономического и политического гнета.

В обстановке подъема крестьянского движения революционные демократы исходили из того, что в России возможна в ближайшее время народная революция. Отсюда главное внимание переносилось на практическую подготовку восстания против самодержавия. Как отмечалось, еще в годы подготовки реформы Н. Г. Чернышевский в своих многочисленных статьях, печатавшихся в «Современнике», пропагандировал идею крестьянской революции. В период проведения реформы революционные демократы повели энергичную деятельность, направленную на то, чтобы соединить революционное движение демократической интеллигенции и стихийное крестьянское движение в единый поток, стать во главе восстания и направить его по руслу ниспровержения существующего строя.

Революционная пропаганда Н. Г. Чернышевского и других революционных демократов, свободное слово «Колокола», широко распространявшегося в России, оказывали большое влияние на развитие передовой общественной мысли и революционного движения. Под их воз-

действием в разных местах страны возникали революционные кружки из представителей разночинной интеллигенции и учащейся молодежи, ставившие своей задачей борьбу с самодержавием. В 1862 году оформилась все-российская подпольная организация «Земля и воля», идейным вождем которой являлся Н. Г. Чернышевский. Она была связана также с Герценом и Огаревым. «Земля и воля» открыто провозгласила своей целью уничтожение феодально-монархических порядков путем всенародного восстания и установление нового общественного строя в освобожденной России.

Царизм обрушился на демократию рядом жестоких репрессий, которые особенно усилились со второй половины 1862 года. Были временно запрещены демократические журналы «Современник» и «Русское слово». Были произведены многочисленные аресты. В числе арестованных находился и глава революционно-демократического движения в стране Н. Г. Чернышевский.

Надежды революционеров на восстание крестьян не оправдались. А с конца 1863 года крестьянское движение пошло на спад. В этой обстановке деятельность «Земли и воли» прекратилась. В. И. Ленин отмечал, что волна общественного возбуждения и революционного натиска была отбита самодержавием.

Однако освободительная борьба в России не прекратилась после 1863 года. В середине и во второй половине 60-х годов продолжалось крестьянское движение. Происходили студенческие волнения. Революционное подполье делает новые попытки объединения сил для борьбы с самодержавием. Возникают революционные кружки и тайные общества, среди которых центральное место занимала «Организация» Н. Ишутина. В рядах разночинской демократии развивалось течение крестьянского утопического социализма, развивались основные тенденции народничества.

НАЧАЛО РАЗНОЧИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Освободительные идеи проникали и в среду пензенской разночинской интеллигенции и примыкавших к ней выходцев из дворян. Бедственное положение крестьян, произвол, самоуправство и злоупотребления администра-

ции, крестьянские волнения, происходившие в губернии, — все это создавало благоприятную почву для распространения передовых идей среди местной молодежи, прежде всего той ее части, которая училась в пензенских учебных заведениях — гимназии и дворянском институте. Передовая молодежь думала, читала, спорила, добивалась свободы и активной деятельности.

Власти старались оградить учебные заведения от проникновения освободительных идей. Воспитанники находились под постоянным надзором инспекторов и надзирателей, им не разрешалось иметь у себя запрещенные цензурой книги на русском и иностранных языках. Как и всюду в России того времени, в пензенских учебных заведениях царил бурсацкий режим, практиковались порка, карцер, оставление без обеда и т. п. Большинство учителей работало по шаблону с соблюдением лишь внешних формальностей в ущерб существу дела. Бывший воспитанник дворянского института П. Ф. Филатов писал в своих воспоминаниях: «Учились мы большей частью поверхностно, соображая заранее, когда какой учитель может спросить урок, и тогда подготавливались к нему, пропуская другие. Зато мы много читали и развивались сами, благодаря тому, что интересовались жизненными вопросами больше, чем сухими учебниками... Учителя, проникнутые рутинной, смотрели на нас, как на лентяев, они требовали только заданного урока».¹

В стенах учебных заведений велась пропаганда отсталых реакционных взглядов и теорий, рассчитанная на то, чтобы отравить умы и затемнить сознание учащейся молодежи. 30 июня 1856 года на торжественном акте гимназии учителем истории Амстердамским была произнесена речь на тему «О необходимости преподавания наук, преимущественно истории в духе христианства». Враг свободы просвещения и прогресса Амстердамский в своей речи обрушивается на республиканские порядки и восхваляет монархический строй. Он проклинает «пожирающие революции», видит в них «кару Божию за гордость человека и дерзость его разума». Лиц, стоявших во главе великих революционных движений, Амстердамский называет «лжеумудрецами.. людьми злона-

¹ П. Ф. Филатов. Юные годы. Журнал «Псовая и ружейная охота», книга IX. М., 1905, стр. 71—72.

меренными, необузданно дикими», а их учение — «слепостью суетных умствований».²

Выступление Амстердамского не было единоличным его делом, он действовал с ведома начальства, заранее одобрявшего содержание его речи.

Но никакие меры борьбы с «вольнодумством» не могли задержать развитие освободительных настроений у передовой пензенской молодежи. В ее среде шло брожение, усиливалось недовольство и нарастал протест против существующего порядка. Ярким выражением этого протеста было выступление М. Ф. Эссена в связи с упомянутой выше речью Амстердамского. Бывший воспитанник дворянского института Михаил Федорович Эссен сначала учился в Казанском университете, а затем переехал в Москву и стал вольнослушателем Московского университета. В мае 1856 года, не окончив курса, он приехал в Пензу. После торжественного акта, состоявшегося в гимназии 30 июня, Михаил Эссен послал письма попечителю и инспектору учебных заведений Казанского учебного округа и директору Главного педагогического института (в Петербурге), где воспитывался Амстердамский. В этих письмах, а также в других своих сочинениях, найденных у него при обыске, Эссен резко критикует методы обучения и воспитания молодежи.

Так, в статье, подготовленной для журнала «Русский Вестник», он с негодованием писал: «Пора! Слишком глубок вред нашего гнетущего воспитания, чтобы мы стали молчать о бездарности и бездушии людей, призываемых на это великое дело. Пора освободить детей наших от мертвящего слова невежд и изуверов». Автор статьи клеймит позором действия инспектора учебного округа Чашникова, давшего положительный отзыв на речь Амстердамского «дикую и невежественную», лишенную «всякого смысла и всяких дарований».³

М. Ф. Эссен восстает не только против системы воспитания и образования, но и против всего существующего общественного порядка, призывает к борьбе с ним. В одном из своих писем он пишет о гнетущей «духоте общественной жизни», «о тяжести оков самодержавия»,

² ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3318, л. 49.

³ Там же, лл. 48, 52.

об «оскорбляющей глубине и повсюдности зла».⁴ В «Обращении» (воззвании), написанном во время коронации Александра II., М. Ф. Эссен говорит о любви к трудовому народу, о ненависти к его угнетателям и богачам, выражает надежду на скорое их падение.

Выступление М. Ф. Эссена с критикой существующего строя правительство не могло оставить без внимания. 1 сентября 1856 года Эссен был арестован. Первое время он содержался в Пензе в одиночном заключении, а затем по вызову III отделения отправлен в Петербург. Дело решалось административным порядком. По высочайшему повелению в ноябре 1856 года Михаил Эссен был сослан на Кавказ.

У М. Ф. Эссена были единомышленники, которые, как и он, выступали поборниками передовых идей. Губернатор Панчулидзе в донесении министру внутренних дел Ланскому сообщал, что им сделано «внушение» знакомым Эссена — губернскому секретарю Зарину, коллежскому секретарю Кирьянову и вольному художнику Савинову. Характеризуя Зарина, губернатор писал, что он «имеет склонность к вольнодумию и рассеиванию безнравственных идей», и что «он может иметь опасное влияние на молодых его знакомых». За Ефимом Зариным был установлен секретный надзор.⁵

Мы не имеем оснований говорить о существовании в это время в Пензе революционного кружка. Однако несомненно, что М. Эссен и его товарищи составляли одну группу единомышленников, действия которой отражали революционно-демократические настроения. Эта группа, как можно заключить из приведенной выше аттестации Е. Зарина, оказывала влияние на развитие освободительной мысли в среде пензенской разночинской, особенно учащейся молодежи.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. Н. УЛЬЯНОВА В ПЕНЗЕ.

В. И. ЗАХАРОВ И ДРУГИЕ УЧИТЕЛЯ-ДЕМОКРАТЫ.

Во второй половине 50-х годов в составе преподавателей гимназии и дворянского института появились новые лица, педагогическая и общественная деятельность которых не только оставила после себя яркий след в исто-

⁴ Там же, л. 48.

⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3318, лл. 67, 69.

рии этих учебных заведений, но и оказала большое влияние на расширение и углубление разночинско-демократического движения в губернии, на формирование взглядов будущих видных участников революционного подполья 60-х годов в России (Ишутин и др.).

В 1855 году в Пензе начал свою деятельность выдающийся педагог и просветитель второй половины XIX века Илья Николаевич Ульянов, отец Владимира Ильича

И. Н. Ульянов.

Ленина. И. Н. Ульянов (1831—1886) родился в Астрахани в бедной мещанской семье. Дед его был крестьянином, а отец, по профессии портной, жил в городе и служил в одном торговом предприятии.⁶ Семилет Илья Николаевич остался сиротой и воспитывался у старшего брата Василия Николаевича. Благодаря заботам брата он окончил в 1850 году Астраханскую гимназию и в этом же году поступил на физико-математический факультет Казанского университета. «Податное состояние» затруд-

нило ему получение стипендии в университете, и Илья Николаевич сам зарабатывал средства к жизни, давая частные уроки. «Отцу рано пришлось изведать материальные лишения, — пишет М. И. Ульянова, — он рано стал самостоятельным, сам пробивал себе дорогу в жизни, и это закалило его характер, выработало боль-

---

⁶ М. Ульянова. Отец Владимира Ильича Ленина Илья Николаевич Ульянов (1831—1886). М.—Л., 1931, стр. 9.

шую трудоспособность, строгое отношение к выполнению своего долга... Эти черты вместе с большой настойчивостью в проведении намеченного плана, всякой взятой на себя работы были характерны для Ильи Николаевича в течение всей его жизни».⁷

Казанский университет И. Н. Ульянов окончил в 1854 году со степенью кандидата. 7 мая 1855 года Казанским учебным округом он был назначен на должность старшего учителя математики в высших классах Пензенского дворянского института.⁸ Приказ об этом назначении подписан Н. И. Лобачевским, бывшим в то время помощником попечителя учебного округа.⁹

В Пензу Илья Николаевич приехал в конце мая 1855 года и проработал здесь до 22 июня 1863 года — более восьми лет. Это был передовой педагог-просветитель и видный общественный деятель. Черты его идейного облика складывались еще в годы учения в университете, а затем в пензенский период деятельности и в последующее время.

И. Н. Ульянов был человеком 60-х годов, типичным представителем той передовой, демократической интеллигенции, которая, резко критикуя крепостнический уклад, шла на сближение с народом, чтобы служить его интересам. Прогрессивные взгляды Ильи Николаевича сформировались под воздействием окружающей действительности и произведений В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, стихотворений Н. А. Некрасова, бичевавших помещичье-крепостническую Русь и звавших на борьбу за права угнетенного народа. С детства живший в трудных условиях, он рано познал материальные лишения и социальную несправедливость. Он видел тяжелую жизнь трудового населения, его нищету и бесправие, потрясающее невежество и темноту масс, и его сочувствие было на стороне народа. Бурные события в России в конце 50-х — начале 60-х годов — Крымская война, показавшая гнилость и бессилие крепостной России, антифеодальное движение крестьян, ре-

⁷ М. Ульянова. Указ. соч., стр. 10.

⁸ Дворянский институт — сословное среднее учебное заведение — был открыт в 1844 году и помещался в специально выстроенном для него здании. В настоящее время здесь находится средняя школа № 1 имени В. Г. Белинского.

⁹ ГАПО, ф. 59, оп. 1, д. 503, л. 1; д. 501, л. 7а.

волюционная ситуация, грабительская реформа, Бездна и Кандиевка — все это не могло не наложить определенный отпечаток на мировоззрение и характер деятельности молодого учителя. Он не мог оставаться только «мирным» деятелем просвещения, не мог стоять вне политики. Окружающая обстановка неизбежно вызывала у него интерес к общественно-политической жизни, требовала оценки ее. И он проникался ненавистью к крепостничеству, любовью к трудовому народу, интересам которого хотел служить.

Характеризуя взгляды Ильи Николаевича, Н. К. Крупская писала: «Отец Владимира Ильича был шестидесятником, т. е. человеком, ненавидившим крепостное право. Он хотел, чтобы жизнь изменилась к лучшему... Илья Николаевич любил стихи Некрасова и поэтов «Искры», резко критиковавших существовавший строй, тогдашнюю интеллигенцию».¹⁰

Чтение революционно-демократической литературы помогло И. Н. Ульянову лучше осознать задачи передового общественного движения, укрепляло его идейные позиции. О влиянии идей революционных демократов на формирование мировоззрения И. Н. Ульянова Н. К. Крупская писала в статье «Детство и ранняя юность Ильича»: «Чтобы понять до конца, кем был Илья Николаевич, надо почитать «Современник», выходящий под редакцией Некрасова и Панаева, где сотрудничали Белинский, Чернышевский, Добролюбов».¹¹

И. Н. Ульянов, как известно, не принадлежал ни к какому революционному течению или кружку. Но в своей деятельности он воплощал на практике передовые идеи того времени, по-своему вел борьбу за лучшую жизнь для народа. Он был одним из тех русских просветителей, характеристику которым дал В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся». В этой статье Владимир Ильич указывал на три главные черты просветителя 60-х годов: 1) горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области; 2) горячая защита просвещения, самоуправления, свободы; 3) отстаивание

¹⁰ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в десяти томах. т. III, изд. АПН, М., 1959, стр. 707.

¹¹ Н. К. Крупская. Указ. соч., т. VI, стр. 407.

интересов народных масс, главным образом крестьян.¹² Эти черты русского просветительства были присущи и И. Н. Ульянову. Вся его деятельность была проникнута глубокой любовью к жизни, людям труда, верой в лучшее будущее России.

Как педагог Илья Николаевич Ульянов боролся за внедрение в преподавание принципов и методов передовой педагогики того времени. Н. К. Крупская подчеркивала, что Илья Николаевич особенно усердно читал Добролюбова и это определило его педагогические взгляды и практическую деятельность.¹³

Преданность любимому делу, глубокое знание своего предмета, применение новых методов в обучении и воспитании, гуманное отношение к ученикам, стремление внести в их жизнь высокую принципиальность, честность, правдивость — вот что характеризовало его как передового педагога-демократа второй половины XIX века.

Избранному делу Илья Николаевич отдавал все свое время, все силы. Он добивался от воспитанников сознательного отношения к учебе и всегда имел хорошие результаты. Он придавал большое значение наглядности в преподавании, увязке теории с практикой. Занятия по физике у него всегда сопровождались демонстрацией опытов, которые ставились с помощью приборов и инструментов, имевшихся в институтском физическом кабинете. Стараниями Ильи Николаевича кабинет постоянно пополнялся новым оборудованием.¹⁴ Занятия по геометрии в летнее время проводились в поле, где ученики занимались съемками и составлением планов местности.

Задачу преподавания И. Н. Ульянов видел не только в том, чтобы обогатить знания учащихся новыми сведениями, но и в том, чтобы развить у них гражданские убеждения, чувство долга, стремление быть полезным родине, своему народу.

Среди воспитанников Илья Николаевич пользовался любовью и уважением. Они считали его одним из луч-

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 519.

¹³ Н. К. Крупская я. Указ. соч., т. VI, стр. 407, 409.

¹⁴ Часть оборудования физического кабинета дворянского института сохранилась до настоящего времени и экспонируется в Пензенском областном краеведческом музее и в Пензенском музее-читальне И. Н. Ульянова.

ших своих учителей и впоследствии с благодарностью вспоминали о нем.

Помимо преподавания в дворянском институте, И. Н. Ульянов заведовал, по поручению Лобачевского, метеорологическими наблюдениями в Пензе и вел эту работу без всякого вознаграждения с большой аккуратностью и тщательностью. «С этого времени в Пензе в сущности и начинаются действительно научные метеорологические наблюдения», — писал заведующий метбюро Пензенского губземуправления В. Ф. Невзоров.¹⁵ Результаты наблюдений отсылались в Казанский университет и использовались обсерваторией, существовавшей при университете. Ими пользовался и сам Илья Николаевич в своей преподавательской работе. Впоследствии он обобщил свои наблюдения в написанных им научных сочинениях: «О пользе метеорологических наблюдений и некоторые выводы из них для Пензы» и «О грозе и грамоотводах». Работы получили одобрение физико-математического факультета Казанского университета.

И. Н. Ульянов был не единичным представителем передового учительства в Пензе. У него были сторонники и друзья в лице молодых преподавателей, приехавших в Пензу на работу почти в одно время с ним. В 1855 году прибыл окончивший курс в Главном педагогическом институте Владимир Иванович Захаров. Он был назначен на должность учителя русского языка дворянского института, а в 1858 году переведен на ту же должность в Пензенскую гимназию.¹⁶

В 1858 году в дворянском институте начали свою педагогическую деятельность Владимир Иванович Логинов и Владимир Александрович Ауновский. Первый из них окончил Казанский университет, второй — Главный педагогический институт. Логинов был учителем русской словесности, Ауновский — естественных наук.¹⁷

Это были прогрессивно настроенные учителя, которые, как и И. Н. Ульянов, отстаивали новые принципы в обучении и воспитании молодежи. В своей практической

---

¹⁵ В. Ф. Невзоров. «Из истории метеорологических наблюдений в Пензенской губернии. «Юбилейный сборник памяти И. Н. Ульянова». Пенза, 1925, стр. 48.

¹⁶ ГАПО, ф. 59, оп. 1, д. 331, лл. 1—9.

¹⁷ Там же, д. 395, лл. 1—8.

педагогической работе они требовали от учащихся сознательного усвоения изучаемого материала, а не зубрежки уроков, добивались общего развития своих воспитанников, прививали им передовые взгляды на окружающее.

Как и Илья Николаевич, В. И. Захаров, В. И. Логинов и В. А. Ауновский были любимы учениками за гуманное к ним отношение, за прекрасное знание преподаваемых ими предметов и толковое их изложение.

Здание бывшего дворянского института. Теперь здесь средняя школа № 1 им. В. Г. Белинского.

Лучшей характеристикой педагогической работы И. Н. Ульянова и близких к нему учителей, того, какое влияние они оказывали на учащуюся молодежь, служат воспоминания бывших их воспитанников. Так, П. Ф. Филатов, учившийся в дворянском институте в конце 50-х начале 60-х годов, впоследствии вспоминал: «Всматриваясь теперь в далекое прошлое институтской жизни, я задаю себе вопрос, почему многих из нас не исковеркало это заведение, предоставленное произволу таких учителей-надзирателей, как Дьяконов, Госсен, Рейнах, И. В. В. и такому директору, как Огонь-Догоновский? Почему из нас вышли люди, а не нравственные уроды?

Мы обязаны отчасти влиянию родителей, зорко следивших за своими детьми во время вакатов..., отчасти же влиянию тех учителей, которые вносили в нашу жизнь честный взгляд и высокие нравственные принципы. Таими светлыми личностями были учителя русской словесности Логиннов, Захаров, учитель математики И. Н. Ульянов, естественной истории А. П. Горизонтов, В. А. Луновский и еще может быть некоторые. Таким образом, закваска давалась в родной семье, а потом она поддерживалась и развивалась этими светлыми личностями, прожизнутыми идеями 60-х годов. Они вносили в нашу жизнь отвращение к карьеризму и к материальной наживе... Да этим светлым личностям мы немало обязаны в том направлении, которое осталось в нас и по окончании курса».¹⁸

Далее Филатов писал: «Нельзя забывать выдающегося, развитого человека В. Х. Хохрякова, преподававшего нам историю после упомянутого мною выше Дьяконова. Этот учитель поразил меня своей методой преподавания, и предмет, ненавистный мне прежде, стал моим любимым — я увлекся им...

Я любил одно время математику, пока ее преподавал в институте Ульянов, о котором я говорил выше».¹⁹

Об И. Н. Ульянове бывший воспитанник Нижегородской гимназии, ставший впоследствии профессором математики, М. Карякин вспоминал: «Илью Николаевича Ульянова мы, гимназисты, глубоко уважали и любили. Уважали за прекрасное знание им своего предмета и за талантливое, толковое изложение его, и любили его за его неизреченную доброту и снисходительность к нашим проступкам в поведении и промахам в математике... Обаяние личности Ильи Николаевича оказывало на нас благотворное влияние: некоторые из нас полюбили математику настолько, что впоследствии в университете избрали ее своей специальностью, в том числе и я...

Прошло слишком столетия, как я окончил курс гимназии и расстался с Ильей Николаевичем, но и на склоне лет своих я с теплым чувством благодарности

¹⁸ П. Ф. Филатов. Юные годы. Журнал «Псовая и ружейная охота», книга VIII, М., 1905, стр. 45—46.

¹⁹ П. Ф. Филатов. Указ. соч., книга IX; стр. 72—73.

всегда вспоминаю неизменно доброго Илью Николаевича. Это была кристальная душа».²⁰

В условиях казенного преподавания, в обстановке гнетущего режима и произвола воспитателей и начальников, зубрежки и розог претворение в жизнь передовых педагогических идей 60-х годов Ульяновым и другими свободомыслящими учителями с сочувствием воспринималось воспитанниками, получало их высокую оценку и восторженный отзыв.

Педагоги-демократы выступали поборниками передового мировоззрения и в своей научной деятельности. В 1860 году на годичном торжественном акте гимназии учителем русской словесности В. И. Захаровым была произнесена речь на тему «О жизни и сочинениях В. Г. Белинского». Выражая передовые идеи своего времени, автор решительно выступил в защиту великого критика от нападков реакционных писак. По отзыву историко-филологического факультета Казанского университета Захаров, «хотя и допустил несколько резких выражений о противниках Белинского, зато чистосердечное его уважение к отечественной литературе дает основание заметить, что им руководило достойное поощрение чувства правды».²¹

23 ноября 1860 года на годичном акте дворянского института, на котором присутствовали губернские власти, а также родители учащихся, старший учитель словесности В. И. Логинов произнес речь на тему «Очерк сатирического направления русской литературы в XVIII веке». Под видом критики порядков и нравов XVIII века автор речи высмеял современное ему общество. Цитируя Кантемира, Сумарокова и других, он говорил о «невежестве, наглom презрении к законности и правам человека», о «чванной лживости», «надменном высокомерии, так легко и быстро переходившем в подлость и унижение».

Речь вызвала бурю возмущения и доносы в министерство реакционно настроенной части чиновников и дворянства. Логинов получил выговор и вскоре за «вредное влияние» на учащуюся молодежь был перемещен в Самарскую гимназию. Выговор объявлен был и педагогиче-

---

²⁰ М. Карякин. И. Н. Ульянов (по воспоминаниям его учеников). В кн. «Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925 гг.)». Пенза, 1925, стр. 19—21.

²¹ ГАПО, ф. 81, оп. 1, д. 638, л. 3.

скому совету института, а также профессору Казанского университета Григоровичу, которому историко-филологический факультет поручил ознакомиться с речью и дать о ней свое заключение²².

На торжественном акте института в 1861 году читал свое сочинение «О грозе и громоотводах» Илья Николаевич Ульянов. Это сочинение свидетельствует о большом научном интересе и материалистическом мировоззрении его автора. Свою работу Илья Николаевич заключает такими словами, полными глубокой веры в силу научных знаний: «Итак, наука дает человеку средства ...бороться с предрассудками и побеждать их самыми неопровержимыми доказательствами — фактами».²³

Педагогическую и научную работу И. Н. Ульянов и другие учителя, его сторонники, сочетали с активной общественной деятельностью. Они явились организаторами движения за распространение грамотности в губернии путем устройства бесплатных воскресных школ для детей, рабочих, ремесленников и мещан. И. Н. Ульянов и его сослуживцы не только возглавили это движение, но и вовлекли в дело народного просвещения своих воспитанников.

Как известно, первые воскресные школы в России возникли в 1859 году по инициативе передовой молодежи. Преподавателями работали преимущественно учителя, студенты и учащиеся средних учебных заведений. Они не получали вознаграждения за труд. Организация воскресных школ шла довольно успешно. В 1862 году во всех губерниях России их насчитывалось свыше трехсот.

Для революционных демократов воскресные школы служили опорными пунктами политического просвещения народа, легальной возможностью для распространения прогрессивных идей. Там, где учителями работали представители разночинно-демократической интеллигенции, молодых рабочих и ремесленников не только учили, но и старались распропагандировать, чтобы подготовить из них активных участников революционного движения.

Правительство вначале не препятствовало открытию воскресных школ. В то же время оно требовало, чтобы

²² ГАПО, ф. 59, оп. 1, д. 435, л. 5; М. Ульянова, Указ. соч., стр. 13—14.

²³ ГАПО, ф. 59, оп. 1, д. 504, л. 19.

они находились в ведении местного училищного начальства наравне с городскими и приходскими училищами, то есть ставило воскресные школы под постоянный контроль правительственных органов.

В Пензенской губернии было открыто три воскресных школы — в городах Пензе, Краснослободске (с 1 ноября 1860 года) и Мокшане (с 1 октября 1861 года). В Пензе помещением для школы служило здание гимназии. Распорядителями в ней были сначала В. И. Захаров, а затем И. Н. Ульянов. Преподавали Ауновский, Захаров, Ульянов, Мерцалов и некоторые ученики гимназии²⁴. Занятия проходили успешно. Как сообщал директор училищ губернатору, в первый день в школу явилось 40 человек учащихся, во второй день — 48, в третий — 80 человек²⁵. В своем большинстве это была рабочая и ремесленная молодежь, тянувшаяся к знанию, но лишенная возможности учиться в существовавших в городе учебных заведениях.

В Краснослободске и Мокшане в воскресных школах преподавали учителя уездных и городских училищ. Здесь число учеников было незначительным²⁶.

Летом 1862 года в связи с переходом реакции в открытое наступление против сил демократии воскресные школы повсеместно были закрыты правительством. Были они закрыты и в Пензенской губернии. Но прогрессивное движение за распространение грамотности в народе, возглавленное Ульяновым, Захаровым и другими учителями, не прошло бесследно. Оно оказало определенное влияние на настроение умов пензенского общества, прежде всего учащейся молодежи, часть которой была вовлечена непосредственно в это движение.

Лучшие идеи того времени, новое направление в преподавании, передовое общественное движение — вся атмосфера жизни захватывала эту молодежь, порождала в ее среде дух отрицания и протеста, несогласия с окружающей действительностью. Один из воспитанников гимназии, а впоследствии участник Иштутинского кружка Д. Л. Иванов в автобиографии так описывает общественную атмосферу, царившую в это время в пензенских учеб-

²⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3987, лл. 7—8.

²⁵ Там же, д. 3786, л. 32.

²⁶ Там же, д. 3987, лл. 7—8.

ных заведениях: «Тогда — конец 50-х и начало 60-х годов — повеяло как-то разом новым духом. Традиции пензяка Белинского, «Отцы и дети», Лев Толстой, Добролюбов, Некрасов, Щедрин, Бокль, Льюис, «Гнилые болота», «Кто виноват?», «Что делать?», Д. С. Милль, освобождение крестьян, конец откупов, начало польского восстания, введение в курс гимназии естествознания, новые учебники по истории, новые отношения учителей к ученикам, смелые споры с ними на уроках... вся атмосфера школы и жизни обняла молодежь, и вдруг, после розог, оплеух и ругательств, после зубрежки Устрялова, заставила думать, читать, добиваться «вопросов», спорить об идеалах, жить бойко, свободно, самостоятельно»²⁷.

В рассматриваемое время воспитанники гимназии и дворянского института проявили себя разного рода протестами, кончавшимися нередко исключениями из учебного заведения²⁸.

Влияние педагогов-демократов Ульянова, Захарова и других на развитие освободительных настроений у пензенской учащейся молодежи усиливалось близким личным общением их со своими питомцами. Гимназисты Ишутин и Каракозов проживали в одно время на квартире у В. И. Захарова, у которого жил и И. Н. Ульянов. По сведениям, собранным пензенским жандармским штаб-офицером Глоба, В. И. Захаров с помощью Ишутина распространял портрет известного революционера М. И. Михайлова²⁹.

Н. С. Таганцев в своих неопубликованных воспоминаниях³⁰ пишет о пензенском кружке учащейся молодежи, руководителем которого был В. И. Захаров. Из членов кружка Таганцев называет себя и своих товарищей по гимназии Хлебникова и Лицкой³¹. Из учителей гимназии и дворянского института кружок посещали И. Н. Уль-

²⁷ Цитируется по кн. Э. С. Виленской «Революционное подполье в России (60-годы XIX в.)». Изд-во «Наука», М., 1965, стр. 192—193.

²⁸ ГАПО, ф. 58, оп. 1, д. 38, лл. 1—2, 15—16.

²⁹ ЦГАОР, ф. 272, оп. 1, д. 12, л. 294.

³⁰ Часть мемуаров Н. С. Таганцева была издана в 1919 году под названием «Пережитое». Воспоминания, о которых здесь идет речь, написаны в 1920 году; они посвящены гимназическим и студенческим годам автора.

³¹ Н. Таганцев окончил Пензенскую гимназию в 1859 г., Н. Хлебников и Лицкой окончили ее в 1860 году.

янов, В. А. Ауновский и В. Х. Хохряков. Его участниками были также сестра Таганцева Любовь Степановна и жена Захарова Ольга Сергеевна. «Собрания наши по вечерам, — отмечает Н. С. Таганцев, — были заняты главным образом, чтением журналов, в особенности самого либерального тогда «Современника», и любимых писателей. Много мы читали тогда Вальтера Скотта... увлекались мы Байроном, особенно его «Манфредом» и «Макбетом», много знали стихов наизусть и их декламировали. Особенной симпатией пользовался А. И. Герцен, которого врасос читали: «Кто виноват?» «Доктор Крупов», «Былое и думы», «С того берега». Читали мы аккуратно и «Колокол». Очень любили стихотворения наших пензяков Огарева и Полежаева... Много читали мы Гоголя, Некрасова. Конечно, читали мы и запрещенные цензурой произведения»³².

Те из членов кружка, которые уезжали учиться в университеты, продолжали поддерживать связь с бывшими товарищами-пензяками, а во время каникул привозили с собой нелегальную литературу.

Таким образом, на собраниях кружка, руководимого Захаровым, учителя и их воспитанники познакомились с лучшими произведениями революционных демократов и другой передовой литературой того времени.

В секретном донесении шефу жандармов графу Шувалову полковник Глоба характеризовал Захарова как «человека высшей степени вредного направления и имевшего большое влияние на воспитанников пензенской гимназии». Он сообщал: «Захаров, как говорят, был очень умный, но употреблял все свои способности чрезвычайно мастерски на вселение ученикам гимназии самых вредных идей и развитие в них враждебных всякому порядку стремлений... О Захарове отзываются в Пензе не только как о человеке вредном, но и как весьма опасном по его направлению и искусному умению расположить к себе юношество, вложить в него вредные понятия, губительное направление и распалять в молодых людях враждебные страсти»³³.

Следственная комиссия по делу о покушении Каракозова не могла не заметить, что многие члены Ишутинско-

³² ГПБ, Отдел рукописей, ф. 760, д. 597, л. 24.

³³ ЦГАОР, ф. 272, оп. 1, д. 12, лл. 293 об.—294 об.

го кружка были пензенскими уроженцами, учившимися в конце 50-х начале 60-х годов в пензенской гимназии или дворянском институте. В связи с этим она делала запросы о направлении преподавания в этих учебных заведениях, о взаимоотношениях учителей с учениками, требовала от арестованных ишутинцев откровенных показаний о своих наставниках. Кроме фамилии Захарова, во время следствия упоминались фамилии И. Н. Ульянова и В. А. Ауновского. Ишутинец Н. П. Странден, приезжавший до своего ареста весной 1864 года в Нижний Новгород и живший там у своего товарища Васильева, на вопрос следователя о его знакомых в Нижнем, ответил: «Кроме родственников Васильева и бывших моих учителей Ульянова и Ауновского, знакомых я там не имел». Это показание Страндена не имело последствий для И. Н. Ульянова и В. А. Ауновского³⁴.

На допросах ишутинцы старались доказать непричастность своих учителей к их революционной деятельности. Они говорили о своих наставниках как о лучших преподавателях, прекрасно знавших свой предмет и внесших в преподавание новые методы. Однако несомненно, что решающую роль в формировании мировоззрения будущих деятелей революционного подполья сыграли их пензенские учителя, постоянно общавшиеся с ними, учителя, которые, по словам П. Ф. Филатова, вносили в их жизнь «честный взгляд и высокие нравственные принципы». Штаб-офицер Глоба в упомянутом выше донесении шефу жандармов характеризует Ишутина как последователя Захарова³⁵.

Письменная и личная связь учителей с учениками не прерывалась и после отъезда тех и других из Пензы в начале 60-х годов.

Условия для педагогической работы в Пензе были неблагоприятны. До 1861 года дворянский институт содержался на средства, которые собирались с крестьян (по 43¼ коп. с души ассигнациями) по решению дворянства Пензенской губернии. С освобождением крестьян этот источник прекратился, а от дворян поступали лишь ничтожные суммы. Крайняя материальная необеспеченность затрудняла ход учебных занятий, не мог-

³⁴ М. Ульянова. Указ. соч., стр. 15—16.

³⁵ ЦГАОР, ф. 272, оп. 1, д. 12, л. 294 об.

ла способствовать творческой работе преподавателей. В 1863 году попечитель Казанского учебного округа, сообщая Министерству народного просвещения «о критическом положении Пензенского дворянского института», ходатайствовал о закрытии института «за отсутствием средств на его содержание»³⁶. Не в лучшем положении находилась и пензенская гимназия, на содержание которой отпускались весьма ограниченные средства.

Все это побудило лучших учителей уехать из Пензы. В 1862 году переехали в Нижний Новгород В. И. Захаров и В. А. Ауновский. В этом же году начал хлопотать о переводе в другой город и И. Н. Ульянов. При содействии директора Нижегородской гимназии А. В. Тимофеева (бывшего учителя Ильи Николаевича по Астраханской гимназии) И. Н. Ульянов в июне 1863 года получил место старшего учителя физики и математики в этой гимназии³⁷.

Переехав в Нижний Новгород, И. Н. Ульянов, а также Захаров и Ауновский продолжали поддерживать связи с бывшими своими учениками — ишутинцами. Так, П. А. Федосеев, как он сам свидетельствует, будучи в одно время в Нижнем Новгороде, виделся там с Захаровым. Позже Федосеев отправил письмо Захарову, занимавшему в то время должность секретаря Нижегородского губернского акцизного управления, в котором просил «об определении» его на службу «куда-нибудь в акцизное управление».³⁸

В ответном письме, найденном жандармами у Федосеева при обыске в 1866 году, Захаров писал, между прочим, своему бывшему воспитаннику: «Отвечая на Ваши слова — много воды утекло со времени свидания в Нижнем, я добавлю, что вода эта образовала много новых потоков, так что не знаешь, по которому плыть». Из этого же письма видно, что Захаров, заезжая в Москву, встречался там с другим учеником — ишутинцем Д. А. Юрасовым³⁹.

³⁶ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4073, лл. 1—10. По представлению Министра народного просвещения, 1 августа 1863 г. было высочайше повелено: Пензенский дворянский институт закрыть.

³⁷ ГАПО, ф. 59, оп. 1, д. 468; М. Ульянова. Указ. соч., стр. 18—21.

³⁸ ЦГАОР, ф. 272, оп. 1, д. 13, лл. 192, 194—194 об.

³⁹ ЦГАОР, ф. 272, оп. 1, д. 12, л. 258, (см. письмо).

В бумагах Федосеева, захваченных при обыске, в числе записей разных адресов были обнаружены адреса Ульянова, Христофорова и Умнова⁴⁰. Желая скрыть свои связи, Федосеев на допросе утверждал, что указанных лиц он вовсе не знает и не помнит по какому случаю и для чего были записаны эти адреса⁴¹.

У ишутинца Н. П. Петерсона во время обыска было найдено письмо И. Н. Ульянова, датированное 9 декабря 1864 года⁴². Сообщая своему бывшему ученику о том, что при Нижегородской гимназии открывается вакансия на замещение места учителя, И. Н. Ульянов рекомендовал подготовиться к конкурсу и приехать в Нижний Новгород, когда он его уведомит.

Можно полагать, что Захаров, Ульянов и их друзья знали о нелегальной деятельности своих бывших учеников. Ишутинцы, чтобы скрыть свои связи, на допросе умолчали об этом.

Однако, несмотря на отсутствие прямых доказательств их политической «неблагонадежности», некоторые из них были подвергнуты репрессиям. Так, у В. И. Захарова производился обыск, были изъяты его бумаги и письма. По указанию властей, он был навсегда отстранен от педагогической деятельности, за ним установили полицейский надзор. Захаров стал управляющим именем О. С. Левашовой (в Симбирской губернии), близко стоявшей к ишутинскому кружку. Проживая в селе Каменке Курмышского уезда (имение Левашовых), он много содействовал делу народного просвещения. Через курмышское земство, гласным которого он был одно время, Захаров добивался улучшения состояния народных школ и положения учителей⁴³.

Преследованию со стороны властей подвергается также В. И. Логинов. Высланный из Пензы в 1861 году, он преподавал сначала в Самарской гимназии, а затем «за стремление проводить между учащимися идеи крайнего

---

⁴⁰ Христофоров и Умнов были близки к ишутинцам, устраивали в Саратове артели рабочих, снабжая их деньгами.

⁴¹ ЦГАОР, ф. 272, оп. 1, д. 13, л. 195 об.; Э. С. Виленская. Указ. соч., стр. 193—194.

⁴² Н. П. Петерсон окончил Пензенский дворянский институт в 1861 году.

⁴³ Ж. Трофимов. В Пензе и вдали от нее. «Пензенская правда», 21 января 1966 г.

социализма»⁴⁴, был переведен в Казанскую гимназию. В 1866 году, после покушения Каракозова, Логинова лишили права заниматься педагогической деятельностью как человека политически «неблагонадежного».

Для И. Н. Ульянова и В. А. Ауновского связи с учениками-ишутинцами не имели прямых последствий. Они продолжали заниматься педагогической работой, отстаивая новые, прогрессивные взгляды в обучении и воспитании, преодолевая препятствия, которые ставились властями делу просвещения народных масс.

Особенно много сделал для народного образования И. Н. Ульянов в период жизни и деятельности в Симбирской губернии, где он работал в качестве инспектора, а затем директора народных училищ (1869—1886 гг.). М. И. Ульянова, характеризуя Илью Николаевича как просветителя, как неутомимого борца за народную школу в дореволюционной России, писала: «Это был один из пионеров в деле начального образования, его неутомимым деятелем в течение ни одного десятка лет в ту пору, когда работа по просвещению народа была связана с большими трудностями... Нужно было иметь большую веру, беззаветную преданность своему делу, подлинный идеализм и неиссякаемую энергию для того, чтобы, несмотря на все препятствия, которые ставились делу народного просвещения как правительством, так и реакционными слоями общества, сохранить душу живую, не охладеть и не опустить руки..., а отдать все силы на служение народу, умереть за работой для него»⁴⁵.

В своей практической педагогической работе Илья Николаевич Ульянов претворял в жизнь передовые идеи того времени. Как указывала Н. К. Крупская, «педагогический фронт был в то время фронтом борьбы против крепостничества»⁴⁶.

ИШУТИНЦЫ. Д. В. КАРАКОЗОВ

Следует особо остановиться на кружке ишутинцев и его связях с Пензой. Основатель этого кружка Николай Андреевич Ишутин (1840—1879) родился в городе Сердобске в семье потомственного почетного гражданина.

⁴⁴ М. Ульянова. Указ. соч., стр. 14.

⁴⁵ М. Ульянова. Указ. соч., стр. 5.

⁴⁶ Н. К. Крупская. Указ. соч., т. VI, стр. 407.

Рано оставшись сиротой, он воспитывался в доме своих родственников мелкопоместных дворян Сердобского уезда Каракозовых. В 1855 году Николай Ишутин окончил Чембарское уездное училище, а потом учился в Пензенской гимназии. В конце 1862 или начале 1863 года Ишутин переехал в Москву и поступил вольнослушателем в Московский университет. Он стал активным участником студенческого и революционного движения. Вокруг него сложился кружок в несколько десятков человек, состоявший главным образом из студентов. В состав руководящего ядра кружка входили пензенские уроженцы, товарищи по гимназии или дворянскому институту: Д. А. Юрасов, М. Н. Загibalов, Д. В. Каракозов (двоюродный брат Ишутина), В. С. Карачаров, Н. Т. Странден, П. Д. Ермолов, П. Федосеев и другие.

В своих показаниях учредители Ишутинского кружка относят его основание к осени 1863 года. Но активную деятельность по сплочению революционных сил он развернул с 1864 года. Кружок стал организующим центром московского подполья и установил деятельную связь с петербургскими и периферийными кружками.

Ишутинцы считали себя продолжателями дела Н. Г. Чернышевского. Они ставили своей конечной целью революционное преобразование России. Осуществлению этой цели должна была служить пропаганда идей социализма словесно и путем создания производительных ассоциаций (товариществ) как в промышленности, так и в земледелии. Воплощая на практике свои идеи, ишутинцы основали в Москве переплетную и швейную мастерские и ваточную фабрику в Можайском уезде. Велась работа по организации артельного чугуноплавильного завода в Жиздринском уезде Калужской губернии. В дальнейшем предполагалось перейти к организации сельскохозяйственных ассоциаций. Создание артельных предприятий имело целью показать на деле выгоды обобществленного (социалистического) производства. Но в условиях того времени идея о производительных ассоциациях была утопией и не могла быть осуществлена. Значение ишутинских ассоциаций состояло в том, что они служили местом для сходов тайного общества и, следовательно, являлись опорными пунктами движения за сплочение революционных сил.

Объединяя вокруг себя московское подполье, ишутинцы стремились распространить свою деятельность на периферию. С этой целью предпринимались поездки в Нижний Новгород, Пензу, Саратов и в другие места Поволжья.

С Пензой ишутинцы имели постоянную связь. Так, в 1863 году, сюда приезжал Н. Ишутин и имел здесь разговор с П. Д. Ермоловым, учившемся в то время в 7-м классе дворянского института. По словам Ермолова, во время этого разговора Ишутин убеждал его «в необходимости революции для введения в России социализма» и дал ему какую-то прокламацию, напечатанную на «восьмушке листа». Агитация дала свои результаты. Вскоре после встречи с Ишутиным Ермолов оставил институт и переехал в Москву⁴⁷. Он не только стал деятельным участником тайного общества, но и отдал на его нужды доходы с имения (1200 дес.), которым владел по наследству в Наровчатском уезде.

В следующем году Ермолов приезжал вместе со Странденом в свое имение село Казеевку. Здесь им была устроена бесплатная школа для крестьянских детей, в которой преподавали он сам, Странден и управляющий имением. Школа эта просуществовала несколько месяцев — с весны до зимы 1864 года. Она была закрыта местными властями по доносу сельского священника, утверждавшего, что в ней «преподавали учение, противное православной религии».

В апреле 1865 года Ермолов, по его собственному свидетельству, «ездил с Ишутиным в деревню для того, чтобы достать денег из опеки на завод Орфанова⁴⁸ и получил позволение попечителя на получение 4407 руб». В августе того же года Ермолов снова ездил в деревню Казеевку, «где прожил с месяц».⁴⁹

Осенью 1865 года в Пензенскую губернию приезжал Дмитрий Каракозов. Отсюда он возвратился в Москву в ноябре этого же года. На 9 апреля 1866 года намечался отъезд в Пензу Ишутина, Ермолова и Загибалова, но он

---

⁴⁷ «Красный архив», т. IV (XVII), 1926, стр. 115; Показание П. Д. Ермолова от 22 мая 1866 г.

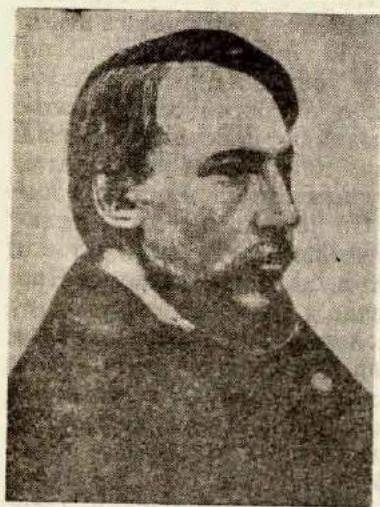
⁴⁸ Орфанов — владелец ваточной фабрики, которую ишутинцы взяли в аренду для устройства ассоциации.

⁴⁹ «Красный архив», т. IV (XVII), 1926, стр. 117.

не состоялся, так как в ночь на это число все они были арестованы⁵⁰.

Деятельность по организации школ и артельных предприятий ишутинцы связывали с борьбой против самодержавия. Судебным следствием было отмечено, что в задачу тайного общества входили «не только экономиче-

Д. В. Каракозов.

ский переворот... но и социальная революция, дележ собственности и переворот государственный насильственными мерами»⁵¹. Совершить этот переворот мыслилось с помощью создания сети тайных кружков в центре и на периферии, которые должны были готовить народ к восстанию путем пропаганды.

Однако в условиях спада революционной волны после 1863 года некоторые участники ишутинской «Организации» не надеялись на то, что в ближайшее время произойдет крестьянская революция. Поэтому они

рассчитывали произвести переворот посредством убийства царя, то есть встали на путь террора. С этой целью Дмитрий Каракозов создал внутри ишутинского кружка группу «Ад», которая и занялась подготовкой цареубийства.

Важно отметить, что подмена революционной борьбы народа тактикой террора являлась отступлением от теории крестьянской революции Н. Г. Чернышевского, считавшего, что инициатива восстания должна принадлежать самим народным массам. Эта ошибочная тактика ишутинцев — первый признак зарождения народоволютерской тактики террора, являвшейся, как известно, основ-

⁵⁰ Э. С. Виленская. Указ. соч., стр. 276, 415.

⁵¹ «Колокол», лист 230, 1 декабря 1866 года, стр. 1883.

ным методом борьбы «Народной воли» с царизмом. Четвертого апреля 1866 года Дмитрий Каракозов безуспешно пытался убить Александра II выстрелом из пистолета в Летнем саду. Стрелявший был схвачен и казнен, а ишутинский кружок — разгромлен.

При задержании у Каракозова обнаружили рукописную прокламацию под названием «Друзьям рабочим», в которой объяснялась причина террористического акта против царя. На следствии Каракозов показал, что эту прокламацию сочинил он сам и что он распространял ее перед покушением. В листовке, обращенной ко всему трудящемуся населению, указывалось на тяжелое положение народа и разъяснялось, что цари есть главные виновники всех бедствий угнетенных масс. Автор листовки извещает о своем намерении уничтожить царя-помещика, царя-злодея, чтобы трудовому народу жилось лучше. «Удастся мне мой замысел, — говорилось в прокламации, — я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу — русскому мужичку. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось — им удастся. Для них смерть моя будет примером и вдохновит их»⁵².

Предполагалось, что распространение воззвания подготовит народ к необходимости переворота, а убийство царя явится началом социальной революции, которая приведет к ликвидации самодержавия и установлению социалистического строя.

Остановимся на том, какую реакцию вызвало покушение 4 апреля в Пензенской губернии. Местные власти, дворяне, чиновники, а также купечество негодовали по поводу выстрела в Петербурге и спешили «повергнуть к стопам его величества» верноподданические адреса. В городских соборах и сельских церквях совершались благодарственные молебны за спасение жизни царя. Производился сбор средств на постройку церкви в воспоминание событий 4 апреля⁵³.

Ветераны реакции, раболепствуя перед правительством, требовали уничтожения фамилии Каракозовых. Особенно усердствовало сердобское дворянство, «воюющее

⁵² «Покушение Каракозова» т. I, стр. 294.

⁵³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4541.

против всей семьи Каракозовых, даже против их имени». ⁵⁴ Как сообщалось тогда в одном из номеров «Колокола», к братьям Дмитрия Каракозова, Алексею и Петру, проживавшим в городе Сердобске, явился чиновник местной полиции и убеждал отказаться от имения, которое «у них дворяне купят и дом их и усадьбу, где жил преступник... уничтожат, сравняют, а может быть сожгут» ⁵⁵.

26 апреля происходило собрание сердобского дворянства, на котором было объявлено о «желании» братьев Каракозовых «изменить свою фамилию и отступить от земли». Герцен и Огарев с возмущением писали: «Уничтожение, гонение, срытие с лица земли Каракозовых. Хорошо, что надо ехать в Сердобск, чтобы искать Каракозовых, да и там их двое: ну а будь стрелявший Иванов или Петров — им же числа и меры нет? Да покрапейте же!» ⁵⁶

Однако выстрел в Петербурге далеко не у всех вызвал холопское чувство верноподданнической преданности. Передовая пензенская интеллигенция по иному оценивала совершающиеся факты. Учитель мокшанского уездного училища Федор Вальтер публично выражал свое сожаление о неудаче покушения на жизнь царя. «Очень жаль, что Каракозов не убил государя», — говорил он своим знакомым. Учившийся в пензенской гимназии в одно время с Ишутинным, Каракозовым, Загибаловым и Юрасовым Вальтер, несомненно, разделял взгляды своих бывших товарищей, хотя формально и не состоял в Ишутинском кружке. Источником формирования этих взглядов, как уже указывалось, были окружающая действительность и влияние передовых учителей пензенских учебных заведений. Отвечая на вопрос следователей — кто были его учителя — Вальтер назвал в числе других Захарова и Ауновского. Хотя на дознании виновность Вальтера в произнесении «дерзких слов» и не была доказана, его все же отстранили от занимаемой должности. ⁵⁷

Губернское начальство не хотело допустить «оставше-

⁵⁴ «Колокол», л. 223, 1 июля 1866 г., стр. 1828.

⁵⁵ Там же, л. 221, 1 июня 1866 г., стр. 1811.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4542, лл. 15, 66—69.

гося в подозрении» бывшего учителя к государственной службе. Только благодаря настойчивым стараниям управляющего Пензенской казенной палатой М. Е. Салтыкова-Щедрина Федор Вальтер был определен писцом 2-го разряда в отделение казначейства казенной палаты.

Вмешательство Салтыкова в судьбу Вальтера характеризует одну из сторон его общественного поведения в годы службы в городе Пензе. Ведь Салтыков защищал человека, скомпрометированного в связи с делом Каракозова, и, следовательно, подвергал себя опасности политического преследования. Такая опасность усиливалась и в связи с тем, что еще до этого случая Салтыков находился на подозрении у пензенского жандармского управления за сочувствие к покушению Каракозова. Полковник Глоба в донесении шефу жандармов графу Шувалову от 23 апреля 1866 года передает рассказ местного помещика И. В. Сабурова, в котором говорилось, что Салтыков в кругу своих знакомых «позволил себе выразить свое негодование на государя императора» за то, что тот возвел в дворянство крестьянина Осипа Комиссарова, толкнувшего Каракозова в момент выстрела и тем спасшего жизнь царя.

Далее Глоба писал в донесении: «За г. Салтыковым, я постоянно слежу и, по совести, осмеливаюсь доложить, что он весьма неблагонадежного образа мыслей и вредного в политическом отношении нравственного направления; г. Салтыков из числа тех исключительных личностей, которые стараются воспользоваться каждым удобным случаем, чтобы... привить мысль, ослабляющую верноподданнические чувства».⁵⁸

Донесение Глоба не имело прямых последствий для М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но вскоре после случая с Вальтером, в начале декабря 1866 года, он был переведен на службу в город Тулу.

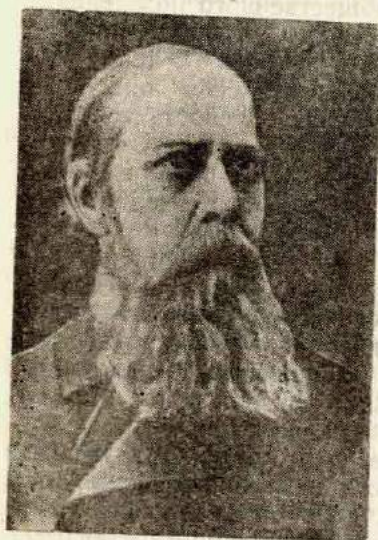
Следует сказать и о настроениях в семье Каракозовых.

Выше говорилось о том, что после выстрела 4 апреля братья Каракозовы под угрозой правительственных репрессий и под нажимом сердобского дворянства «изъявили желание» отказаться от своей фамилии.

---

⁵⁸ Б. Бухштаб. После выстрела Каракозова. «Каторга и ссылка», № 5, 1931, стр. 63.

Однако архивные документы дают основание считать, что им чуждо было чувство верноподданнической преданности, что новые веяния, источником которых являлась революционно-демократическая печать, захватили и их, как и многих других представителей русского общества.

М. Е. Салтыков-Щедрин.

Материалы показывают, что Алексей Владимирович Караказов, чембарский городской врач, переведенный затем в Сердобск на должность уездного врача, придерживался образа мыслей, близких к воззрениям революционных демократов 60-х годов. Наблюдавший за ним чембарский уездный исправник в рапорте губернатору так характеризовал его взгляды: «Понятия и воззрения Алексея Каракозова более подходящи к идеям, проводимым журналом «Современник».⁵⁹

Демократически был настроен и другой брат — Николай Каракозов, проживавший в селе Жмаки-

не Сердобского уезда. Он и его товарищ, учитель Костомаров за сочувствие к Дмитрию Каракозову привлекались к дознанию, за ними был установлен секретный полицейский надзор.⁶⁰

Таким образом, передовые представители пензенской интеллигенции выражали мнения, несогласные со взглядами и действиями той части общества, которая низкопоклонствуя и распинаясь в верноподданнической преданности царю, преподносила ему адреса и иконы.

Поступок Д. В. Каракозова не вызвал и не мог вызвать революцию. Но он явился ярким фактом самоотверженной борьбы против самодержавия и помещиков,

⁵⁹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4541, л. 28.

⁶⁰ Там же, д. 4825, л. 1.

примером беззаветного служения интересам горячо любимого народа. В показании Каракозов говорил: «Относительно же себя я могу сказать, что если бы у меня было сто жизней, а не одна, и если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу, клянусь всем, что только есть святого, что я ни минуты не поколебался бы принести такую жертву».⁶¹

Деятельность Ишутинского кружка оказала большое влияние на дальнейшее развитие революционного движения в России. Она не могла не оказать влияния и на пензенскую демократическую молодежь. Неоднократные поездки пензяков-ишутинцев на родину и личные связи с земляками, несомненно, способствовали развитию освободительных настроений у этой молодежи. В начале 70-х годов, как увидим, в Пензе образовался революционный народнический кружок из воспитанников все той же гимназии и отчасти учеников духовной семинарии. Участники кружка поставили своей задачей пропаганду идей социализма в народе с целью поднять массу на восстание.

---

⁶¹ Цитата приводится по книге А. А. Шилова «Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года». Пг. 1919, стр. 11.

Х. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (60—90-е ГОДЫ)

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ

После отмены крепостного права Россия вступила на путь капиталистического развития. Это выразилось прежде всего в росте крупной промышленности. Несмотря на остатки крепостничества, задерживавшие рост капитализма, число фабрик и заводов в Европейской России с 1866 по 1890 год увеличилось более чем вдвое, с 2,5 до 6 тыс., а число рабочих — более чем в полтора раза, с 674 до 1180 тысяч.

Однако в Пензенской губернии в течение первого 25-летия после реформы идет не рост, а уменьшение как числа фабрик и заводов, так и числа рабочих в них. С 1865 по 1889 год количество фабрик и заводов сократилось со 126 до 80, а количество рабочих — с 10315 до 5876.¹

Сложившаяся в период господства крепостного права промышленность, основанная на труде крепостных крестьян, в течение 60—80-х годов находится в состоянии глубокого кризиса и приспособления к новым капиталистическим отношениям. Возникшие в 80-х годах спичечная, лесопильная, мукомольная и некоторые другие отрасли производства не могли покрыть сокращения ни числа фабрик и заводов, ни количества рабочих старой

¹ П. Г. Сумерин. Промышленность Пензенской губернии в до-революционный период (1861—1913 гг.). Ученые записки Пенз. госуд. педагог. ин-та». Вып. пятый. Пенза, 1958, стр. 71.

промышленности. Только в 90-е годы начинается общий рост промышленного производства губернии. К 1900 году число фабрик и заводов возросло до 141, число рабочих до 9860, несколько превысив уровень 1865 года по числу предприятий, но не достигнув его по числу рабочих.²

Обратимся к краткому обзору главных отраслей промышленности губернии.

Находившиеся в Краснослободском и Инсарском уездах железоделательные и чугунолитейные заводы, основанные на принудительном труде, после 1861 года быстро приходят в упадок.

В то же время успешно развивается новое капиталистическое производство — чугунолитейные и механические заводы. Наиболее крупный из них, принадлежавший германскому подданному В. И. Крюгеру, находился в г. Пензе. В 1884 году на заводе числилось 250 рабочих. Оборудование его состояло из паровой машины в 15 лошадиных сил, двух вагранок, шести горнов и 28 различных станков.

Другой чугунолитейный завод принадлежал пензенскому купцу И. М. Лобанову. Оборудован был локомотивом, вагранкой и пятью станками, имел 80 рабочих. Третий небольшой завод, производивший сельскохозяйственные машины, находился в Краснослободске.³

Эти заводы производили различное литье: лестницы, монументы, машинные части, ремонт и сборку паровых машин, сельскохозяйственные машины и орудия (главным образом плуги), оборудование для маслобойных, лесопильных, винокуренных заводов.

Не получила развития и другая отрасль промышленности дореформенного периода — сахароварение. В России сахароварение возникло в начале XIX века и до 40-х годов сосредоточивалось в центральных губерниях, в том числе в Пензенской. Сахарные заводы составляли исключительную принадлежность помещичьих, главным образом дворянских имений. Часть помещиков превратилась в сахарозаводчиков, заводила свекловичные плантации в своих экономиях, скупала свеклу у соседей, внедряла ее посеы среди своих крестьян. Возделывание свекловицы и переработка ее в сахар выражали разви-

² Там же, стр. 71.

³ Там же, стр. 78.

тие торговых отношений в земледелии. Однако качество продукции заводов было крайне низким. Естественно, что сахароваренные заводы губернии не могли конкурировать с передовой сахароваренной промышленностью, развивавшейся в других районах России (главным образом на Украине), и к концу 80-х годов были ликвидированы.

Резко сокращается суконная промышленность. Производство сукна составляло привилегию дворянства и до 60-х годов включительно основывалось на труде крепостных или временно-обязанных крестьян. Сбыт сукна обеспечивался поставками на военное ведомство. Пензенская губерния была одним из важных районов суконной промышленности дореформенной России. Суконные фабрики находились во всех уездах, кроме Мокшанского и Краснослободского. Из 32-х фабрик, действовавших в 1860 году, 30 принадлежали помещикам и только две — купцам.

Начиная с 60-х и до середины 80-х годов, число суконных фабрик и количество занятых в них рабочих быстро сокращается. Это было частью того процесса упадка дворянских мануфактур, который протекал в России после 1861 года. Уже к 1883 году осталось только 12 фабрик, причем 7 из них не работали.

Наиболее крупные и лучше оборудованные фабрики переходят в руки купцов. Так, в декабре 1861 года помещица Никифорова продала свою фабрику в селе Большая Лука Керенского уезда купцу С. А. Казееву. Через семь лет он же купил фабрику помещика Золотарева в Городищенском уезде. В 1874 году в руки этого же купца перешла фабрика Селиванова в селе Новая Боголюбовка Городищенского уезда.

Городищенский купец П. П. Петров приобрел две фабрики помещика Литвинова в селе Александровка. В 1889 году последняя из помещичьих фабрик, принадлежавшая графу Шувалову, была арендована купцом Катаевым, а затем перешла в его собственность.⁴

На место крепостнических мануфактур пришли капиталистические фабрики купцов. Однако развитие суконной промышленности шло медленно, так как ее техническое оборудование оставалось в основном старым. Да и

⁴ ГАПО, ф. 9, д. 170; д. 497, л. 62.

вырабатывать здесь продолжали преимущественно грубые армейские сукна. Существовали же фабрики только благодаря казне, закупавшей их продукцию.

Для губернии было особенно характерно развитие винокурения. Оно являлось главной отраслью промышленного производства, определявшей размеры таких отраслей местной промышленности, как стекольное, мукомольное, крахмало-паточное, механическое. Винокурение было одной из важных привилегий помещиков и почти все винокуренные заводы, находившиеся на территории губернии, принадлежали помещикам. Спирт производился по нарядам казны и поставлялся на казенные склады. Только незначительная часть оставалась в распоряжении помещика.

Отмена крепостного права и установление большей зависимости доходов винокуренных заводов от рынка вызвали коренную перестройку винокуренной промышленности. Мелкие заводы прекращают свою деятельность, производство концентрируется на крупных заводах. К концу 80-х годов число действовавших заводов по сравнению с 1861 годом уменьшилось в 2,5 раза, или с 78 до 31, а число рабочих — с 5700 до 1600, количество выкуренного спирта с 2175 до 1354 тысяч ведер. В то же время производительность труда одного рабочего поднялась более чем вдвое — с 381 до 846 ведер в год.⁵

Такой рост производительности труда был связан с переходом в 70-х годах к более выгодному производству спирта из картофеля, вместо производства из хлебных продуктов (муки, зерна, солода). На картофельное винокурение переходили исключительно крупные заводы, получившие все выгоды дешевого производства. Среди этих заводов выделялись три наиболее крупных: в с. Лашма Наровчатского уезда генерала Арапова И. А., при с. Пыркино Городищенского уезда помещика Устинова А. М. и в с. Знаменском Керенского уезда графини Келер М. А.

Промышленный подъем 90-х годов, быстрый рост спроса, переход на производство спирта из картофеля, предоставление ряда льгот мелким винокуренным заводам вызвали быстрый, почти непрерывный рост винокурения в губернии, продолжавшийся вплоть до 1914 года.

⁵ П. Г. Сумерин. Указ. соч., стр. 85.

«Винокурение в Пензенской губернии дает такую прибыль на затраченный капитал, которая невозможна ни в какой другой отрасли промышленности», — писало акцизное управление в отчете за 1905 год.

Винокуренная промышленность давала огромный доход царскому правительству в виде акцизного сбора — одного из налогов, тяжелым бременем ложившегося на плечи трудящихся. С 1870 по 1900 год винокуренные заводы одной лишь Пензенской губернии давали казне от 9,5 до 10,5 миллиона рублей акциза ежегодно. Недаром бюджет царской России называли «пьяным бюджетом».

Значительную роль в развитии фабрично-заводской промышленности губернии играли стекольные заводы, находившиеся в Городищенском и Нижне-Ломовском уездах. Особое место среди них занимал хрустальный завод в селе Никольская Пестровка — одно из старейших и крупных стекольных предприятий России.

До 1861 года владельцы завода Бахметьевы имели два стекольных завода, фарфоро-фаянсовую и полотняную фабрики, винокуренный и свеклосахарный заводы. Но почти все они были нужны, главным образом, как источник средств для поддержания основного предприятия — хрустального завода. «На улучшение изготовления художественного стекла, — писали авторы труда «Материалы к статистике и географии России», — владельцы не щадили никаких издержек и достигли того, что... вещи, выделяемые на заводе, по достоинству хрусталя и изящности форм и отделки, почитаются едва ли не лучшими в России и могут соперничать с лучшими иностранными изделиями этого рода».⁶

Основанный на крепостном подневольном труде, с низкой техникой производства, завод после 1861 года оказался в тяжелом положении. В сборнике, посвященном 150-летию завода, отмечалось, что 60-е и часть 70-х годов «должны почитаться временем упадка Никольско-Бахметьевского хрустального завода». Бахметьевские промышленные заведения оказались неприспособленными к новым условиям и вместо прежних доходов приносили только убытки. Сахарный завод и главный источник доходов — винокуренный — были закрыты. Та же

⁶ «Материалы для географии и статистики России. Пензенская губерния». СПб, 1867, часть II, стр. 65.

участь грозила и хрустальному заводу. Производство ценных изделий, которыми до сих пор славился завод, прекратилось. Стали удешевлять производство, выгадывая на материалах, качество продукции резко снизилось. К тому же появились грозные конкуренты — оборудованные передовой техникой новые заводы.⁷

Только в 90-е годы положение изменилось коренным образом. Завод был оборудован «согласно новейшим техническим условиям», что сразу принесло почти удвоение продукции. Новый толчок росту производства был дан прошедшей в 20 верстах от завода Московско-Казанской железной дорогой. С этого момента продукция завода растет непрерывно, увеличившись по сравнению с 60—70 годами более чем втрое. Таким образом, потребовалось несколько десятилетий, чтобы он снова прочно встал на ноги.

История этого хрустального завода отражает историю старой помещичьей промышленности, сложившейся в крепостной России на основе подневольного труда крестьян. В течение 60—80-х годов происходит перестройка и приспособление ее к новым капиталистическим отношениям. Крепостная мануфактура гибнет, уступая место капиталистической фабрике.

Крупной отраслью промышленности (в масштабе губернии), возникшей в пореформенный период, было лесопиление, основанное на хищнической эксплуатации лесных богатств. Постройка железных дорог, рост крупной, особенно угольной промышленности в стране резко подняли спрос, а вместе с ним и цены на лесоматериалы. Спекулятивная горячка охватила помещиков и купцов. Один за другим возникают лесопильные заводы. Если в 1888 году в губернии было всего два завода с 56 рабочими, то в 1899 году их число возросло до 15, а количество рабочих — до 347.⁸

Среди лесозаводчиков выделялся купец Карпов, владелец крупной пристани в Пензе. В 1902 году из 23 заводов ему принадлежали четыре.

Быстро развивается спичечная промышленность, вы-

⁷ «150 лет Никольско-Бахметьевского хрустального завода князя А. Д. Оболенского». Исторический очерк СПб. 1914, стр. 29, 30.

⁸ Ведомости о фабриках и заводах, приложенные к отчетам губернаторов за 1888 и 1899 гг.

росшая из мелких кустарных заведений. В 1886 году существовало лишь 2 фабрики с 14 рабочими. Стоимость их продукции составляла 2 тысячи рублей. К концу XIX века число фабрик увеличилось до 11, количество рабочих в них — до 1582, а стоимость продукции — до 692 тысяч рублей.⁹

При производстве спичек применялся дешевый женский труд, особенно труд девочек-подростков. В 1890 году на 10 спичечных фабриках женщины составляли 44 процента всех рабочих, подростки и дети — 18 процентов. Особенно широко использовался детский труд при раздаче работы на дом. Число рабочих на дому значительно превышало число фабричных рабочих. Насколько велик был этот «придаток фабрики», видно из того факта, что в Нижне-Ломовском уезде развился многочисленный спичечный промысел. Кустари сбивали ящики для упаковки, изготовляли соломку для спичек, но главным образом клеили спичечные коробки, получая через фабричные раздаточные конторы необходимый материал. Клейкой занимались исключительно женщины, особенно девочки-подростки 10—12 лет, получая за свою работу 6—7 копеек в день.

Спичечные фабрики, как и винокуренные заводы, облагались акцизным сбором, дававшим царскому правительству ежегодно около одного миллиона рублей.

Значительное место в продукции промышленности губернии занимало производство бумаги. Почти вся она выпускалась на фабрике, основанной в середине XIX века близ Пензы купцом П. В. Сергеевым.

Обилие и дешевизна рабочей силы обеспечивали владельцу фабрики высокие барыши и не стимулировали внедрению технических усовершенствований. Техника оставалась почти без изменений. Качество бумаги было невысоким. Вследствие этого фабрика, поставлявшая продукцию на широкий общероссийский рынок, не в состоянии была успешно конкурировать с новыми, лучше оборудованными предприятиями, появившимися в последние десятилетия XIX века, и вынуждена была переходить постепенно на выработку более низких и дешевых сортов бумаги.

---

⁹ П. Г. Сумерин. Указ. соч., стр. 96

Кроме предприятий фабрично-заводской промышленности, в губернии существовало множество мелких преимущественно крестьянских промышленных заведений, получивших значительное развитие после реформы 1861 года. Это были: салотопенные, мыловаренные, поташные, кожевенные, канатные и другие так называемые «заводы», ничтожные по размерам, основанные на ручном труде. Помещались они в небольших сараях, пристройках к жилым домам или в жилых помещениях их владельцев. В среднем на одно заведение приходилось 2—3 рабочих, в том числе хозяева и члены их семей. Средняя сумма производства не превышала 300—400 рублей в год.

Наиболее многочисленными были кирпичные и маслобойные заводы. В 1889 году из 2234 предприятий мелкой промышленности маслобойных заводов числилось 1240, кирпичных — 673.¹⁰ В 90-е годы из всех отраслей мелкой промышленности выделялось производство солода и крахмала, что было связано с ростом винокурения и пивоварения. Центром производства крахмала было село Бессоновка.

До конца 80-х годов число предприятий мелкой промышленности, количество рабочих и сумма производства резко увеличиваются. Однако постепенно производство концентрируется в более крупных предприятиях. К концу 90-х годов в 28 заводах, составлявших 1,3 процента общего их числа, было занято 13 процентов рабочих, а стоимость продукции превышала половину стоимости продукции всех предприятий мелкой промышленности.

Существенную роль в занятиях населения губернии играло ремесленное и кустарное производство. Ремесла сосредоточивались главным образом в городах, кустарные промыслы — в деревне.

Ремесленники изготавливали различные виды товаров и оказывали всевозможные услуги. В частности, пищевые продукты выпускали хлебники, булочники, мясники; одежду и обувь — портные, картузники, модистки, сапожники; обслуживали нужды домохозяев — печники, трубочисты, столяры, кузнецы, гончары, маляры и другие потребности населения — извозчики, цирюльники, кровельщики, часовщики, синельники. После 1861 года чис-

¹⁰ П. Г. Сумерин. Указ. соч., стр. 132.

ло ремесленников выросло почти в пять раз: с 5900 до 28 тысяч в 1895 году.¹¹

Кустарными промыслами издавна занимались целые села. В Поиме, например, выделывали кожи, шили сапоги, готовили валяную обувь. В Верхнем и Нижнем Катмиссе, Юлове изготовляли циновки, рогожи и кули. По данным 1892 года кустарными промыслами было занято около 11 тысяч хозяйств.

Почти три четверти кустарей занимались рогожным, бредневым, тележным, спичечным, пухопрядильным промыслами. Например, в Нижне-Ломовском уезде 16 сел занимались вязкой бредней, 19 сел — склеиванием коробок для спичек; в Городищенском уезде 13 сел плели рогожи; в Пензенском — свыше половины дворов в 24 селах пряли пух.¹²

Хозяевами кустарных промыслов были купцы-скупщики и богатые крестьяне — владельцы кожевенных заводов и кустарных мастерских, а также спичечные фабриканты. Скупщики поставляли кустарям необходимые материалы, скупали их изделия и сбывали за пределы губернии. Например, сбыт бредней производился в Ростовской и Астраханской губерниях. На рыбные промыслы шла продукция бондарей и рогожников: ящики, бочонки, кули. Кустарь оказывался отрезанным от рынка и находился в вечной кабале у скупщика, сохраняя лишь видимость самостоятельного хозяина. Промышленник раздавал работу на дом, превращая кустаря в наемного рабочего на дому. Примером служит сапожный промысел села Поим. Кустари-сапожники получали кожу для пошивки сапог от владельцев кожевенных заводов, которые огромными партиями сбывали сапоги за пределы губернии. Спичечный промысел, как уже отмечалось, был придатком фабрик. Такая же картина была и в других промыслах. Заработки кустарей скупщики и промышленники сводили к ничтожным размерам—12—15 копейкам в день, а женщины и дети получали еще меньше — 6—7 копеек.

¹¹ ГАПО, р-9, т. 1, л. 119; ф. 9, д. 204, л. 12. См. также ведомости о фабриках и заводах в отчете губернатора за 1895 г.

¹² См. «Краткий очерк кустарных промыслов Пензенской губернии, составленный для Всероссийской кустарно-промышленной выставки в СПб». 1902 г.

Развитие кустарных промыслов показывает процесс расслоения крестьянства: выделение капиталистической верхушки в лице крупных купцов-скупщиков, богатых кустарей — владельцев мастерских и деревенской бедноты — основной массы кустарей, работавших на скупщиков или превратившихся в наемных рабочих.

О положении рабочих свидетельствуют следующие данные. Абсолютное большинство рабочих составляли крестьяне прилегающих к заводам и фабрикам деревень. Часть рабочих проживала в фабричных казармах, квалифицированные рабочие — мастера — имели собственные домики в поселках при заводах. Многие из них получали от хозяина ссуды на постройку дома и обзаведение хозяйством. Наличие своего хозяйства привязывало рабочего к фабрике или заводу и он связывал свою судьбу с судьбой «своей» фабрики, «своего» завода. В силу этого рабочий соглашался на мизерную заработную плату и находился в вечном долгу у хозяина.

Даже самые квалифицированные рабочие были неплатными должниками своего хозяина. Вот несколько цифр, взятых из расчетных ведомостей Никольско-Петровского хрустального завода за 1878 год. Гутейский мастер (стеклодув) Иван Еренин с отцом, работавшим сторожем, за январь заработал 12 рублей 50 копеек, получил на руки два рубля, остальные были удержаны за продукты питания, купленные в хозяйской лавке в кредит и в погашение старого долга, числившегося за ним, в сумме 10 рублей 13 копеек. В итоге Еренин остался должен 7 рублей 83 копейки. Мастер (шлифовщик) Евлампий Курциев с сыном Федором за январь заработал 11 рублей 99 копеек. На руки он не получил ничего и остался должен 5 рублей 64 копейки.

Так и жили рабочие, прикованные к «своему» заводу двойными цепями: вечными долгами хозяину и своим хозяйством.

Винокуренные, лесопильные, кирпичные и другие предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства были связаны с сезонностью работ, с наймом срочных и поденных рабочих, всегда готовых за ничтожную плату выполнять любую работу.

На лесопильных и пенькотрепальных заводах нередко работали артелями, составившимися из крестьян одной

деревни. Во главе таких артелей стояли подрядчики или старшие, имевшие дело с хозяином завода и заключавшие с ним договор о найме. Тут рабочие подвергались двойной эксплуатации: как со стороны хозяина завода, так и своего подрядчика.

Средний годовой заработок рабочих губернии в 1897 году составлял, примерно, 114 рублей,¹³ а на спичечных фабриках лишь 82 рубля. Труд женщин и подростков оплачивался еще ниже. Большая их часть получала 2—3—5 рублей в месяц. «Поступила я на работу 25 мая 1887 года, — вспоминала старейшая работница писчебумажной фабрики Елена Архиповна Пономарева. — Мне было тогда 12 лет, первые три года получала три рубля в месяц, бедствовала, ходила в лаптях».¹⁴

Нищенская оплата труда, система грабительских штрафов, обшеты и обман, фабричные лавки и расплата натурой, задержки в выплате заработной платы, отсутствие какой бы то ни было охраны труда, 12—14-часовой рабочий день, побои, бесконечные унижения личности рабочего и полная его беззащитность — так кратко можно охарактеризовать положение рабочих на фабриках и заводах губернии.

Ликвидация крепостных отношений сопровождалась переходом большей части промышленности из рук одного класса в руки другого. В дореформенный период почти вся крупная промышленность являлась собственностью помещиков и была основана на труде крепостных крестьян. По сведениям 1856 года из 105 фабрик и заводов губернии 95, или 90 процентов, принадлежали помещикам. Из 10 купеческих предприятий 3 (чугунолитейные и железоделательные заводы в Краснослободском уезде) были основаны на том же подневольном труде крепостных и приписанных к заводам крестьян.¹⁵

Естественно, что вся фабрично-заводская промышленность, за исключением предприятий в г. Пензе, была в деревне.

В пореформенный период купец становится типичной фигурой фабриканта в деревне. К началу XX века 59

¹³ Вычислено по данным фабрично-заводской промышленности за 1897 г. См. «Свод данных фабрично-заводской промышленности за 1897 г. по производствам и губерниям», ч. II, СПб, 1900.

¹⁴ С. Петров. Пенза. Пензенское книжн. изд-во, 1955, стр. 47.

¹⁵ П. Г. Сумерин. Указ. соч., стр. 106.

процентов фабрик и заводов являются собственностью купцов и мещан (городской буржуазии). Суконные, спичечные, бумажные фабрики принадлежат купцам. Даже в винокуренной промышленности купцы занимают значительное место.

Появляются крестьянские фабрики и заводы, показывающие рост расслоения крестьянства, выделение из его среды крупной сельской буржуазии.

Доля помещиков сокращается до 27 процентов. В их руках остается лишь одно крупное предприятие — хрустальный завод в с. Никольская Пестровка. Помещики теряют свою монополию в области промышленности, уступая место растущей буржуазии.

Ломка старых, развитие новых отраслей промышленности вызывают существенные изменения в ее размещении по территории губернии. Исчезают суконные фабрики в Пензенском, Наровчатском, Нижне-Ломовском, Саранском и Чембарском уездах. Исчезли полотняные фабрики и свеклосахарные заводы, почти полностью прекратилась деятельность металлургических заводов. Промышленное значение Краснослободского и Инсарского уездов сошло на нет. Новые отрасли производства, возникшие в пореформенный период, размещаются в новых районах. Основная масса промышленности — третья часть фабрик и заводов и свыше половины рабочих — сосредоточивается в Городищенском уезде. Здесь была большая часть суконной, стекольной, лесопильной и значительная часть винокуренной промышленности. Среди промышленных предприятий уезда выделялись суконные фабрики купцов Казеевых в селе Золотаревке и Петрова в селе Александровке с числом рабочих свыше 1500 человек.

В Нижне-Ломовском уезде концентрируется почти вся спичечная промышленность губернии: в 7 фабриках, находившихся здесь, было занято 85 процентов рабочих спичечных фабрик. Из этого количества большая часть работала на двух фабриках наследников С. П. Камендровского в городах Верхнем и Нижнем Ломовах.

Из других уездов выделялся Керенский, где находилась самая крупная суконная фабрика купца Л. Казеева. Остальная промышленность — винокуренная, лесопильная, мукомольная и другая — была разбросана по всей территории губернии.

Около 40 процентов всех рабочих стягиваются в крупные села: Нижний и Верхний Шкафт, Золотаревку, Александровку, Никольскую Пестровку Городищенского уезда, Большую Луку Керенского уезда, Бессоновку Пензенского уезда с сотнями фабричных рабочих. Удельный вес городов вырос с 5 до 32 процентов по числу рабочих. Появились новые городские центры рабочих: Нижний Ломов и Верхний Ломов. Особенно быстро развивается Нижний Ломов — центр спичечной промышленности губернии.¹⁶

Промышленное развитие остальных городов губернии было ничтожно. Так, в г. Чембаре, например, в 1890 году вся промышленность состояла из 8 кирпичных заводов с 12 рабочими, работавшими в течение 2—3 летних месяцев, и двух поташных заводов с 4 рабочими. Подобные города развивались главным образом как административные центры и центры торгового капитала.

В условиях царской России для губернии не было больших перспектив промышленного развития. В. И. Ленин указывал, что Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала после отмены крепостного права быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка.

Однако развитие капитализма проходило крайне неравномерно. Наряду с высокоразвитыми промышленными районами существовали отсталые аграрные области с ничтожно развитой крупной промышленностью и преобладанием мелкого производства. Промышленный капитализм быстрее всего развивался там, где остатки старых крепостнических отношений были незначительны или их совсем не было. Чем сильнее были остатки старых производственных отношений, тем медленнее шло развитие промышленного капитализма. Это и явилось одной из главных причин задержки промышленного развития аграрного центра России и как части этого центра — Пензенской губернии.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Крестьянская реформа 1861 года осуществлялась крепостниками-помещиками за счет крестьянства. Помещики сохранили свою власть, свои привилегии и огром-

¹⁶ П. Г. Сумерин, Указ. соч., стр. 122—123.

ные земельные богатства. Крупное помещичье землевладение было основой полукрепостнической эксплуатации крестьянства.

Пензенская губерния относилась к числу тех губерний царской России, где и после освобождения крестьян господствовало крупное помещичье землевладение. К 1877 году здесь из 3323 тысяч десятин земельной площади 1288 тысяч составляли земли частных владельцев. 1795 тысяч десятин — наделные земли крестьян, 241 тысяча — собственность помещичьего государства.¹⁷

Почти вся частновладельческая земля была личной собственностью 4726 владельцев. 84 процента ее принадлежало дворянам, классу помещиков. Около 10 процентов — крупным купцам. Дворянских владений числилось — 1639, купеческих — 215. Самой многочисленной группой, составлявшей почти половину всех владельцев, были крестьяне. Но на их долю приходилось менее 5 процентов частновладельческой земли — 59 тысяч десятин. Остальная земля — 26 тысяч десятин — находилась у прочих сословий, главным образом мелких городских собственников.

Свыше двух третей частновладельческой земли, или 870 тысяч десятин принадлежало 269 владельцам, в том числе 243 дворянам и 26 купцам, на каждого из которых приходилось в среднем по 3234 десятины. Десять крупнейших владельцев имели в среднем по 19 тысяч десятин. Это и были латифундии — «самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России».

Перепись землевладения, проведенная в 1905 году, показала значительные изменения в распределении частной земельной собственности, происшедшие после 1877 года под влиянием растущего капитализма. Общий фонд частного землевладения почти не изменился — 1264 тысячи десятин против 1287 в 1877 году. Дворянское землевладение уменьшилось почти на 27 процентов, землевладение крестьян выросло более чем вдвое, землевладение мещан — в 2,5 раза. Число личных собственников поднялось с 4726 до 7098.¹⁸ Сословное землевладение быст-

¹⁷ «Статистика землевладения 1905 года». Вып. XXII, СПб, 1907, стр. 11—13.

¹⁸ Там же, стр. 12—13.

ро превращалось в бессословное. Земля постепенно переходит из рук класса помещиков в руки городской и сельской буржуазии, все более становясь предметом торговли. Но, несмотря на это, дворяне оставались главными собственниками в губернии.

Помещичьи латифундии сохранили свое господство. 496 наиболее крупных землевладельцев имели 903 тысячи десятин, или 71 процент всей личной земельной собственности. На каждое владение приходилось в среднем по 1820 десятин. 311 владельцев принадлежали к сословию дворян, в их руках находилось три четверти всего количества частновладельческой земли.¹⁹ Остальная земля была собственностью купцов и крестьян — так называемых «чумазных» лендлордов.

Среди крупных дворянских владений были такие, как например: генерала Воейкова, имевшего — 8387 десятин, графини Салтыковой — 7357 десятин, графа Уварова — 15 522 десятины, князя Оболенского — 16 200 десятин, Балашовой — 30 575 десятин и т. д.

Крупное помещичье землевладение преобладало во всех уездах, за исключением Краснослободского и Наровчатского. Но главное средоточие его было в четырех: Городищенском, Чембарском, Пензенском и Мокшанском.

Рассмотрим распределение надельной земли между крестьянами.

В среднем на каждый крестьянский двор в 1877 году приходилось по 10,3 десятины надельной земли. Надельные крестьяне делились на две основные категории: бывшие владельческие и бывшие государственные. Бывших владельческих крестьян числилось 91 174 двора, бывших государственных — 82 206, в том числе 45—48 тысяч мордвы и татар. Бывшие владельческие крестьяне на один двор имели по 6,9 десятины, бывшие государственные — по 14,2. До реформы 1861 года помещичьи крестьяне имели в пользовании 837 тысяч десятин. После реформы они получили в надел 625 тысяч. Таким обра-

---

¹⁹ П. Г. Сумерин. Краткий очерк дореволюционной экономики сельского хозяйства Пензенской губернии. «Ученые записки Пенз. госуд. педагог. ин-та им. В. Г. Белинского». Вып. третий, Пенза, 1956, стр. 129.

зом, 212 тысяч десятин земли, или 25 процентов, были отрезаны.²⁰

Крестьян лишили выгонов, у них не было достаточно количества пашни, лугов, леса. Все лучшие земли были захвачены помещиками, которые искусственно создавали крестьянское малоземелье, превращая крестьянина в кабального арендатора. Жители огромных сел, таких, как Никольский Поим, Митрофаниха, Белозериха в Чембарском уезде и других с населением в несколько тысяч человек в каждом, жили на дарственном наделе, то есть на 1/4 части надела, отводившегося крестьянам без выкупа. Крестьяне многих волостей почти сплошь были дарственниками. Вполне понятно, что прожить на жалком клочке земли было невозможно, и крестьяне вынуждены были арендовать землю у помещиков на самых тяжелых условиях.

Надельные земли так были нарезаны, что владения помещиков сплошь и рядом вклинивались в них, создавая чересполосицу. Крестьяне не могли проехать или прогнать скот на свои наделы, не пересекая земли помещиков. Помещики пользовались этим для своего обогащения, вынуждая крестьян арендовать эти участки или платить штрафы за неминуемые потравы или порчу помещичьих посевов и лугов.

Например, временнообязанные крестьяне села Рыскино Наровчатского уезда могли прогнать скот на пастбище только по узкой дороге, пролежавшей через участок помещицы Леонтьевой. Чтобы штрафовать крестьян, она приказала по обе стороны дороги посеять рожь. По этому поводу даже уездный исправник вынужден был доносить губернским властям, что «подобные мероприятия Леонтьевой являлись капканом для разоренных и нищих крестьян, так как невозможно было прогнать скот, не затрагивая посева». Тот же исправник сообщал о трудном положении крестьян села Лашмы, земли которых перемеживались с землей крупного помещика Арапова. «В этом нельзя сомневаться, — писал он, — так как независимо от малоземелья, некоторые участки араповской земли так неудобно расположены, что крестьянам волей-неволей приходится арендовать их и притом за доро-

---

²⁰ А. З. Кузьмин. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пензенское книжное изд-во, 1955, стр. 43.

гую плату, ибо им иначе нельзя будет проехать на свои поля и уберечься от потрав помещичьих покосов и посевов. Некоторые из этих участков совершенно не нужны Арапову, но он ими пользуется, чтоб держать в руках крестьян».²¹

В селе Токмово Инсарского уезда полоса земли княгини Гагариной отсекала село на две части. Княгиня запрещала крестьянам пользоваться мостом через реку, соединявшим обе части, и дорогой, проходившей по ее земле. От помещичьих запруд на реке во время дождей заливались огороды и выгоны крестьян.²²

В. И. Ленин относил Пензенскую губернию к числу 17 русских губерний земледельческого центра, где в наибольшей степени сохранялись остатки крепостнической кабалы. «Земельная теснота в центральной России, — писал он, — не исключение, а правило. И тесно крестьянам именно потому, что слишком уже вольготно, слишком уже просторно расположились господа помещики».²³

Большая часть помещичьих хозяйств была основана на системе отработок. Помещик, пользуясь земельной теснотой крестьян, нередко заставлял их обрабатывать своими орудиями и лошадьми определенную часть принадлежавшей ему земли в качестве платы за арендуемую ими другую часть. Наиболее распространенной формой отработок была испольщина. Крестьянин должен был отдать помещику половину урожая с арендованной земли.

Отработки являлись пережитком барщины. Барщинная система хозяйства была подорвана отменой крепостного права. Помещику предстояло вести хозяйство по-капиталистически, но подобный переход не мог совершиться сразу. Поэтому необходима была система переходная, соединявшая в себе черты барщинного и капиталистического хозяйства. Такой системой и были отработки.

Для отработочного помещичьего хозяйства необходим был крестьянин с нищенским наделом, нужны были всякого рода «ловушки»: дальнотемелье, чересполосица,

²¹ А. З. Кузьмин. Указ. соч., стр. 45—46.

²² П. Г. Сумерин. Назв. соч. о сельском х-ве, стр. 136.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 136.

лишение лугов, выпасов, чтобы вынудить крестьянина пойти в кабалу к помещику.

Крупное капиталистическое земледелие стояло в чисто русских губерниях, безусловно, на заднем плане. «В массе имений, — писал В. И. Ленин, — *никакого помещичьего хозяйства нет, а ведется то же крестьянское хозяйство, земля пашется обессиленной крестьянской лошастью, обрабатывается старым и плохим крестьянским инвентарем*».²⁴

В подготовительном материале к книге В. И. Ленина — «Развитие капитализма в России» — приведены данные по 25 черноземным губерниям о площади экономической запашки в помещичьих имениях. Среди этих губерний выделялась Пензенская, где в 133 крупнейших имениях с площадью пашни в 600 тысяч десятин, экономическая запашка составляла всего 58 тысяч десятин — менее 10 процентов, при средней по 25 губерниям — 47 процентов. Остальную землю помещики предпочитали сдавать в аренду крестьянам.²⁵

В отчете пензенского губернатора за 1873 год приведены следующие сведения о состоянии помещичьего хозяйства: «Из 1677 имений, принадлежащих помещикам, купцам и другим частным владельцам, только в 347 экономиях ведется свое правильное хозяйство, то есть поле обрабатывается и убирается посредством своих лошадей, земледельческих орудий и через годовых наемных рабочих... В 472 небольших имениях вовсе не ведется никакого хозяйства за отсутствием владельцев и земля заглазно отдается в наем крестьянам».

В отчете за 1875 год указывается, что в Пензенском уезде из 290 помещичьих имений в 142 «хозяйство не ведется, земля отдается под распашку на один год, яровая по 4 рубля 50 копеек, озимая по 6 рублей за десятину»; 21 имение были сданы в аренду «сроком от 4-х до 12-ти лет». В остальных имениях велось «собственное хозяйство», но оно состояло в том, что одна часть помещиков сдавала землю «под испольный посев», другая часть превратила пахотные земли в пастбища и занималась скотоводством.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 133.

²⁵ Ленинский сборник XXXIII, стр. 46—47.

То же самое наблюдалось и в Керенском уезде. Здесь из 157 помещичьих имений собственное хозяйство велось лишь в 45, где помещики для обработки земли нанимали крестьян с их лошадьми и орудиями.²⁶

Таким образом, помещичьи имения держались на крестьянском труде как до реформы 1861 года, так и после нее.

К концу 90-х годов положение основной массы крестьянства стало еще более тяжелым. Число крестьянских хозяйств увеличилось со 173-х тысяч до 241 тысячи. Количество надельной земли на один двор уменьшилось до 7,5 десятины: у бывших владельческих крестьян — до 5,4, бывших государственных — до 9,4 десятины. Спрос на землю вырос. В 1882 году был учрежден Крестьянский земельный банк, который скупал земли помещиков и перепродавал их состоятельным крестьянам. Цена десятины земли поднялась с 36 рублей в 60—70-х годах до 79 рублей в 90-е годы. Условия аренды стали еще более обременительными. При аренде исполу, кроме отдачи помещику половины урожая, крестьяне обязывались обрабатывать его землю и вывозить на нее свой навоз. Денежная плата за аренду земли выросла с 4—6 до 15—16 рублей за десятину. В то же время цены на хлеб резко колебались. Исследователь А. Бурлуцкий указывал в 1898 году, что хлеб крестьянину обходился дороже продажной цены, так как «осенью все базары запружены крестьянским хлебом — цены падают, а зимой крестьянин покупает хлеб у помещика, переплачивая громадные проценты». Далее он писал: «Крестьянин, продавший осенью рожь по 4 рубля четверть, весной свою же рожь покупает по 6 рублей четверть, а то и дороже, или голодает».²⁷

Часто крестьянин получал у помещика ссуду частью хлебом, частью деньгами на условиях отработки ее летом в помещичьем хозяйстве. Эта, так называемая «зимняя наемка», была особо тяжелой формой закабаления крестьян.

К началу 1900-го года резко обозначилось расслоение крестьянства. С одной стороны, свыше 140 тысяч

²⁶ Обзор пензенского губернатора за 1875 г., стр. 8—9.

²⁷ А. Бурлуцкий. Характеристика Пензенской губернии в сельскохозяйственном отношении. Пенза, 1898, стр. 101, 96.

крестьянских дворов, или более 60 процентов их общего числа, были безлошадные и однолошадные. Они представляли собой массу разоренного крестьянства, деревенскую бедноту. С другой стороны, около 16—17 процентов дворов зажиточных и богатых крестьян имели по 3—4 лошади, почти треть всей наделной земли, 90 процентов личной земельной собственности крестьян и большую часть земли, купленной сельскими обществами и товариществами. Эта верхушка закабаляла основную массу крестьянства в неменьшей степени, чем помещики. К кабале помещичьей прибавилась кабала кулацкая.²⁸

Кроме помещичье-кулацкой кабалы, крестьянин нес огромное бремя выкупных платежей, податей, сельских, волостных и земских сборов, косвенных налогов. Сумма всех платежей превышала доходность крестьянского двора, вследствие чего из года в год росла недоимка. В 1892 году недоимка по Пензенской губернии составляла 159 процентов оклада. Основная масса крестьян оказывалась в неоплатном долговом рабстве. Все чаще и чаще повторялись недороды, а с ними голодовки и массовое разорение крестьян.

Осенью обычно проходило взимание податей. Над крестьянином измывались, его пороли, избивали, выколачивали последнюю копейку, описывали имущество, отбирали единственную коровенку или лошаденку. В. И. Ленин, анализируя состояние пореформенной деревни в конце XIX века, подчеркивал: «Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность».²⁹

Нищенское положение основной массы крестьянских хозяйств и недостаточное развитие промышленности вызвало огромное аграрное перенаселение деревни, обеспечивая дешевую рабочую силу помещикам, фабрикантам и кулакам. В поисках заработков все большее число крестьян шло в отход на сельскохозяйственные работы, бурлачить, на строительство железных дорог, нефтяные про-

²⁸ П. Г. Сумерин. Назв. соч. о сельском х-ве, стр. 132—133.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 431.

мысли, в города и промышленные центры России. Если в середине 70-х годов из Пензенской губернии шли в отход около 30 тысяч человек в год, то к 90-ым годам число их возросло до 70—80 тысяч. Растущий капитализм втягивал в свой круговорот все большие массы крестьян, постепенно отрывая их от сельского хозяйства.

Таким образом, из сказанного выше видно, что в пореформенный период в экономике губернии происходит смена старых крепостнических отношений новыми капиталистическими. В области промышленности эта смена выражалась двумя процессами. С одной стороны, происходит упадок бывших вотчинно-крепостных и посессионных промышленных заведений. С другой стороны, идет рост капиталистических фабрик и заводов. После 1861 года промышленность губернии развивается преимущественно как купеческая, отчасти как крестьянская. Ликвидация крепостничества сопровождалась переходом большей части промышленности из рук одного класса в руки другого. Помещики теряют свою монополию, уступая место растущей буржуазии.

Капитализм развивается и в сельском хозяйстве. Земля — основное средство производства — все более становится предметом торговли, переходя постепенно в руки буржуазии, сословное землевладение быстро превращалось в бессословное. Но, несмотря на это, помещики остаются главными собственниками в губернии.

Часть помещиков переходит к капиталистическим методам ведения хозяйства, используя наемных рабочих, своих лошадей, сельскохозяйственные орудия и машины. Но к новой системе ведения хозяйства перейти сразу было невозможно, поскольку такой переход требовал крупных капитальных затрат. Поэтому в абсолютном большинстве помещичьих имений господствует система отработок — форма хозяйства переходная от крепостничества к капитализму, соединявшая в себе черты того и другого. Помещичье хозяйство медленно перерастало в капиталистическое.

Система отработок лежала тяжелым бременем на крестьянстве, не давая ему возможности улучшать свое хозяйство, задерживая развитие капиталистических отношений. Несмотря на это, капитализм развивается и в крестьянском хозяйстве. Земля, рабочая сила, сельскохозяйственные орудия, скот постепенно концентрируются

в руках более состоятельных крестьян. Основная масса крестьянства лишается орудий и средств производства. Крестьянство распадалось, выделяя из своей среды новые типы сельского населения — сельских пролетариев и полупролетариев и сельскую буржуазию.

В. И. Ленин, анализируя экономическую историю России, указывал, что после 1861 года вполне ясно обозначились два пути буржуазного развития страны. Один путь означал медленное перерастание крепостнического, помещичьего хозяйства в капиталистическое, путь, обрекавший крестьян на десятилетия помещичьей и кулацкой кабалы. Другой путь — немедленная ликвидация помещичьего землевладения и всех других остатков крепостничества — путь революции. «Эти два пути, — указывал В. И. Ленин, — объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа».³⁰ Помещики во главе с царским правительством направляли буржуазное развитие России по первому пути, принимая все меры, чтобы предотвратить революцию и сохранить помещичье землевладение. Крестьянство боролось за второй путь.

Пензенская губерния принадлежала к числу тех губерний царской России, где пережитки крепостничества сохранились в наибольшей степени, переплетаясь с капиталистической эксплуатацией. Господство полукрепостнических латифундий было главной причиной, задерживавшей ее экономическое развитие. Противоречия в деревне постепенно нарастали и обострялись, приближая момент решительной борьбы за ликвидацию остатков крепостничества и власти крепостников-помещиков.

---

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 216.

XI. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАРОДНИКОВ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Движение революционных народников протекало в рамках того периода освободительного движения в России, который В. И. Ленин назвал разночинским или буржуазно-демократическим. Хронологические грани этого этапа он намечал приблизительно с 1861 по 1895 год. «Падение крепостного права,—писал В. И. Ленин,—вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество.»¹

Народническое учение окончательно сложилось и оформилось к 70-м годам, в полосу перехода страны от крепостничества к капитализму. Характерной его особенностью было отрицание господства капитализма в России, признание самобытности ее экономического развития, «исконности» общинного уклада, который открывает для нашей страны возможность непосредственного перехода к социалистическому строю, минуя капитализм. Крестьянская община, по убеждению народников,—зародыш и основа социализма. В этом они видели особый путь развития России. Народники не понимали роли рабочего класса в революционном движении, отрицали значение политической борьбы и буржуазной политической свободы. Они, как указывал В. И. Ленин, проповедовали «сразу социалистический переворот».²

Но несмотря на ошибочность взглядов, народничество имело свою объективную основу, реальное содер-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 40.

жание. Оно заключалось в революционном демократизме, в основе которого лежала идея крестьянской революции. В. И. Ленин писал: «Ясно, что марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс».³ Поэтому было бы неверно отвергать полностью народническое учение, в нем следует строго отличать его реакционную и прогрессивную стороны.

Свою главную задачу революционеры-народники видели в том, чтобы поднять крестьянство на революцию. Добиваясь осуществления своих планов, революционная молодежь направлялась из столиц и губернских городов в деревню для агитационной и пропагандистской работы среди крестьянства.

НАРОДНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ

Важным опорным пунктом народнической пропаганды была Пенза. Революционное брожение среди пензенской разночинной молодежи началось еще в конце 50-х—начале 60-х годов. Ко времени массового «хождения в народ» эта молодежь уже прошла значительный путь идейного развития. Чтение прогрессивной литературы, знакомство с новыми освободительными идеями, распространившимися из Петербурга и Москвы, связь с народническим движением в столицах—все это помогло демократически и революционно настроенной пензенской интеллигенции лучше осмыслить окружающее, понять причины социальной несправедливости, заставило искать пути к освобождению народа.

Начальным для народнического движения в Пензенской губернии был 1873 год. Его возникновение связано с именами таких выдающихся революционных деятелей, активных пропагандистов и участников движения «в народ», как П. И. Войнаральский и Д. М. Рогачев.

Порфирий Иванович Войнаральский (1844—1898) являлся внебрачным сыном богатой городищенской по-

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 121.

П. И. Войнаральский.

мещицы княгини В. М. Кугушевой, рос и воспитывался в ее доме. По рождении ребенок был причислен к сословию мещан под фамилией отца (Ларионов), прочтенной наоборот, от конца к началу, с прибавлением окончания «ский» (Воиаральский), а потом для благозвучия переделанной на Войнаральский.

В 1855—1860 годах П. И. Войнаральский учился в Пензенской гимназии, где в то время учились также Н. Ишутин, Д. Каракозов, М. Загибалов и другие будущие деятели революционного подполья в России. Гимназию он окончил с отличием и его без экза-

мена приняли на медицинский факультет Московского университета.⁴ Но в 1861 году за участие в студенческих волнениях был арестован и вскоре выслан на север под строгий надзор полиции. Находясь в ссылке сначала в Вятской, а затем в Вологодской и Архангельской губерниях, Войнаральский вел антиправительственную пропаганду, оказывая влияние на жителей тех городов, куда забрасывала его судьба. Только в 1868 году ему было разрешено возвратиться в Пензенскую губернию с тем, чтобы он жил в имении матери под надзором местной полиции.

В апреле 1873 года П. И. Войнаральский был освобожден от полицейского надзора и в июне этого года избран местным земством мировым судьей в селе Нижнем Шкафте Городищенского уезда. С этого времени начался новый период в жизни Войнаральского, свя-

⁴ ГАПО, ф. 81, оп. 1, д. 639, лл. 6, 10, 11, 19, 21, 24.

занный с его деятельностью по организации похода в «народ» и участием в этом движении.

П. И. Войнаральский был сторонником практической революционной работы в народе. Его конечной целью являлось уничтожение существующего строя и создание нового общественного порядка на выборных началах. Единственно правильным путем к достижению этой цели, по его мнению, должно было стать всеобщее народное восстание. Поэтому каждый, кто чувствует себя способным, должен идти в народ для революционной пропаганды.

Вступив на революционный путь, П. И. Войнаральский отдал делу освобождения народа не только все свои силы, но и личное состояние, доходившее до 40 тысяч рублей. На его средства были устроены в Москве и Саратове сапожные и столярные мастерские для обучения ремеслам идущих «в народ» пропагандистов. Он же финансировал московскую нелегальную типографию Мышкина, в которой печатались книги и прокламации революционного содержания.

В период «хождения в народ» Войнаральский сосредоточил свою работу в Поволжье. Здесь он организовал несколько революционных кружков (в Саратове, Тамбове, Пензе), где демократическая молодежь готовилась к пропагандистской деятельности в деревне. При его участии во многих местах были устроены постоянные дворы и явочные пункты, служившие местами встреч пропагандистов. В то же время Войнаральский стремился установить связи в революционной среде и с этой целью ездил в Петербург, Москву и другие города. Весной и летом 1874 года он наладил регулярную связь между Москвой, Тамбовом, Пензой, Саратовом и Самарой.

Во время службы мировым судьей Войнаральский вел революционную пропаганду среди крестьян Нижнего Шкафта и других селений Городищенского уезда. Как сообщал уездный исправник, Войнаральский «старался проводить в среду крестьянского населения социалистические, антиправительственные идеи». Пропаганда принесла свои плоды. Тот же исправник доносил: «Несколько поджогов помещичьих усадеб близ сел Никольского и Степановки, возмущение бывших воль-

ноотпущенников в Шкафте приписывается прямой или косвенной агитации Войнаральского». ⁵

С Войнаральским тесно был связан по революционной деятельности народник Д. М. Рогачев. В разгар «хождения в народ» он являлся ближайшим помощником Войнаральского.

Дмитрий Михайлович Рогачев (1851—1884), уроженец Орловской губернии (родился в семье помещика), окончил Орловскую гимназию, а затем военное Павловское училище в Петербурге. Однако он не захотел

остаться на военной службе и вскоре после окончания училища в чине поручика вышел в отставку. Рогачев поступил в Петербургский технологический институт в расчете, что его будущая специальность даст ему возможность сблизиться с народом, интересам которого он желал служить. ⁶

Еще будучи студентом, Рогачев воспринял учение народников, был близок к кружку «чайковцев» и вел пропаганду среди петербургских рабочих. Оставив институт, он целиком отдался революционной деятельности: вращался в кружках Петербурга и других городов, имел связи с московской молодежью, но еще больше, чем в среде интеллигенции, работал в народе. «Революционная деятельность Рогачева,—вспоминает С. Ф. Ковалик,—имела перемежающий характер. Потолкавшись в интеллигентских кружках, он отправлялся для пропаганды в народ и после более или менее продолжительных путешествий снова возвращался в город. Здесь он как бы отдыхал и набирался сил для дальнейшей работы в народе». ⁷

Д. М. Рогачев был выдающимся работником, пропагандистом-популяризатором. Он побывал во многих местностях России, соприкасался с людьми различных категорий и хорошо знал жизнь трудового народа. Ведя пропаганду, он появлялся среди населения под видом работника физического труда. Так, в одно время Рогачев работал в качестве пильщика, а после этого продолжительное время бурлачил на Волге. Видя перед

⁵ ГАПО. ф. 5, оп. 1, д. 5163, л. 4.

⁶ Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. «Наука», М., 1965, стр. 274.

⁷ С. Ф. Ковалик. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. Изд-во Политкатаржан, М., 1928, стр. 94.

собой не интеллигента, а простого рабочего человека, слушатели относились к нему с полным доверием.⁸

За время своей деятельности Рогачев несколько раз арестовывался полицией, но благодаря крупной физической силе и решительности ему удавалось бежать из-под стражи, и он снова оказывался на свободе. «О побегах Рогачева,— пишет Ковалик,— создались настоящие легенды, и имя его было одним из самых популярных среди интеллигентской молодежи».

В декабре 1873 года Рогачев, спасаясь от преследования жандармов, приехал в Пензенскую губернию. Раздобыв с помощью Войнаральского фиктивный паспорт на имя тульского семинариста Василия Петровича Орлова, он поселился в Нижнем Шкафте под видом письмоводителя мирового судьи и стал вести среди крестьян пропаганду. За короткое время Рогачев успел войти в доверие к местным жителям и завязать знакомства. В беседах с крестьянами он объяснял причины их бедственного положения, говорил о недостаточности земельного надела и призывал к захвату помещичьей земли. Об одной из таких бесед крестьянин П. Е. Челушкин на допросе рассказывал: «...Орлов стал говорить нам о земле. Он порвал бумажки, разложил по столу и сказал: вот, мол, эта бумажка—земля казенная, эта—помещичья, а эта, мол, ваша. Вашей земли меньше... надо сделать так, чтобы поровнять земли». Рогачев, по показанию Челушкина, читал крестьянам также нелегальную народническую брошюру.⁹

С конца февраля 1874 года Рогачев по договоренности с Войнаральским стал приезжать в Пензу для пропагандистской и организационной работы. Останавливался он сначала в гостинице Варенцова, а затем на квартире Цыбышевой на углу Поперечно-Покровской и Набережной улиц. Через другого письмоводителя мирового судьи Алексея Кулябко, бывшего гимназиста, Рогачев стал заводить знакомства с местной учащейся молодежью. Вскоре сложился кружок, в который вошли ученики гимназии Н. В. Миллер, П. В. Кротонов,

⁸ Б. С. Итенберг. Дмитрий Рогачев, революционер-народник. М., 1960, стр. 45.

⁹ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, 1874, д. 277, л. 232 об.; Р. В. Филиппов. Первый этап «хождения в народ» (1873—1874). Петрозаводск, 1960, стр. 33—34.

И. Н. Корнеев, В. И. Сабелькин, А. Ф. Селиванов, Е. Г. Вифанский, Горчаков, семинаристы И. И. Добров, И. И. Ареопагитский, П. Ф. Никольский, П. И. Покровский, акцизный чиновник Н. П. Жилинский, его жена О. И. Жилинская, бывший участник польского восстания Э. Ю. Каменский и другие лица. В дальнейшем состав кружка пополнился новыми членами из среды все той же местной молодежи. В апреле—мае в кружке насчитывалось 32 человека.

Задачу кружка Войнаральский и Рогачев видели в

том, чтобы подготовить его участников к будущей деятельности в народе. Поэтому вначале основное внимание было сосредоточено на самообразовании. Рогачев советовал молодежи «побольше читать» и собираться на литературные вечера, обсуждать прочитанное. Первый такой вечер состоялся на квартире у гимназиста В. С. Разумовского. Обсуждали статью Добролюбова «Темное царство». Как свидетельствует участник этого собрания И. Добров, статья вызвала большой интерес, завязался спор. Рогачев стал критиковать существующий общественный порядок, говорил о тяжелом положении рабочего лю-

Д. М. Рогачев.

да в России, о жалком состоянии народного образования, о положении земства. В заключение он прочитал статью «Что делается на Родине», напечатанную в первом выпуске журнала «Вперед»¹⁰, и предисловие к этому выпуску, в котором го-

¹⁰ Журнал «Вперед» издавался в городе Цюрихе русскими политическими эмигрантами.

ворилось, что настоящий социальный строй России ведет последнюю к неминуемой гибели, и что он может измениться к лучшему лишь путем народного восстания.

На следующих сходках по рекомендации Рогачева обсуждали роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и статью Добролюбова «Когда же придет настоящий день?»¹¹

Чтение и обсуждение на собраниях лучших произведений революционно-демократической литературы постепенно революционизировали участников кружка. Через некоторое время Рогачев стал давать гимназистам и семинаристам нелегальные и разные запрещенные издания. В числе их были «Капитал» Карла Маркса, сочинения Ф. Лассаля, «Государственность и анархия» М. Бакунина, а также пропагандистская народническая литература: «Очерки фабричной жизни» А. Голицинского, «Дедушка Егор» М. Цибриковой, «Сила солому ломит» Н. Наумова, «Митюха» И. Худякова, «Чтой-то, братцы, как тяжко живется нашему брату на Русской земле» Л. Э. Шишко и другие.

Активными помощниками Рогачева в распространении революционной литературы были И. И. Добров, П. В. Кротонов и В. И. Сабелькин. Получая книги от руководителя, они снабжали ими знакомых гимназистов и семинаристов. «Товарищи мои с удовольствием брали от меня книги, — рассказывал на дознании Добров.—Когда я уехал в деревню, то обязанности раздавать книги принял на себя Кротонов».¹² Сабелькин на дознании показал, что он лично брал у Рогачева нелегальные издания, которые раздавал учащейся молодежи. Так, по его словам, семинаристу Плетневу он дал в разное время 12 книг.¹³

Рогачев успешно вел и устную пропаганду среди пензенской молодежи. По показанию Доброва, в один из своих приездов в Пензу Рогачев имел с ним продолжительную беседу. «Он говорил мне,—сообщает Добров,—о Карле Марксе, о Либкнехте, Бебеле... и других деятелях Интернационала. Потом говорил о

¹¹ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, 1874, д. 274, лл. 98—99.

¹² ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, 1874, д. 274, л. 100 об.

¹³ Там же, д. 273, лл. 80—81; д. 275, л. 133.

парижских коммунарах, к которым относился с живейшим сочувствием». Некоторое время спустя Рогачев снова имел беседу с Добровым на квартире у Цыбышевой. «Тут мы с ним разговорились опять об общественной деятельности, — рассказывает Добров. — Он начал говорить, что ни на одном поприще нельзя принести пользы народу, кроме только поприща простого работника».¹⁴

В. И. Сабелькин показал на допросе, что он несколько раз встречался с Рогачевым на своей квартире и на квартире у Цыбышевой, и при встречах Рогачев вел с ним беседы, говорил «о ненормальности настоящего порядка вещей и что этот порядок нужно изменить. Для этого, говорил он, нужно идти в народ, чтобы готовить его к восстанию».¹⁵

П. Кротонов свидетельствует, что в один из вечеров Рогачев и шесть наиболее активных членов кружка (в числе их и сам Кротонов) ходили на квартиру к семинаристам Троянову и Алмазову, «чтобы поговорить с ними об их планах относительно пропаганды».¹⁶

С пензенским кружком был тесно связан и П. И. Войнаральский. Многие допрашиваемые на следствии показали, что он часто приезжал в Пензу, общался с учащейся молодежью, беседовал с ней, снабжал ее литературой, которую приобретал на свои средства.

Пензенская молодежь хорошо знала Войнаральского. Видный член кружка Н. П. Жилинский характеризовал его, как «отличнейшего деятеля пропаганды», а Э. Ю. Каменский отзывался о нем, как об «отличном человеке».

Руководители кружка использовали в целях пропаганды и революционные песни. Несколько лиц показали на дознании, что Рогачев, собирая молодежь, пел вместе с нею песни: «Свобода», «Дубинушка», «Славься, свобода», «Барка» и другие. Полным сочувствием к трудовому народу звучали слова песни «Свободушка»:

¹⁴ Там же, д. 274, л. 100.

¹⁵ Там же, д. 273, лл. 81—81 об.

¹⁶ Там же, д. 275, л. 232 об.

Давно стонет русская мать-сыра земля!...
 А сам царь с вельможами мужиков забил,
 И народ измученный тяжким сном почил,
 Только песню длинную тянет да поет,
 Со страды невзгодушки стонет и ревет...
 Стонет в лето жаркое в поле за сохой,
 Вдоль по Волге-матушке с длинной бичевой.
 Под кнутом, под розгами стонет он в судах,
 В горькую рекрутчину, в грязных кабаках.
 По торной дороженьке, что в Сибирь ведет,
 Под конвоем скованный стонет да бредет...
 Ой, ты гоё, свободушка, на наш стон и вой
 Ты лети к нам, вольная, каленой стрелой.

Открытый призыв к борьбе с угнетателями народа слышался в другой революционной песне:

Славься, свобода и честный наш труд!
 Пусть нас за правду в темницу запрут,
 Пусть нас пытаются и жгут нас огнем—
 Песню свободы в тюрьме мы споем!

Славься же славься, родимая Русь,
 Перед царем и кнутами не трусь,
 Встань, ополчися за правду на брань,
 Встань же скорее, родимая, встань.

Тот же призыв к борьбе с самодержавием содержался в словах песни «Барка»:

Ой, ребята, плохо дело!
 Наша барка на мель села.
 Царь наш белый—кормщик пьяный!
 Он завел нас на мель прямо.
 Чтобы барка шла ходчее,
 Надо кормщика—в три шея.

Весной 1874 года члены кружка стали чаще собираться на сходки. По показанию Кротонова, в апреле—мае их было восемь. Самой значительной по числу участников была сходка в «Засеке» (в лесу), происходившая в конце апреля. В ней участвовали 17 членов кружка, в том числе Рогачев, А. Кулябко, Добров, А. Селиванов, Миллер, Сабелькин, Корнеев, Францен. Кротонов, Ареопагитский и другие. Выступал Рогачев. Он говорил собравшейся молодежи, что народ испытывает экономический и политический гнет. Нет равенства и в образовании. Как выйти из этого положения? Есть три пути: повышение уровня образования народа, со-

здание производительных рабочих ассоциаций и народная революция. Первые два пути неприемлемы, так как они не могут привести к коренному переустройству общества, да они и невозможны в нынешних условиях. Единственно правильным и кратчайшим путем преобразования России является революция. Поэтому, делал вывод Рогачев, для нас единственный путь—идти в народ.¹⁷

Таким образом, руководитель кружка призывал молодежь отправиться в народ для практической деятельности по подготовке народно-революционного переворота. Как и все народники, Рогачев не понимал хода революционной борьбы, не знал верных путей переустройства общества. Он все надежды возлагал на крестьянскую (социалистическую) революцию, которая как он думал, одним ударом покончит с эксплуататорским строем и откроет для нашей страны возможности непосредственного перехода к коммунистическому обществу, без всяких переходных политических форм.

Те же мысли Рогачев высказывал и на других собраниях кружка. В своих речах он рассказывал молодежи о тяжелом положении крестьян, о революционном движении в России, говорил о необходимости идти в деревню с целью пропаганды. На сходках читали запрещенную литературу, пели революционные песни. Последняя сходка состоялась в конце мая на квартире Миллера. Здесь, по предложению Рогачева, было решено направить на работу в Москву в подпольную типографию членов кружка Д. С. Морозова и П. И. Покровского, а И. Н. Корнеева послать учиться в местную частную типографию Градковского.¹⁸

Так как Пенза являлась важным опорным пунктом революционной пропаганды в Поволжье, то Войнаральский и Рогачев старались привлечь сюда на работу народников из других городов. Используя свое положение писемоводителя мирового судьи, Рогачев заготовил много паспортов с печатями волостных правлений, которыми снабжал приезжавших пропагандистов.

¹⁷ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, 1874, д. 274, лл. 27—27 об., 101—101 об.

¹⁸ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, 1874, д. 275, л. 225 об.

В марте 1874 года по приглашению Войнаральского в Пензу приехала член петербургского кружка Ф. Н. Лермонтова — Евгения Константиновна Судзиловская. Она установила связи с местным кружком и передала Рогачеву нелегальную литературу, которую взяла у Войнаральского при встрече с ним в Москве.

После Судзиловской в Пензу прибыли для пропагандистской работы К. П. Блаудзевич и член харьковского кружка М. Ф. Спесивцев. Кроме того, сюда заезжали по дороге из Петербурга в Поволжье члены кружков Лермонтова и Ковалика. Приезжавшие революционеры действовали в сотрудничестве с местными народниками.

В конце марта Судзиловская с паспортом на имя крестьянки Ярославской губернии Екатерины Николаевны Петровой переехала из Пензы в село Степановку Городищенского уезда. Здесь она поселилась под видом лавочницы мелочной лавки, устроенной на средства Войнаральского, и стала вести революционную пропаганду среди крестьян.

Степановка стала важным пунктом пропаганды в Пензенской губернии и местом встреч революционеров. Сюда приезжали Войнаральский, Рогачев и другие видные народники. Здесь две недели жила Надежда Александровна Юргенсон под именем Дарьи Николаевны Трофимовой. В одно время с ней у Судзиловской «гостила» под видом родственницы К. П. Блаудзевич. Чтобы не навлечь подозрений полиции, соблюдалась осторожность. «Вообще все приезжавшие в Степановку люди,—сообщал уездный исправник,—вели себя очень осторожно, лошадей оставляли в одном месте, а к лавке подходили пешком, и если нужно было куда-нибудь ехать то нанимали верховых лошадей и отправлялись одни».¹⁹

Пропаганда Судзиловской и других народников среди крестьян села Степановки продолжалась недолго. Уже в начале лета 1874 года в стране начались массовые аресты революционеров, ушедших «в народ». Степановскую лавку пришлось оставить. В июне меся-

¹⁹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5163, л. 5; сб. «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 1, стр. 465—466; Р. В. Филиппов. Указ. соч., стр. 35.

це сюда приезжал в последний раз Д. М. Рогачев. Он взял из лавки письма и литературу, а затем заехал в Нижний Шкафт и забрал с собой оставшиеся там вещи Войнаральского. Вслед за этим из Степановки уехала и Судзиловская.²⁰ Некоторое время она жила в Пензе, а затем уехала в Петербург. 19 августа 1874 года ее арестовали.

Революционная пропаганда в Нижнем Шкафте и Степановке—не единичные факты «хождения в народ» участников кружка Рогачева. Весной 1874 года наиболее подготовленные члены кружка приступили к пропаганде среди крестьян близлежащих от Пензы селений. Так, В. Сабелькин и М. Спесивцев, как видно из их показаний, ходили в деревни Валяевку и Елшанку, завязали там знакомства с местными крестьянами и читали им нелегальные народнические издания. В Валяевке Сабелькин и Спесивцев ночевали у одного крестьянина, которому Сабелькин говорил, что крестьяне не могли бы избавиться от претерпеваемых ими страданий, так как крестьян больше, чем тех, по вине которых они страдают, и читал ему при этом выдержки из брошюры «Стенька Разин». В деревне Елшанке Сабелькин рассказывал крестьянам про французскую революцию и прочел им брошюру-прокламацию «Чтой-то, братцы, как тяжко живетя нашему брату на русской земле!»²¹ Пропаганду среди крестьян Елшанки вели также члены кружка Корнеев и Горчаков.²²

В конце мая Корнеев, по показанию Кротонова,—был в одном селе, расположенном по дороге из Пензы в Покровскую Варежку, где читал крестьянам книги революционного содержания. В другом селении он «разговаривал с какими-то каменщиками» и до того их распропагандировал, что они согласны были участвовать в восстании, если оно вспыхнет.²³

Рогачев старался привлечь на работу в деревню других участников кружка. Некоторые, готовясь к «хождению в народ», изучали ремесла. Так, Э. Ю. Каменский и Михаил Спесивцев брали уроки у столяр-

²⁰ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5163, л. 5.

²¹ «Государственные преступления в России в XIX веке», т. III, стр. 180.

²² ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, 1874, д. 275, лл. 134—134 об. 228.

²³ Там же, л. 227.

ного мастера. Другие собирались идти пропагандировать под видом сельского учителя или волостного писаря.

Важное значение кружок придавал пропаганде печатным словом. Выше говорилось о раздаче Рогачевым разных книг пензенской учащейся молодежи. Дознанием установлены факты довольно значительного распространения нелегальной литературы и среди крестьян. Во время обыска в Нижнем Шкафте в августе 1874 года у крестьян и учеников местной школы были обнаружены народнические пропагандистские брошюры «Стенька Разин», «Дедушка Егор», «Очерки фабричной жизни» и другие. «Таковые брошюры, — доносил городищенский исправник, — были раздаваемы... письмоводителем мирового судьи 2 участка городищенского округа Василием Петровичем Орловым». Крестьяне и сами распространяли запрещенные издания, которые давал им Рогачев, и собирались для чтения книг по два-три и более человек.²⁴

Нелегальная литература доставлялась в Пензу главным образом из Москвы. Ее привозили революционеры, приезжавшие в губернию для пропагандистской работы. Московские народники братья Аркадакские на следствии показали, что в одно время в типографии Мышкина для Пензы было упаковано 1000 экземпляров «Истории одного французского крестьянина» и что увезла эти книги в двух или трех ящиках Е. К. Судзиловская.²⁵

Много разных изданий доставили в Пензу К. П. Блаудзевич, П. И. Войнаральский и другие лица. Книги хранились сначала в квартире Цыбышевой, а затем у Э. Ю. Каменского. В мае месяце все книги перенесли к Жилинским, жившим в доме Дурасова на Нижне-Покровской улице. При обыске в их квартире 15 августа 1874 года был обнаружен целый склад запрещенной литературы.

Пензенский кружок установил революционные связи с народниками других городов, вел с ними переписку

²⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5163, лл. 3, 10, 11, 13, 33; В. Н. Гинев. Народническое движение в Среднем Поволжье. 70-е годы XIX века. «Наука», М—Л., 1966, стр. 84.

²⁵ Сб. «Революционное народничество 70-х годов XIX века» т. 1, стр. 265—266.

ку и имел шифр. В Пензу письма присылались на имя Э. Ю. Каменского и Жилинских. П. Кротонов свидетельствует, что в начале июня Каменский показывал ему письмо из Саратова, в котором сообщалось об арестах в мастерской Пельконена и, кроме того, содержалась просьба «пишущей особы о помощи». В то же время были получены письма из Тамбова и Москвы, написанные шифром. После разгрома саратовской сапожной мастерской из Пензы были отправлены в Москву два зашифрованных письма с просьбой о том, чтобы московские деятели не посылали письма на имя Каменского, Жилинских и Ланковского.²⁶

Войнаральский и Рогачев после отъезда из Пензы продолжали поддерживать связи с пензенским кружком, посылая информации о положении дел в других местах.²⁷ Таким образом, деятельность пензенского народнического кружка проходила не изолированно, она являлась составной частью общероссийского революционно-демократического движения.

С лета 1874 года правительство усиливает репрессии против революционеров. По всей стране начались аресты лиц, замешанных в антиправительственной пропаганде. Было арестовано и брошено в тюрьмы свыше тысячи человек. Среди них находились Войнаральский,²⁸ Юргенсон, С. Ковалик, Е. Судзиловская, К. Блаудзевич и другие активные организаторы «хождения в народ» в Поволжье.

Д. Рогачеву в это время удалось избежать ареста. Под нелегальными фамилиями он продолжал пропагандистскую работу в разных местах России. Арестован 16 августа 1876 года.

Не избежал общей участи и пензенский народнический кружок. В течение лета 1874 года было арестовано большинство его участников, в том числе П. В. Кротонов, И. Н. Корнеев, И. И. Добров, Н. В. Миллер, В. И. Сабелькин, Н. П. Жилинский, Е. Г. Вифанский, И. И. Ареопагитский, А. Ф. Селиванов, Э. Ю. Каменский, К. Францен, Горчаков и другие. Часть арестован-

²⁶ ЦГАОР, ф. ОППС, оп. 1, 1874, д. 275, лл. 230 об., 231.

²⁷ Там же, л. 230 об.

²⁸ Последнее время перед арестом Войнаральский вел пропаганду в Саратовской и Самарской губерниях. Арестован 24 июля 1874 года в Самаре.

ных после дознания была отдана под надзор полиции, другая часть привлекалась по процессу 193-х.

Каковы же итоги деятельности пензенского революционного кружка?

Плоды пропаганды народников в Пензенской губернии оказались столь же незначительными, как и в других местностях России. Ни создать «боевые» организации в деревне, ни тем более поднять крестьян на восстание пропагандистам нигде не удалось.

Однако, несомненно, что бесследно это движение не могло пройти. Оно оказало влияние на настроение части крестьянства, способствовало усилению недовольства в его среде. По утверждению Рогачева, пропаганда, которая велась в селе Нижний Шкафт, встречала у крестьян положительный отклик, а по словам Вифанского, крестьяне Нижнего Шкафта были вполне готовы к открытому выступлению. М. Спесивцев свидетельствует, что крестьяне деревень Валяевки и Елшанки, где вели пропаганду он и другие члены пензенского кружка, отнеслись к их беседам вполне сочувственно.²⁹

Действие народнической пропаганды сказалось и в том, что летом 1874 года в Пензенской губернии стали распространяться слухи и толки, выразившие надежду крестьян на освобождение в скором времени от помещичьей эксплуатации. Так, в августе 1874 года, пронесся слух, что две тысячи человек дворян, в том числе князь Голицын и помещик Обухов, подписались убить царя и уничтожить весь царский дом, за что дворян будут вешать. Заподозренные в распространении этого слуха крестьяне в количестве трех человек были арестованы жандармами.³⁰

В сентябре того же года в губернии распространился новый слух о том, что в селе Долгинцеве Корсунского уезда Симбирской губернии схвачено несколько человек крестьян и в числе их мещанин Войнаральский и что у крестьян найдена инструкция, по которой они некоторых помещиков должны перевешать, при этом открыто, что Войнаральский выдал 10 000 рублей для возмущения

²⁹ В. Н. Гинев. Революционная деятельность народников 70-х годов среди крестьян и рабочих Среднего Поволжья. «Исторические записки», т. 74, 1963, стр. 227.

³⁰ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5163, лл. 12, 14.

рабочих одной из фабрик в Корсунском уезде и 10 000 рублей для возмущения крестьян в селе Нижний Шкафт Городищенского уезда и для покупки им топоров.³¹

В это же время в Городищенском уезде возникли толки о будто бы предстоящем в скором времени «изменении образа правления в России и о разделе между крестьянами земли, принадлежащей помещикам». Под влиянием этих слухов крестьянин села Базарная Кеньша Тимофей Харитошин стал призывать своих односельчан не вносить денежных платежей. «Мы мужики-дураки, — говорил он, — трудимся и платим деньги господам, а они ничего не делают, живут праздно и получают денежки. У нас здесь выдают книжки, по которым платить ничего не следует. Если тебе попадется человек, который скажет тебе «возьми книжку» и если ты ответишь, что у тебя нет денег, то тебе так дадут, ты и возьми».³²

Таким образом, народническая пропаганда оказала известное влияние на современное положение дел в деревне. Правда, сколько-нибудь ощутимых результатов «хождения в народ» не было. Архивные документы не дают нам сведений о каких-либо крупных фактах, вызванных этим движением. Однако, бесспорно, что эта пропаганда в значительной мере обострила недовольство в народе, породила новые слухи о переделе земли и других переменах.

* * *

Многочисленные аресты не приостановили движения радикальной молодежи в народ с целью антиправительственной пропаганды. Оно продолжалось и в 1875—1876 гг. Революционный опыт предыдущего года показал народникам успехи и неудачи их деятельности, заставил во многом изменить тактику. Но главная задача — поднять крестьянство на социальную революцию — оставалась прежней.

«Хождение в народ» продолжалось и в Пензенской губернии, несмотря на то, что организационный центр движения (кружок Рогачева) был разгромлен властями. Оставшиеся на свободе революционеры снова принялись за ту же работу, привлекая в свои ряды новых бор-

³¹ Там же, л. 38.

³² ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5163, лл. 213, 214.

цов с самодержавием. Однако малочисленность пропагандистских сил и полицейские преследования не позволяли широко развернуть революционную работу среди населения. В это время пензенские народники сосредоточили свои усилия на распространении разной популярной пропагандистской литературы, посвященной жизни народа. Книги раздавали знакомым лицам, подкидывали к домам грамотных крестьян, разбрасывали вдоль дорог вблизи больших сел и железнодорожных станций и т. д. Приведем факты:

9 июля 1875 года на линии Моршанско-Сызранской железной дороги около станции Леонидовка были найдены пропагандистские народнические издания, в том числе: «Сказка о четырех братьях и их приключениях», «Сказка о копейке», «Сборник новых песен и стихов» и другие. 3 августа на линии той же дороги между станциями Пенза и Канаевка были найдены пропогандистские книжки под названием «Емелька Пугачев».

25 января 1876 года начальник пензенского полицейского управления железных дорог донес губернатору, что того же числа «близ станции Башмаково на линии железной дороги подняты 8 книг революционного содержания».³³

В марте 1876 года в селе Невежкине Чембарского уезда у бессрочно-отпускного рядового Дмитрия Никулина были отобраны полицией брошюры «История одного французского крестьянина»³⁴ и «Сказка о четырех братьях и их приключениях». Дознание выяснило, что эти книги Никулин давал читать своим односельчанам Аристарху Пивину, Петру Зайцеву, Потапу Селиверсову и другим. Было также установлено, что нелегальную литературу Никулину передал бывший студент Петербургского университета М. Е. Конусов, приехавший в начале марта в село Невежкино к своему отцу священнику этого села. По этому делу производилось «формальное следствие». Никулин и еще три человека были арестованы.³⁵

³³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5163, л. 163.

³⁴ Брошюра представляет собой переделку романа Эркмана-Шатриана «История крестьянина». Напечатана в 1873 году в женевской типографии «Чайковцев». См. сб. «Революционное народничество 70-х годов XIX века». т. I. (1870—1875) М., 1964, стр. 482.

³⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5163, лл. 177—178, 183—185.

В ночь с 10 на 11 мая 1876 года в селе Селикса Городищенского уезда неизвестными лицами были подкинuty к домам крестьян пропагандистские книжки, в числе их: «Бог-то, бог, да сам не будь плох», «Народные чтения в Соляном городке о смутном времени на Руси», «Похождения пошехонцев» и другие. Несмотря на тщательный розыск, полиции не удалось открыть виновных в разбрасывании этих книг.³⁶

16 мая 1876 года в Чембарском уезде полиция задержала бессрочно отпускного солдата Ивана Рунова, распространявшего среди крестьян нелегальную литературу.³⁷

В разное время 1876 года запрещенные издания были обнаружены при обысках в Пензе, Мокшане и в других местах.³⁸

Известны случаи революционной пропаганды в 1875 году среди рабочих железнодорожных мастерских на ст. Пенза. Здесь работу вел бывший студент Петербургского технологического института, уроженец села Аргамасова Чембарского уезда Алексей Львович Теплов. Как впоследствии выяснилось на дознании, он часто собирал рабочих и читал им запрещенную литературу. По показанию свидетеля машиниста Николая Нота особенно много толков среди мастеровых вызвала народническая брошюра «Хитрая механика».³⁹ В ней рассказывалось о том, как царь, дворяне, чиновники и купцы обирают трудовой народ. «Работаешь ты, — с рук мозоли не сходят, — говорилось в брошюре, — всю жизнь радости не видишь, ночей не досыпаешь, куска не доедаешь, бьешься, как рыба об лед, а все из чего? Чтобы подати внести. А для чего? За что? На них баре да чиновники живут, царь пьет, гуляет; купцы, кулаки наживаются, войско содержат, чтобы нас же, за нашу хлеб-соль да нашею же рукой бить, да нашу кровь с потом пить»... Выход из положения «Хитрая механика» видела в уничтожении существующего порядка путем народного восстания, в передаче земель и фабрик в артельное пользование. Пропаган-

³⁶ Там же, лл. 2—11.

³⁷ Там же, л. 194.

³⁸ Там же, лл. 183, 186.

³⁹ Брошюра написана В. Е. Варзаром и издана в 1874 году.

дист также читал рабочим брошюру «Емельян Пугачев», а некоторым давал книги на дом.

Теплов вел революционную пропаганду среди железнодорожников и на ст. Сызрань. В августе 1875 года он был арестован. При обыске у него было найдено 32 экземпляра запрещенных книг и брошюр семнадцати названий.⁴⁰ Кроме того, в тюрьме у Теплова была отобрана тетрадь с заметками, в которых он писал о бедственном положении трудящихся масс, о насилии над ними, о необходимости и неизбежности революции и путях революционной борьбы.⁴¹

Приговором особого присутствия правительствующего сената «государственный преступник» А. Л. Теплов был приговорен к четырехлетней каторге, замененной ссылкой на поселение в Иркутскую губернию. Впоследствии ему было разрешено вернуться в Пензу с тем, однако, чтобы за ним был установлен полицейский надзор. Жил он на Среднепешей улице в доме своего отца. Под надзором полиции находился до 1887 года.⁴²

Таким образом, после разгрома похода революционной интеллигенции в деревню в 1874 году народническая пропаганда в Пензенской губернии не прекратилась. В большинстве случаев властям не удавалось установить фамилии пропагандистов. Повидимому, это были уцелевшие от ареста члены пензенского кружка 1874 года, продолжавшие революционную деятельность.

В то же время революционную пропаганду в Пензенской губернии вели лица, не принадлежавшие к пензенской группе народников. Так, в 1875 году в губернию прибыл известный революционер-народник Осип Васильевич Аптекман. Поселившись в селе Муратовка Мокшан-

⁴⁰ О. Д. Соколов. Революционная пропаганда на железных дорогах России в 70-х годах XIX века. «История СССР», 1958, № 6, стр. 116.

⁴¹ Сб. «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 1, стр. 467.

⁴² ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5436, 5759. А. Л. Теплову удалось скрыться за границу. Находясь в эмиграции, вначале во Франции и Швейцарии, а затем в Англии, он продолжал революционную работу. В 1898 году основал в Лондоне бесплатную русскую библиотеку, которая являлась также и явочным пунктом русских революционеров-эмигрантов. Здесь неоднократно выступали В. И. Ленин, Г. В. Плеханов. После февральской революции А. Л. Теплов возвратился в Россию. Последние годы жизни провел в городе Пензе. Умер в 1921 году.

ского уезда в качестве фельдшера, он больше года успешно вел пропаганду среди местных крестьян. «Настроение у меня было бодрое, — пишет Аптекман в своих воспоминаниях. — Я работал много, но устали не знал. Работа меня удовлетворяла».⁴³ Работа оборвалась с приездом в больницу врача Салтыкова — человека весьма консервативного по своим общественным воззрениям и медицинским знаниям. Он стал третировать Аптекмана, как фельдшера, отрывал его от занятий с крестьянами. Пропагандист вынужден был оставить Муратовку и уехать в Петербург.⁴⁴

Но в общем, как уже отмечалось, «хождение в народ» в 1874—1875 гг. не оправдало надежд революционеров. Нигде в России не удалось вызвать массового крестьянского восстания. Представление народнической интеллигенции о мужике, как социалисте по инстинкту, который будто бы готов восстать по первому призыву революционеров, оказалось ошибочным. Движение в народ было слабо подготовлено. Оно не имело ни общей организации, ни руководящего центра. Отдельные кружки и группы действовали обособленно, хотя и поддерживали связь друг с другом. Сама пропаганда велась на ходу и потому была поверхностна и не глубока. Всего этого было достаточно, чтобы обречь на провал поход интеллигенции в деревню. В то же время массовые аресты привели к разгрому основных кадров пропагандистов и на время ослабили движение.

К осени 1877 года было окончено следствие по делу о революционной пропаганде в империи, длившееся четыре года. Число привлекавшихся к дознанию было огромным. В Петербург были свезены арестованные из 37 губерний. Начался крупный политический процесс — «процесс 193-х»,⁴⁵ слушавшийся в особом присутствии правительствующего сената с 18 октября 1877 года по 23 января 1878 года. Основная масса подсудимых обвинялась в принадлежности к революционному обществу, ста-

⁴³ О. В. Аптекман. Общество «Земля и воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. Петроград «Колосс», 1924, стр. 169.

⁴⁴ О. В. Аптекман. Указ. соч., стр. 176—177, 182.

⁴⁵ Из числа привлеченных к дознанию многие (около 100 человек) умерли, покончили самоубийством или сошли с ума во время предварительного заключения. Суду было предано 197 человек, из них четверо умерли до начала суда, — осталось 193.

вившему своей целью «в более или менее отдаленном будущем ниспровержение и изменение существующего в России государственного порядка и в распространении сочинений, имевших целью возбудить к бунту и неповиновению верховной власти».

В числе обвиняемых по делу 193-х находились и наиболее активные члены пензенского кружка: Н. И. Жилинский, О. И. Жилинская, И. И. Добров, Э. Ю. Каменский, И. И. Ареопагитский, П. В. Кротонов, В. И. Сабелькин, А. Ф. Селиванов и другие.⁴⁶ Кроме того, привлекались в качестве свидетелей П. Талантов, Д. Троянов, К. Еврафов, В. Разумовский, А. Горчаков, К. Францен, Н. Алмазов, А. Семенов и другие участники кружка. Всего из Пензы было вызвано в Петербург для дачи показаний особому присутствию правительствующего сената 35 человек (не считая подсудимых), прямо или косвенно связанных с деятельностью пензенской группы народников.⁴⁷

Стойко и мужественно держались обвиняемые на суде, который они превратили в арену борьбы против насилия и беззаконий.

Борьба достигла высшего напряжения во время выступления И. Н. Мышкина 15 ноября 1877 года. Несмотря на постоянные перерывы председателя, Мышкин сумел в немногих словах охарактеризовать революционное движение 70-х годов, показав, что оно является отражением борьбы народных масс России за свое освобождение от экономического и политического гнета. Он заклеймил позором царских судей, которые «из подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов, торгуют чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества».⁴⁸ Выступление закончилось столкновением между подсудимыми и жандармами.⁴⁹

Участники процесса полагали, что их открытые выступления против существующих порядков в России ока-

⁴⁶ Кротонов, Сабелькин и Селиванов умерли во время предварительного заключения, Жилинский умер во время суда. (Сб. «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 2, стр. 46, 496).

⁴⁷ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5386, л. 7.

⁴⁸ «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. 1, стр. 391.

⁴⁹ Там же, стр. 392.

жут влияние на передовые слои русского общества, в первую очередь на демократическую молодежь, которая продолжит дело подготовки народного восстания.

23 января 1878 года был объявлен судебный приговор по делу о революционной пропаганде в империи. И. Н. Мышкин, В. И. Войнаральский, С. Ф. Ковалик и Д. М. Рогачев, признанные судом главными виновниками в составлении революционного общества, приговаривались к лишению всех прав состояния и к 10 годам каторги с последующим поселением в Сибири. Более 90 человек, как участники тайного общества, приговаривались к различным срокам каторжных работ, к тюремному заключению и ссылке в отдаленные местности Российской империи. Многим подсудимым было зачтено как наказание предварительное заключение (два, три или четыре года). Некоторые признаны судом невиновными, но после процесса они были сосланы в административном порядке в разные губернии под надзор местной полиции.

Из Пензенской группы подсудимых некоторые освобождались от наказания ввиду продолжительности предварительного заключения (И. И. Добров, Э. Ю. Каменский), другие были судом оправданы (И. И. Ареопагитский, О. И. Жилинская).

Работавшая в Пензенской губернии Е. К. Судзиловская, признанная невиновной, была сослана в административном порядке в Могилевскую губернию.

Войнаральский и Рогачев отбывали наказание сначала в Новоборисоглебской центральной каторжной тюрьме (близ Харькова), а затем на Каре.⁵⁰ Здесь в 1884 году Рогачев умер. Войнаральский по окончании срока каторги был поселен в Якутской области. Живя среди якутов, он занимался различными промыслами, делал опыты по разведению овощей, посеву овса, ячменя, гороха и других культур. На основе изучения природных и экономических условий края им была написана книга «О полярном земледелии». В ней автор знакомил читателя со своими достижениями в области сельского хозяйства и указывал меры, которые, по его мнению, могли бы улучшить тяжелое экономическое положение якутов.

---

⁵⁰ Карийская политическая каторжная тюрьма находилась в Забайкалье на реке Каре, притоке Шилки, впадающей в Амур. По берегу Кары было расположено несколько тюрем.

В 1896 году Войнаральский получил разрешение вернуться в Европейскую Россию и в следующем году выехал из Якутии. Он совершил поездку по главнейшим городам России, ведя пропаганду среди молодежи, пытаясь восстановить народнические кружки. Напряженная работа добила его слабое здоровье; надорванное годами каторги и ссылки. 17 июля 1898 года он скоропостижно скончался в городе Купянске Харьковской области.

ПЕНЗЕНСКИЙ НАРОДНИЧЕСКИЙ КРУЖОК КОНЦА 70-х — НАЧАЛА 80-х ГОДОВ

Правительственные репрессии не остановили революционеров в их борьбе против самодержавия. Движение «в народ» с целью пропаганды продолжалось и во второй половине 70-х—начале 80-х годов, хотя уже в измененных формах. Это было время деятельности крупнейших народнических организаций «Земли и воли», «Народной воли» и «Черного передела», а также примыкавших к ним групп и кружков.

Ареной активной народнической деятельности в этот период, как и в предшествующий, была Пензенская губерния. В конце 70-х годов в Пензе образовался новый революционный кружок из представителей разночинной интеллигенции, учащихся и офицеров воинских частей. Возглавлял его поручик 160-го Абхазского пехотного полка, квартировавшего в Пензе, Николай Павлович Котов. Активными членами кружка являлись С. М. Артоболевский, В. В. Басинский (офицеры), бывший студент Н. П. Толузаков, мещанин И. С. Лапин, его жена О. П. Лапина, исключенная из гимназии П. П. Толузакова (сестра Н. П. Толузакова), мелкий чиновник А. И. Голубев, его жена А. С. Голубева, юнкер К. И. Соловьев, бывшие члены пензенского кружка Рогачева — И. И. Добров, Д. Ф. Никольский и П. И. Покровский, учившийся в гимназии Ф. К. Одинокоев и другие. Всего в группе насчитывалось свыше 20 человек.

Судя по материалам, кружок Котова и других имел переходный и смешанный характер. Первоначально он образовался как местная землевольческая группа, в состав которой вошли бывшие участники движения первой половины 70-х годов (Никольский, Покровский и другие), а также и новые лица. После раскола «Земли и воли» (1879 г.) в кружок входили как сторонники

«Черного передела», так и приверженцы «Народной воли». Сложный состав кружка выясняется из содержания пропагандистской деятельности его участников: в ней сказались влияния различных народнических направлений, действовавших на пензенскую разночинную молодежь того времени.

Члены кружка собирались на сходки, которые сначала происходили в селе Чемодановке в доме местной учительницы В. А. Архангельской. На собраниях, как свидетельствует Ф. Одинокоев, «вели антиправительственные разговоры, отрицали существование бога и религию, толковали о том, чтобы не платить царю податей, не признавать начальство, пели запрещенные песни».⁵¹ Позже, с начала 1880 года, заседания кружка происходили в г. Пензе на квартире у Котова, у Толузаковых, иногда за городом в лесу. Участники сходок рассуждали о тяжелом положении трудового народа, «о неудовлетворительности общественного устройства и правительственных распоряжений».⁵²

Но пензенские народники не удовлетворялись общими рассуждениями, они ставили вопрос о конкретных действиях. Главную свою задачу кружок видел в том, чтобы путем пропаганды подготовить крестьян к восстанию против существующего строя. На разрешение этой задачи была направлена вся деятельность кружка на протяжении всего времени его существования.

Местом для практической деятельности был избран ближайший к Пензе Городищенский уезд. По заданию кружка здесь вел работу под видом сельского писаря Федор Кузьмич Одинокоев. Как сообщал городищенский исправник, Одинокоев энергично распространял среди крестьян сел Чемодановки, Селиксы и деревни Бакшевки запрещенные издания «с очевидной целью поколебать доверие народа к правительству и государю». В беседах с крестьянами он говорил, «что земля отойдет от господ к крестьянам, и что уже есть такая книга, в которой о том говорится», а «государей не будет, потому что они будут выбираться народом». Пропагандисту

⁵¹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5641, л. 7; ЦГАОР, ф. ДПОО, оп. 1881, д. 921, л. 5 об.

⁵² ЦГИА, ф. 1405, оп. 80, д. 8449, лл. 32—34.

удалось создать из крестьян села Чемодановки опорную группу, которая по его указанию вела работу среди своих односельчан.

В своем доме Одинокоев хранил нелегальную литературу, которую читал крестьянам и давал читать распространяемым им слушателям. При обыске после ареста у него были обнаружены разные запрещенные книги и прокламации.

Революционную пропаганду в деревнях Городищенского уезда вели также Н. Котов и К. Соловьев, приехавшие сюда из Пензы. По свидетельству Одинокоева, Котов в одно из своих посещений крестьян села Чемодановки имел с ними беседу, говорил им «насчет земли» и советовал готовиться к восстанию. Котов и Соловьев вели беседы и с крестьянами села Селиксы.⁵³

В других местах наладить работу среди крестьян не удалось. Попытки Доброва пропагандировать в Чембарском уезде пресекались полицией. Он находился под строгим надзором, у него неоднократно производились обыски.

Члены кружка активно вели пропаганду печатным словом. Материалы дознания свидетельствуют, что запрещенная литература распространялась в 1880—1881 гг. среди воспитанников духовной семинарии, рабочих частной типографии Умнова, а также в селах Пензенского уезда.⁵⁴ Установлены случаи пересылки по почте нелегальных изданий в город Краснослободск.⁵⁵

Литература хранилась у Голубевых и Басинского, живших в доме Тяпкиной на Лекарской улице. При обыске в их квартирах были обнаружены запрещенные книги, номера газеты «Черный передел» и более ста экземпляров разных народофильских изданий, в том числе: «Программа Народной воли», «Программа Исполнительного комитета» от 22 марта 1880 года, извещение «От Исполнительного комитета» об убийстве Александра II, прокламация «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» и другие. Кроме того, были найдены подписные листы: «лист для сбора на устрой-

⁵³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5641, лл. 4, 8—9.

⁵⁴ ГАПО, ф. 5, оп. 2, д. 1, лл. 1—4, 8—10, 12.

⁵⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5737, лл. 32—33.

ство провинциальной типографии» и «листок добровольного сбора в пользу «Черного передела».⁵⁶

Революционная литература присылалась в Пензу из Петербурга, Самары, Казани. Дознание выяснило, что Котов много раз поручал членам кружка делать денежные сборы с крестьян на выписку из Петербурга прокламаций и книг.⁵⁷ По просьбе Котова в 1881 году в Пензу приезжал из Самары доктор А. И. Скребицкий, который останавливался у Толузаковых и передал пензенцам нелегальные издания. Скребицкий обещал еще приехать и привезти прокламации, которые он «будет развозить по всему Поволжью».⁵⁸

Связь с Казанью была налажена через студента Казанского университета Е. Г. Вифанского, бывшего участника пензенского кружка Войнаральского-Рогачева (1874 г.). Весной или в начале лета 1881 года Вифанский передал Голубевым большое количество прокламаций, которые частью были разбросаны членами кружка, частью отобраны полицией при обысках.⁵⁹ В. В. Басинский, будучи одно время в Казани, прислал оттуда с поручиком Польшковским «посылку», в которой были революционные прокламации. Эти прокламации он взял у Вифанского.⁶⁰

Часть доставлявшейся в Пензу литературы кружок отправлял в другие города. Следствие установило девять случаев пересылки по почте прокламаций «Честным мирянам...» и «Письмо Исполнительного комитета Александру III» на имя разных лиц в Вятку, Глазов и Яранск (Вятской губернии).⁶¹

В связи с тем, что литературы не хватало, пензенские деятели приступили к устройству тайной типографии для переиздания книг и листовок. Производился сбор средств «на устройство провинциальной типографии фабрикаций социалистов-народников».⁶² Делались по-

⁵⁶ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5641, лл. 17, 19—20; ЦГИА, ф. 1405, оп. 80, д. 8449, лл. 45—46, 48.

⁵⁷ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5641, лл. 9—10.

⁵⁸ ЦГИА, ф. 1405, оп. 80, д. 8449, л. 35.

⁵⁹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5737, лл. 32—33.

⁶⁰ ЦГИА, ф. 1405, оп. 80, д. 8449, лл. 34 об., 35, 39.

⁶¹ Там же, л. 55 об.

⁶² ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5641, л. 19; ЦГИА, ф. 1405, оп. 80, д. 8449, лл. 45 об., 46.

пытки подобрать шрифт для типографского набора. На дознании Одинокоев показал: «В мае месяце, в бытность мою у Котова, он мне предложил назваться чужим именем и поступить с подложным паспортом к содержателю частной типографии Умнову для того, чтобы взять там побольше печатного шрифта и тогда, говорил он, ты будешь считаться одним из первых деятелей в числе пензенских социалистов. Котов также предлагал мне познакомиться со словолитчиком губернской типографии Музиным для соглашения его к передаче шрифта».⁶³ Полицейская слежка и аресты помешали осуществлению плана создания в Пензе подпольной типографии.

Переписка кружка с народниками Самары, Казани и других городов велась через Голубевых. Из Пензы письма отправлялись на имя разных лиц, в частности, студентов Казанского университета. «В письмах этих,— доносил пензенский полицмейстер,— предосудительного они ничего не писали, но между строк писали составом кали и сернокислого железа». При обыске в квартире Голубевых вся их переписка была захвачена полицией.⁶⁴

После событий в Петербурге 1 марта 1881 года активность пензенских народников возросла. Создавшуюся в стране напряженную обстановку члены кружка считали благоприятной для перехода к открытым действиям. С весны свои усилия они сосредоточивают непосредственно на подготовке крестьян к восстанию, которое намечалось на 29 июня— день открытия в Пензе Петровской ярмарки. Котов в беседах с крестьянами Чемодановки и Селиксы призывал их не слушаться начальства, не платить податей, не давать своих крестьян в солдаты. Он говорил, что «землю отберут от помещиков и разделят поровну» и что «в Пензе для этого готовится бунт и скоро будет». Котов просил крестьян, чтобы они подговаривали к бунту и других, чтобы сами бунтовали, не боялись, так как таких людей, которые будут на их стороне, в Пензе много.⁶⁵

В таком же духе вели пропаганду в деревнях и другие члены кружка. На допросах многие крестьяне показали,

⁶³ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5641, л. 9.

⁶⁴ Там же, д. 5737, л. 33; д. 5641, л. 20.

⁶⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5641, лл. 8—9; ЦГИА, ф. 1405, оп. 80, д. 8449, лл. 49 об., 50.

что Одинокое, беседуя с ними, «говорил о предстоящем будто бы разделе земли и советовал уговаривать односельчан принять участие в восстании».⁶⁷

Накануне открытия Петровской ярмарки, в ночь на 28 июня, в г. Пензе и окрестных селеньях пропагандистами были разбросаны революционные прокламации, завернутые в кумач с надписью «Земля и воля». Решение разбросать листовки было принято на загородной сходке, где присутствовали Артоболевский, Котов, Лапин, Толузаков, Никольский и столярный мастер С. Г. Коваленков. Лапин и Коваленков взялись разбрасывать прокламации на ярмарочной площади в городе Пензе. Котов взялся их разбрасывать по дороге в села Засечное и Терновку, Толузаков — в село Бессоновку, а Никольский — по дороге в село Васильевку. Артоболевскому было предложено идти в село Воскресенское, которое он знал по своим прежним землемерным занятиям. Прокламации и кумач были розданы Котовым указанным выше лицам днем 27 июня на квартире у Лапиных. По свидетельству А. Голубевой, кроме этих лиц в разбрасывании листовок принимали участие — она, ее муж А. Голубев и О. Лапина.⁶⁸

На следующий день полицией было найдено в разных местах и отобрано у населения девятнадцать прокламаций, в том числе восемнадцать — «Честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» и одна прокламация «Земля и воля».⁶⁹

В прокламации «Честным мирянам...», выпущенной Исполнительным комитетом «Народной воли» 2 марта 1881 года по поводу убийства Александра II, предлагалось посылать к новому царю ходяков с прошениями о новой нарезке земли без всякого выкупа, об уменьшении податей, о невмешательстве в мирские дела чиновников и полиции, о созыве «выборных мирских людей от деревень и от всего народа», без совета которых царь не должен ничего делать — ни податей не назначать, ни войн не вести.⁷⁰

⁶⁷ ЦГАОР, ф. ДПОО, оп. 1882, д. 2459, лл. 23—23 об.

⁶⁸ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5737, лл. 32—33; ЦГИА, ф. 1405, оп. 80, д. 8449, лл. 32—34, 55.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Сб. «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. II, стр. 234.

Прокламация «Земля и воля», изданная «Черным переделом», также в связи с цареубийством и датированная 14 марта 1881 года, советовала не дожидаться от нового царя «ничего хорошего», а силой добиваться «правды мужичьей, земли своей, воли настоящей». «Коли хочешь земли да воли, так силой бери, — говорилось в прокламации. — Только за дело это нужно всем сразу взяться... Народ — сила: что захочет, то и будет! Первое дело — забирать свою землю, податей царю не платить и рекрутов не давать!»

Листовка заканчивалась призывом: стать всем «как один человек за правду, за землю, за волю.»⁷¹

Распространение прокламаций, в которых на первый план выдвигался самый волнующий деревню вопрос — вопрос о земле, должно было, по мысли руководителей кружка, активизировать действия масс, возбудить их к открытому выступлению, к бунту. Написанные на кумачевой обертке слова «Земля и воля» могли стать лозунгом движения.

Однако поднять крестьян на восстание не удалось. Кружок пензенских деятелей переоценил степень революционности крестьянства. В это время оно не было готово к сознательной организованной борьбе с самодержавным строем; оно еще надеялось на лучшие перемены, которые произойдут по воле царя. К тому же власти, зная (по найденным прокламациям) о замыслах пропагандистов и ожидавшие 29 июня «беспорядков», приняли свои меры. На улицах города были расставлены полицейские посты для наблюдения за собравшейся на ярмарку толпой, был приведен в готовность Абхазский пехотный полк. Последнее обстоятельство — наличие в городе войска — руководители кружка считали главной помехой восстанию. Впоследствии Котов утверждал, что «если бы не остался в Пензе Абхазский полк, то бы был во время Петровской ярмарки бунт».⁷²

В Пензе начались аресты. До осени 1881 года были арестованы все наиболее активные участники движения. Следствие велось около года. Власти старались раскрыть нити деятельности революционного кружка, найти новых «преступников», оставшихся еще на свободе. Губерна-

⁷¹ Там же, стр. 161.

⁷² ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5641, л. 10.

тор Татищев требовал от органов полиции и прокурорского надзора «уничтожить окончательно гнезда революционеров», открытые в Пензе, «прекратить заразу в ее зародыше».⁷³

В качестве обвиняемых было привлечено 12 человек: Н. Котов, С. Артоболевский, В. Басинский, Д. Никольский, И. С. и О. П. Лапины, Н. Толузаков, И. К. Соловьев, Ф. Одинокоев, П. Толузакова, С. Коваленков и А. С. Голубева.⁷⁴ Они обвинялись в «злоумышленном распространении печатных воззваний с целью возбудить крестьян к бунту». Дело решалось административным порядком. Котов, Никольский, Басинский, Артоболевский и Толузаков были сосланы на разные сроки в Тобольскую губернию. Остальные обвиняемые освобождались с вменением в наказание предварительного их заключения и учреждением над ними надзора полиции.⁷⁵

Несмотря на неуспех, деятельность кружка Котова имела положительное значение. Она сближала революционно настроенную интеллигенцию с крестьянами, в известной степени способствовала обострению недовольства деревни. Вместе с тем, деятельность пензенской группы народников, ее связи с революционными кругами других городов, взаимный обмен информацией и литературой сыграли свою роль в расширении революционно-демократического движения в России.

В целом народническое движение в России, несмотря на все ошибки и неудачи, имело большое значение для последующих поколений. В. И. Ленин с глубоким уважением относился к революционерам-народникам, подчеркивал их непоколебимую преданность интересам народа, их решимость и энергию. Жертвы революционной интеллигенции «пали не напрасно, — писал он, — несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа.»⁷⁶ В. И. Ленин указывал на преемственную связь народничества в русском освободительном движении с социал-демократией.

⁷³ Там же, лл. 22—27.

⁷⁴ ЦГАОР, ф. ДПОО, оп. 1882, д. 2459, лл. 18 об.—19.

⁷⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 5737, лл. 2, 17, 34, 36, 38, 40; ЦГАОР, ф. ДПОО, оп. 1882, д. 2459, л. 16.

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

ХІІ. ПЕРВЫЕ МАРКСИСТСКИЕ КРУЖКИ В ПЕНЗЕ

90-е годы XIX века были временем подъема в России массового рабочего движения, когда непосильный труд, полуголодное существование, невыносимые жилищные условия заставляли пролетариат все активнее подниматься на борьбу с капиталистами. Однако эти стихийные выступления пролетариата заканчивались, как правило, его поражением. Для того, чтобы борьба рабочих со своими эксплуататорами развивалась успешно, необходимо было придать ей организованный характер, привносить в нее идеи научного социализма. Этому марксисты России могли добиться только при условии перехода к широкой политической агитации в среде рабочих и организационного сплочения своих рядов. Русская социал-демократия вполне могла приступить к выполнению этой задачи, так как, по выражению В. И. Ленина, она закончила в 1894 году процесс своего утробного развития и вступила в период детства и отрочества, продолжавшийся до 1898 года.

В 1893 году благодаря приезду В. И. Ленина в Петербург деятельность петербургских марксистов резко активизировалась: они вели успешную борьбу с народничеством и «легальным марксизмом», все шире развертывали политическую агитацию в среде петербургского пролетариата. Осенью 1895 года под руководством В. И. Ленина все марксистские кружки Петербурга объединились в единую политическую организацию — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Он стал на практике обеспечивать соединение теории научного социализма с рабочим движением.

Активизация социал-демократов в столице Российской империи не могла не сказаться на деятельности марксистов в других городах. Организовывались «союзы борьбы за освобождение рабочего класса» в Киеве и Екатеринославе, возникли «рабочие союзы» в Москве и Иваново-Вознесенске. Появились и стали организовываться марксистские кружки также в Пензе.¹

Осенью 1894 года на квартире одного из состоятельных либеральных деятелей Пензы несколько молодых людей, собравшихся в библиотеке хозяина, самозабвенно «ломали копыя», до хрипоты споря о необходимости для марксистов переходить к широким действиям в рабочем классе. Во время спора окончательно сошлись как единомышленники, как люди одних взглядов на теорию и практику двое пензенских социал-демократов: чиновник отделения Государственного банка Николай Руфович Добронравов и конторщик Сызрано-Вяземской железной дороги Григорий Ельшин.

Покинув квартиру, они долго еще бродили по ночным улицам, обсуждая вопросы развития революционного движения. Надо было заняться организацией в Пензе широкой сети социал-демократических кружков, сделав главный упор на работу среди железнодорожников. Эту последнюю задачу взял на себя Ельшин. Добронравов, имевший широкие знакомства среди интеллигенции, решил заняться работой в ее среде.

Добронравов познакомил Ельшина со своей библиотекой нелегальных книг. Свыше 500 названий насчитывалось в ней, в том числе «Капитал», «Критика некоторых положений политической экономии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карла Маркса. В добронравовской библиотеке находились многочисленные издания группы «Освобождение труда», выходившие в Женеве и тайком привозившиеся в Россию.

Несколько десятков книг из своей библиотеки Н. Р. Добронравов передал Григорию Ельшину для распространения среди рабочих.

Работа по созданию кружков началась. Вскоре кружок Н. Р. Добронравова насчитывал 10 человек: он сам,

¹ Деятельность первых марксистских кружков в Пензе раскрывается на основе материалов Центрального Государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 124, оп. 7, дд. 11445, 11446.

его сестра Надежда, гимназистки Е. Я. Смирнова, Л. М. Грушецкая и Л. Ф. Коршунова, семинарист П. А. Народецкий, Ф. И. Бобылев, П. П. Крафт. Позднее к кружку примкнул Д. С. Волков, высланный в Пензу из Петербурга под гласный надзор полиции после почти трехлетнего тюремного заключения за участие в революционном движении.

Кружковцы регулярно собирались вместе для чтения и обсуждения нелегальной литературы. Надо, однако, отметить, что их состав был неоднородным. Наряду с социал-демократами Добронравовым, Волковым и другими, в него входили люди, проповедывавшие народнические взгляды — П. П. Крафт, который впоследствии стал эсером, и Ф. И. Бобылев.

Одновременно развернул работу по организации кружка Григорий Ельшин. Он не мог так часто, как хотел бы, встречаться с рабочими-железнодорожниками. Поэтому решил прежде всего найти себе помощников. Его выбор пал на молодого рабочего пензенских железнодорожных мастерских Василия Смурова. Совместные чтения нелегальной литературы и разбор прочитанного сдружили их.

Вскоре с Ельшиным познакомился техник железнодорожных мастерских Н. А. Народецкий (брат участника добронравовского кружка). Четвертым оказался токарь железнодорожных мастерских М. Ф. Пономарев. Несколько старше своих новых товарищей (к моменту знакомства с Ельшиным и Смуровым ему исполнилось 23 года), он также, как и они, близко к сердцу воспринял идею борьбы за интересы рабочего класса.

Теперь они совместно приступили к созданию кружка: незаметно приносили в железнодорожные мастерские нелегальную литературу и давали ее читать надежным рабочим. Иногда, если в обеденный перерыв удавалось уединиться, Смуров читал вслух и объяснял непонятные слова. Иногда с этой целью он приглашал рабочих на квартиру к Ельшину. К началу 1895 года под руководством Ельшина сложился нелегальный кружок, в который, кроме его самого, В. Смурова, Н. Народецкого, М. Пономарева, входили токари и слесари железнодорожных мастерских: Н. Е. Бахилин, В. М. Меркулов, В. Н. Елисеев, И. Н. Кочетков, Н. М. Кузнецов и другие.

В конце января 1895 года в Пензу под гласный над-

зор полиции прибыл из Казани М. М. Корнильев. В это время ему было 26 лет, и он имел за плечами немалый стаж участия в революционном движении. Окончив гимназию, он поступил в Казанский университет, откуда в 1887 году был исключен одновременно с В. И. Лениным за участие в студенческих выступлениях. Корнильев и позднее принимал участие в социал-демократическом движении, за что в 1892 году привлекался к дознанию, был подвергнут на три месяца тюремному заключению и выслан в Пензу под гласный надзор полиции.

Неизвестно, как и когда познакомились Ельшин и Корнильев. Известно только, что их первая продолжительная беседа касалась вопроса о нелегальной литературе. Корнильев, просмотрев библиотеку Ельшина, посоветовал ему уничтожить народнические издания, которые могут только ввести в заблуждение неподготовленного слушателя, и оставить лишь марксистскую литературу. Ельшин так и сделал.

Договорились, что Корнильев будет активно работать с членами ельшинского кружка и возьмется за расширение пропаганды. Ельшин познакомил его с В. Смуровым, Н. Народецким, М. Пономаревым. Нелегальная работа стала расширяться. На квартире у Смурова регулярно устраивались собрания, где присутствовали Ельшин и Корнильев. Они беседовали с рабочими и читали им нелегальную литературу.

Благодаря этому кружок Ельшина в 1895 году значительно увеличился. В него вошли рабочие железнодорожных мастерских М. Г. Смуров (брат В. Смурова), И. Н. Кочетов, С. И. Труевцев, Н. А. Никифоров и другие. Продолжал работать и добронравовский кружок. Весной Л. Ф. Коршунова ввела в него молодого чертежника депо Пенза Сызрано-Вяземской железной дороги К. В. Безрукова. В это время члены кружка решили усилить пропагандистскую работу среди крестьянства. С этой целью Коршунова и Грушецкая ходили в пригородное село Терновку, Бобылев — в Рамзай. Летом 1895 года Безруков отправился в село Аргамачево и там вел беседы с крестьянами о том, что им нужно бороться с помещиками.

Осенью работа кружка стала постепенно замирать. Закончившие гимназию девушки стали разъезжаться. Е. Я. Смирнова уехала учительствовать в село Бессонов-

ку, Л. Ф. Коршунова — на учебу в Петербург, а Л. М. Грушецкая выехала в Женеву, где поступила на медицинские курсы университета. Хотя их отъезд несколько ослабил группу, но имел и свою положительную сторону: Грушецкая из-за границы, а Коршунова из Петербурга находили возможность пересылать своим друзьям в Пензу выходящую из печати различную нелегальную литературу.

Поздней осенью 1895 года добронравовский кружок очистился от сторонников народнических взглядов: уехал в Симферополь Крафт, вышел из кружка Бобылев.

Добронравов с Волковым нашли новые пути для расширения своей работы. Волкова познакомили с рабочими из ельшинского кружка и он стал снабжать их новыми изданиями социал-демократической литературы, которую присылала ему Л. Ф. Коршунова из Петербурга. От Волкова ельшинцы получили брошюру «Кто чем живет» Дикштейна, «О задачах социалистов по борьбе с голодом», «Русский рабочий в революционном движении» Плеханова. Вторые экземпляры этих книг Волков передавал в добронравовскую библиотеку.

В начале 1896 года Добронравов обратил внимание на своего сослуживца, помощника бухгалтера Пензенского отделения Государственного банка Николая Петровича Рассказова. Выяснилось, что тот уже давно изучает экономическое учение Маркса. Так, в Пензе появился еще один организатор социал-демократических кружков. В обвинительном заключении по делу пензенских марксистов подчеркивалось, что Рассказов был в близких отношениях с Добронравовым, «таким же социал-демократом, как и сам Рассказов, который вел самостоятельную пропаганду».

Договорились, что Рассказов будет заниматься пропагандой социал-демократических идей среди учащихся первой и второй мужских гимназий, духовной семинарии, землемерного и реального училищ. В помощь ему Добронравов выделил молодого семинариста П. А. Народецкого, который выяснял, кто из семинаристов интересуется нелегальной литературой, и наиболее надежных приглашал на квартиру к Рассказову.

Впоследствии у Рассказова завязались связи с учащимися землемерного училища. Здесь его ближайшим помощником стал В. Ф. Соколов, доставивший в Пензу

из Самары книгу «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Карла Маркса с предисловием Ф. Энгельса. В землемерном училище В. Ф. Соколов обменивался нелегальной литературой с товарищами. Не одного «землемера» вовлек он в «рассказовские чтения».

На работу с молодежью Рассказов не жалел времени — только с семинаристами он провел 10—12 собраний. И при этом, как показывали впоследствии на допросах в полиции свидетели, во время чтений и бесед всегда указывал «на необходимость борьбы рабочих за улучшение их положения, стачек и т. п.».

Иногда на собраниях у Рассказова присутствовал Добронравов, и когда молодежь расходилась, нагруженная полученной здесь нелегальной литературой, они подробно обсуждали планы дальнейшей работы.

Однажды Добронравов принес на очередное чтение у Рассказова новую книгу. «Работник», номера первый и второй, — прочел кто-то вслух титульный лист, — непериодический сборник с портретом Фридриха Энгельса. Издание «Союза Русских социал-демократов». Едва успели перевернуть страницу, как новый голос подхватил, начав читать эпиграф к первой статье: «Какой светильник разума погас, какое сердце биться перестало!».

«Некрасов, — подали реплику из угла, — «Памяти Добролюбова». Да, именно строками из пламенного некрасовского стихотворения, поставленными в качестве эпиграфа, начиналась статья-некролог «Фридрих Энгельс», написанная для «Работника» Владимиром Ильичем Лениным. Издание сборника явилось одним из результатов поездки Ленина за границу в 1895 году. Группа «Освобождение труда» приняла предложение В. И. Ленина об издании популярных сборников для рабочих и первым таким сборником был «Работник», появившийся и в Пензе.

С того вечера «Работник», полученный Добронравовым в нескольких экземплярах, еще долго имел хождение в Пензе. Полиция находила эту книгу при обысках и арестах пензенских революционеров даже шесть лет спустя — в 1902 году.

В первые месяцы 1896 года активизировалась работа ельшинского кружка.

Однажды Ельшин собрал Корнильева, В. Смурова, Н. Народецкого и вручил им по несколько экземпляров

небольшой книжки. В заглавии стояло: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Автором этой брошюры был В. И. Ленин. Просто и понятно рассказывалось в ней, как предприниматели эксплуатируют рабочих, каким путем они должны идти на борьбу с фабрикантами и заводчиками.

Члены ельшинского кружка широко использовали «Объяснение закона о штрафах» для привлечения в кружок новых рабочих. Вот как, например, Н. Народецкий привлек к участию в кружке Г. С. Снякова, который работал в то время учеником в железнодорожных мастерских. Он стал давать ему нелегальную литературу. Первой такой книжкой было «Объяснение закона о штрафах», затем последовали «Речь рабочего Петра Алексева», «Что должен знать каждый рабочий» и другие.

Вскоре Сняков стал сам распространять нелегальные издания. Брошюры «Объяснение закона о штрафах», «Что должен знать каждый рабочий», «8-ми часовой рабочий день» получили от него рабочие Костиков, Мясников, Кузнецов. «Объяснение закона о штрафах» Сняков читал Костикову в обеденный перерыв вслух.

Впоследствии полиция выяснила, что все привлеченные к дознанию по делу 56 марксистов-пензенцев, хорошо знали и распространяли брошюру «Объяснение закона о штрафах». Такова была сила ленинского слова, что эту книжку стремился прочесть каждый, кто ее видел или слышал о ней!

Весной 1896 года Григорий Ельшин решил расширить сферу действия своей группы. По его предложению Корнильев связался с рабочими писчебумажной фабрики Сергеева (ныне фабрика «Маяк Революции»). Через Василия Смурова Корнильев познакомился с молодым токарем фабрики Сергеева А. С. Еремцевым, который и взял от него нелегальные брошюры: «Объяснение закона о штрафах», «Рабочий день», читал их товарищам.

Через Еремцева группа рабочих фабрики Сергеева была приглашена на собрание в гостиницу Пускова. Оно проходило под видом вечеринки. Рабочие пришли с девушками. Кроме Корнильева и Смурова, сюда явились Ельшин и Николай Народецкий.

Когда все познакомились, Корнильев повел беседу. Он говорил о необходимости для рабочих бороться за улучшение своего положения, о том, что для этой борьбы

должны объединиться рабочие всех предприятий Пензы. Жандармы с «возмущением» отмечали впоследствии, что «даже девушкам внушалось о необходимости улучшения положения рабочих».

После беседы Ельшин, Народецкий и Корнильев раздали рабочим «Объяснение закона о штрафах», а также брошюру Плеханова «1 мая 1892 г.». Разошлись поздно, и, чтобы не вызвать подозрения у хозяина, притворялись выпившими, распевая песни под гармонь.

Следующим мероприятием было устройство совместного собрания рабочих фабрики Сергеева и железнодорожных мастерских. Оно было организовано на дому у П. Ф. Пономарева. М. Г. Смуров оповещал о собрании железнодорожников, Еремцев — рабочих фабрики.

Сошлись под предлогом празднования пасхи 1896 года. В пасхальные дни, когда во многих домах собирались праздничные компании, сбор двадцати—тридцати мужчин и женщин не мог вызвать подозрения полиции.

Собранием руководили Ельшин, В. Смуров, Корнильев и Н. Народецкий. Когда выяснилось, что собравшиеся понимают необходимость совместных действий, был поставлен вопрос о создании на случай забастовок рабочей кассы. Решили эту идею широко распространить среди рабочих и выявить их отношение к ней. Народецкий предложил отпраздновать 1 мая. Его единодушно поддержали. Все сошлись на том, что маевку надо организовать под предлогом прогулки по реке Суре.

Вечером 1 мая 1896 года на живописных берегах Суры несколько десятков рабочих впервые в Пензе отмечали праздник международной солидарности пролетариата.

Ранней осенью 1896 года Василия Смурова мобилизовали в армию. Нелегко было Ельшину расстаться с одним из ближайших помощников, но делать было нечего. Используя уже оправдавший себя метод, Ельшин решил собрать активных работников в гостинице Пускова под видом вечеринки в честь уезжавшего в армию В. Смурова, чтобы договориться о дальнейшей работе. На этом собрании из-за идейных расхождений произошел разрыв с Корнильевым. Если Ельшин рассматривал втягивание рабочих в экономическую борьбу как первый этап для вовлечения их в политическую борьбу с самодержавием и капиталистами, то Корнильев смотрел на дело иначе.

Он заявил, что главное — борьба рабочих за свои права в рамках существующих законов, что к стачке надо прибегать лишь «в случаях крайней необходимости». «Я сторонник не революции, а эволюции, то есть развития фабричного законодательства», — откровенно признался Корнильев Ельшину.

Долгий разговор не мог убедить Корнильева. А так как большинство присутствующих стало на сторону Ельшина, то Корнильев заявил, что он порывает с ними всякую связь и отходит от работы.

Трудности не сломили Григория Ельшина. Вместе с Добронравовым они решили обратить свое внимание на фельдшерскую школу, где, по их сведениям, среди учащихся имелись революционно-настроенные люди. Вначале они познакомились с А. Я. Лопуховским, приобщили его к чтению нелегальной литературы, а затем предложили создать библиотеку для учеников школы. Эта мысль увлекла Лопуховского, и вскоре он оказался обладателем небольшой, но умело подобранной библиотечки.

А. Я. Лопуховский собирал членов своего кружка на квартире у Куралесинной для совместного изучения марксистской литературы. Эти чтения заканчивались обычно длительными спорами о том, как лучше поднять рабочих на борьбу за свои права.

В октябре 1896 года в паровозном депо станции Пенза Сызрано-Вяземской железной дороги начал работать машинист Осип Иванович Тепловский. Появление нового лица не осталось незамеченным среди железнодорожников. Заинтересовался им и Ельшин. Скоро он узнал, что двадцатилетний машинист, уроженец г. Инсара, в свое время окончил курс Пензенского железнодорожного технического училища. О нем говорили, как о человеке, который еще в училище увлекался нелегальной литературой. Н. Народецкй, знавший Тепловского по училищу, познакомил его с Ельшиным. «Надо использовать парня для организации кружка в депо», — решил тот. Несколько недель тщательного изучения и прощупывания, а затем откровенные беседы убедили: Тепловский тот человек, который нужен для работы в депо.

Ельшин передал Тепловскому «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Объясне-

ние закона о штрафах», сборник «Работник» со статьей В. И. Ленина «Фридрих Энгельс», издания группы «Освобождение труда» и другие книги, положившие начало нелегальной библиотеке О. Тепловского, которая впоследствии выросла до 100 книг.

В депо Тепловский встретил товарища по училищу А. Н. Чеснокова, работавшего помощником машиниста. Тот познакомил Тепловского с участниками ельшинского кружка слесарями И. Г. Назаровым и В. Н. Нефедьевым. Все трое стали его активными помощниками. Получая литературу, они распространяли ее среди рабочих. Только Назаров снабдил нелегальной литературой 20 человек.

Сам Тепловский убедил примкнуть к кружку помощников машиниста П. П. Капустина, В. И. Коробкова, Д. В. Ермакова, М. И. Клещева. В феврале 1897 года в кружке Тепловского насчитывалось 14 человек.

Однажды во время посещения квартиры Народецких, младший из братьев Петр предложил Тепловскому познакомиться с Н. П. Рассказовым, который мог поделиться нелегальной литературой. Знакомство состоялось. Рассказов в первую же встречу передал Тепловскому 35 экземпляров марксистских брошюр и книг, в том числе «Капитал» Карла Маркса.

Обеспечив себя литературой, Осип Тепловский приступил к регулярным занятиям в кружке. Обычно собирались у Чеснокова, читали и разбирали «Капитал» Маркса, а затем, нагруженные литературой, расходились по домам.

Весной 1897 года Григорий Ельшин, у которого были особые способности сблизиться с людьми, революционно настроенными, познакомился со студентом А. М. Ремизовым. Горячий, порывистый, тот рассказал о себе: «Сам москвич, окончил Московское коммерческое училище, поехал за границу. В июле—августе прошлого года объездил Австрию, Швейцарию и Германию. В Вене познакомился с нелегальной литературой, увлекся ею. С собой привез около 20 марксистских брошюр. Когда поступил в Московский университет, сразу стал участвовать в студенческом движении, отсидел за это шесть месяцев в тюрьме и оказался здесь, в Пензе. Выслан под гласный надзор полиции».

— Присоединяйтесь к нам, — сказал ему Ельшин.— почва у нас уже готова, есть с кем работать и среди железнодорожников, и среди учащихся. Вы нам можете оказать немалую помощь.

Ремизов с энтузиазмом взялся за дело. Брат Сергей привез ему из Москвы нелегальную библиотеку, в которой были такие новые для пензенских марксистов произведения, как «Нищета философии», «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Наши разногласия» Плеханова, несколько брошюр Энгельса и другие книги, уже имевшие хождение в Пензе.

Благодаря влиянию Ремизова, значительно оживилась работа кружка в фельдшерской школе: чаще стали собираться, занятия стали проходить интереснее.

В мае 1897 года на Верхнем гулянье (как называли в то время парк культуры имени В. Г. Белинского) Ремизов познакомился с модельщиком железнодорожных мастерских П. П. Левиным, затем со столяром завода Крюгера И. Ф. Сукониным, которых стал снабжать нелегальной литературой и впоследствии вовлек в кружок Тепловского.

Через А. Н. Чеснокова познакомился Ремизов и с Тепловским. В 1897 году под общим руководством Ельшина они осуществили несколько важных мероприятий.

Прежде всего был окончательно решен вопрос, связанный с организацией рабочей кассы взаимопомощи. В нелегальных изданиях Ремизов отыскал небольшую брошюру, которая называлась: «Касса, для чего она нужна рабочим и как ее устроить». Взяв ее за образец, Ремизов написал устав рабочей кассы из семи пунктов.

Устав несколько раз обсуждался на общих сходках ельшинского и тепловского кружков, и, наконец, был принят в августе 1897 года на очередной сходке. Кассиром избрали техника железнодорожных мастерских Г. П. Лебедева, который энергично взялся за сбор членских взносов. Первые взносы дали 46 рублей. Правда, 11 рублей некоторые вкладчики затем взяли обратно. Остальные деньги, с согласия членов кассы, Тепловский передал Ремизову за его нелегальную литературу, которая поступила в библиотеку Тепловского, а Ремизов послал деньги в Москву на новые книги.

В результате библиотека Тепловского стала общим

достоянием кружка. Был принят «Устав библиотеки железнодорожных служащих», который обязывал каждого участника заботиться о пополнении библиотеки, распространении литературы, поддержании книг в порядке.

Активное участие в работе рабочей кассы принял Н. П. Рассказов, вступивший в ее члены и регулярно вносивший взносы. По поручению О. Тепловского, помощник машиниста Я. И. Сарычев устроил лотерею, в которой разыгрывались сочинения Писемского. Вырученные от лотереи 18 рублей были также внесены в кассу.

28 июля 1897 года Ремизов, Ельшин и Добронравов устроили в доме М. И. Клещева, входившего в кружок Тепловского, литературный вечер. На нем присутствовали участники кружков, учащаяся молодежь. Всего около 40 человек. Член рассказовского кружка Константинов сделал доклад о положении рабочих в Бельгии. Затем выступил Ремизов, рассказавший о том, как царское правительство расправилось с Чернышевским. Вечер способствовал сближению учащейся молодежи и рабочих.

Летом того же года к Осипу Тепловскому приехал брат Федор. Он поселился с ним в одной комнате и поступил учиться в железнодорожное училище. При помощи Федора и его друга А. И. Мазина Осип Иванович организовал новый кружок, в который вошло десять учеников железнодорожного училища. Энергии О. Тепловского хватало на оба кружка. Всего под его руководством осенью 1897 года работало около 30 человек.

Социал-демократические кружки Пензы росли и крепились, устанавливали связи с другими городами. Летом, один из рабочих, группировавшихся вокруг Ремизова, М. Г. Сивачев уезжал на работу в Петербург. Ремизов попросил его установить связи с петербургскими марксистами и присылать их листовки в Пензу. И вот в ноябре 1897 года на имя Ремизова пришло из Петербурга письмо. В конверте оказались две листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»: «Ко всем ткачам и прядильщикам», а также «О сокращении рабочего дня в железнодорожных мастерских», которую Ельшин и Тепловский решили размножить и распространить в мастерских Сызрано-Вяземской железной дороги.

Так впервые в Пензе появились социал-демократические листовки, отпечатанные на гектографе.

Это событие встревожило местные власти. На ноги был поставлен весь штат губернского жандармского управления. Тепловский заметил за собой усиленное наблюдение. Занятия в кружках пришлось временно прекратить, а нелегальную библиотеку спрятать сначала у Чеснокова, а потом передать на хранение Мазину.

Усилилась слежка и за Доброуравовым, почувствовали на себе полицейский глаз Рассказов и Ремизов. Это не осталось без последствий...

Счастье не баловало своим вниманием Николая Доброуравова. Всю свою сознательную жизнь он без устали работал, чтобы содержать больных мать и отца, многочисленных братьев и сестер. Кропотливый труд в банке, работа на дому отнимали у него почти все время. На руководство нелегальными кружками уходили часы, отведенные для отдыха и сна, а тут еще началась слежка. И человек не выдержал — решил уйти от жизни. В полицейском протоколе об этом говорится кратко. «20 декабря 1897 г. в 11 часов вечера чиновник Пензенского отделения Государственного банка Николай Руфов Доброуравов, 27 лет, бывший дежурным по канцелярии, в дежурной комнате счетчика, выстрелом из револьвера в правый висок лишил себя жизни».

Вскоре умер Григорий Ельшин. Как причины, так и точная дата его смерти остаются для нас пока неизвестными. В документах дознания по делу пензенских марксистов о Ельшине говорится много, но как о лице, «ныне умершем».

Больших оснований торжеств у пензенских жандармов в начале не было: ученик землемерного училища Иван Карпов, пойманный за чтением нелегальной литературы 16 января 1898 года, признался лишь в том, что получал нелегальную литературу от М. П. Остроумова и В. А. Феофарова. Но оба они не были связаны с кружками Доброуравова и Ельшина, и еще около двух месяцев аресты не касались пензенских социал-демократов. Но после допросов с «пристрастием», Иван Карпов упомянул о своем знакомстве с некоторыми членами кружка Н. П. Рассказова.

Позднее шпики выследили нелегальную библиотеку фельдшерской школы, находившуюся у А. К. Соколова, где при обыске обнаружили письмо Лопуховского. А «откровенные показания» последнего привели полицию к О. Тепловскому и Ремизову. В начале марта 1898 года оба оказались в губернской тюрьме.

Следствие длилось более полутора лет. Участников пензенских социал-демократических кружков, успевших уехать из города, искали по всей России: Василия Смулова и Нефедьева нашли в местечке Барановичи Минской губернии, где они служили солдатами в железнодорожном батальоне, В. Ф. Соколова привезли из Калуги. Всего к дознанию было привлечено 56 человек.

8 октября 1899 года Саратовская судебная палата закончила составление обвинительного заключения и отослала его в столицу Российской империи. Там постановили не устраивать процесса, а решить дело административным порядком.

Пока со скрипом работала царская бюрократическая машина, жизнь шла своим чередом. Все арестованные, побыв в тюрьме, были выпущены до объявления приговора под особой надзор полиции. А Тепловский, кроме того, — под денежное поручительство в 1000 рублей. «Монаршья милость» снизошла к участникам кружков в виде повеления от 31 мая 1900 года. Главных зачинщиков — О. Тепловского, Рассказова и Ремизова — отправить в ссылку в Вологодскую губернию на 3 года; остальные были приговорены к краткосрочному тюремному заключению или высылке в различные города под гласный надзор полиции.

Так закончилась деятельность первых пензенских марксистских кружков. В их работе имелись недостатки: они занимались больше пропагандой и практически не уделяли должного внимания агитации среди широких рабочих масс, их сплочению в борьбе с самодержавием. Однако все, что они сделали, не пропало даром. Их деятельность подготовила почву для последующего распространения марксистско-ленинских идей в Пензе и губернии.

ХІІІ. ПЕНЗЕНСКИЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. А. КАРПИНСКОГО

В середине 90-х годов в Пензе образовался молодежный марксистский кружок, который возглавил гимназист Вячеслав Карпинский¹. Кружковцы изучали труды К. Маркса и Ф. Энгельса, произведения русских революционеров-демократов и другую запрещенную литературу. По словам В. А. Карпинского, этот кружок интересен тем, что «по нему можно в некоторой степени судить о том, что идеи марксизма проникали даже в такую среду, как учащиеся гимназий и духовных семинарий» таких типичных «городов Окуровых», каким была в конце прошлого столетия Пенза².

Вячеслав Алексеевич Карпинский родился 16 января 1880 года в Пензе в семье юриста. Уже в раннем возрасте он проявил интерес к окружающим явлениям социально-экономической жизни. Вспоминая о своих гимназических годах, он отмечал: «Первую, если можно считать ее листовкой, я сочинил еще в младших классах гимназии. В то время разразился голод в Поволжье, и «прокламация» моя, «изданная» в одном экземпляре и обращавшая лишь внутри класса, призывала к сбору денег для голодающих. Она была в общем-то безобидной в политическом отношении, но, попав в руки «пе-

¹ В. А. Карпинский — один из старейших деятелей Коммунистической партии, соратник В. И. Ленина, видный публицист, доктор экономических наук, Герой Социалистического Труда. Умер 20 марта 1965 года.

² ПАПО, ф. 612, оп. 1, д. 4, л. 1.

деля, как мы называли наставника, могла, конечно, принести некоторые неприятности ее автору».³

Вячеслав Карпинский увлекался естественно-научной литературой, мечтал быть врачом.

Дом, в котором родился В. А. Карпинский (ул. Володарского, 18).

Большую роль в формировании материалистических взглядов В. Карпинского сыграл учитель физики 2-й мужской гимназии г. Пензы Н. А. Снесарев. «Это был человек передовых взглядов... — отмечал впоследствии В. А. Карпинский. — Он во внеучебное время собирал учащихся в физическом кабинете (не всех, конечно, а по нашему выбору) и читал нам лекции по физике, естествознанию с опытами, которые должны были производить сами учащиеся, устраивал астрономические вечера с наблюдением через телескоп луны и звезд. Все эти занятия имели антирелигиозный уклон... В астрономических вечерах участвовали и некоторые учащиеся других средних школ»⁴. Характеризуя политическую сторону

³ А. Старков. В строю ленинцев. «Огонек», 1960, № 3, стр. 2.

⁴ Рукописный фонд Пензенского областного краеведческого музея. Письмо В. А. Карпинского от 26 января 1958 г.

жизни Н. А. Снесарева, В. А. Карпинский писал: «В особом тесном кружке он проводил беседы на антирелигиозные и политические темы. Позднее, когда я вел нелегальную работу, Николай Алексеевич в Воронеже оказал мне приют в своей квартире преподавателя реального училища».⁵

Сплотив вокруг себя наиболее развитых и демократически настроенных гимназистов, Вячеслав Карпинский создал нелегальный кружок. Об этом он рассказывал так: «Революционную работу я начал с 14 лет. В 1894 году с небольшой группой мы организовали кружки учащихся в средних школах Пензы. В ранцах приносили литературу, которую в библиотеках достать было нельзя, например, Чернышевского «Что делать?». В старших классах познакомился и с идеями марксизма по сочинениям, изданным на русском языке, и главным образом по немецкому тексту «Манифеста Коммунистической партии». Эту драгоценную книгу я раскопал в шкафу у одного революционера, сосланного в Пензу. Мы знали наизусть длинные цитаты из Манифеста».

Библиотечка с запрещенными книгами хранилась в доме Карпинских. В беседе с журналистом А. Старковым Вячеслав Алексеевич вспоминал: «Склад этой литературы находился в сенях под порогом, о чем моя ма-тушка не подозревала»⁶.

Наиболее активными членами кружка были учащиеся 2-й мужской гимназии г. Пензы Алексей Харламов и Алексей Добросмыслов («Митрич»), ученик землемерного училища Лука Николаев («Лука»). Зимой кружковцы обычно собирались в комнате Вячеслава Карпинского, а летом — в примыкавшем к дому саду или в «засеке» (лесу, начинавшемся у западной окраины города). Периодически они организовывали нелегальные собрания учащейся молодежи, где выступали с докладами и рефератами по политическим, социально-экономическим вопросам. Вспоминая об одном из таких собраний, В. А. Карпинский пишет: «Вероятно это было в 1898 году. Собралось не менее 50 человек. Доклад делал я — о раз-

---

⁵ Письмо В. А. Карпинского учителям и учащимся 11-й средней школы г. Пензы от 21 июля 1960 г.

⁶ А. Старков. Указ. соч., стр. 2.

витии капитализма и революционном рабочем движении в России. Содоклад о развитии революционного крестьянского движения в России сделал Митрич (Добросмыслов). После докладов было обсуждение их, затем пели революционные песни, плясали под гармошку. Вечером с красным флагом, с горящими ветвями из костра отправились с песнями в город. Выйдя из леса на большую дорогу, ведущую в город, превратились просто в группу веселящейся молодежи»⁷.

Участники кружка стремились теснее связаться с рабоче-крестьянской средой, поддерживали революционные связи с социал-демократами. Это видно из следующих строк воспоминаний В. А. Карпинского: «В кружке участвовало трое учащихся землемерного училища, фамилии которых я забыл... Через них мы были связаны с крестьянами Пензенской губернии. Кроме того, в группу входил молодой рабочий из западной губернии, сосланный в Пензу. Фамилию его не помню. Он привез нам нелегальные брошюры. Нелегальную литературу мы получали от сосланного в Пензу социал-демократа Колокольникова...»⁸.

Окончив гимназию, В. Карпинский и А. Харламов осенью 1899 года поступили учиться в Харьковский, а А. Добросмыслов в Московский университеты. Избрание места учебы было не случайным. Вот как об этом пишет В. А. Карпинский: «В Харьков, тогда крупнейший пролетарский центр, меня влекла не только медицина. Как марксисту мне хотелось ближе познакомиться с опытными революционерами, с головой окунуться в живое дело революции, в пекло классовой пролетарской борьбы...»⁹.

С первых же дней студенческой жизни В. А. Карпинский активно включается в революционную деятельность. Выступая под кличкой «Карп», он стал проводить занятия в рабочих кружках на паровозостроительном заводе и заводе сельскохозяйственных машин.

---

⁷ Рукописный фонд ПОКМ. Письмо В. А. Карпинского от 26 января 1958 г.

⁸ Рукописный фонд ПОКМ. Письмо В. А. Карпинского от 26 января 1958 г.; ГАПО, ф. 5, оп. 4, д. 136. «Дело о Павле Николаевиче Колокольникове. Начато 23 августа 1898 года — окончено 1 сентября 1898 г.».

⁹ А. Старков. Указ. соч., стр. 2.

Находясь в Харькове, В. Карпинский не терял связи и с Пензой. Периодически навещая родной город, он встречался с революционно-настроенной молодежью, оказывал на нее социал-демократическое влияние.

В конце 1899 года за участие в студенческом движении была арестована большая группа харьковской молодежи. Не избежали этой участи В. Карпинский и А. Харламов. Ректорат Харьковского университета исключил их из числа студентов, а жандармское управление выслало под особый полицейский надзор в Пензу.¹⁰

В родном городе В. Карпинский прожил с февраля по ноябрь 1900 года¹¹. Несмотря на бдительный полицейско-жандармский надзор, он продолжает революционную деятельность, о чем свидетельствует его выступление с пламенной речью на революционной маевке 1900 года¹².

В переписке Пензенского губернатора и губернского жандармского управления В. Карпинский характеризовался как опасный государственный преступник, опытный партийный пропагандист и конспиратор. В одном из донесений губернатор писал, что, находясь в Пензе, В. Карпинский «вращался исключительно среди политически неблагонадежных. При обыске у него найдена переписка, свидетельствующая о том, что он снабжал нелегальной литературой каких-то лиц с конспиративными именами и подготовлял речи революционного характера»¹³.

В ноябре 1900 года В. Карпинский переехал в Ростов-на-Дону. Туда он выехал нелегально, имея на руках документы своего друга А. Добросмыслова. «Последний, — вспоминает В. Карпинский, — охотно дал мне свой паспорт, под которым я жил и полгода работал пропагандистом в Ростове-на-Дону как член местной социал-демократической организации, благодаря чему мне удалось избежать ареста там»¹⁴.

В январе 1901 года В. Карпинскому удалось вновь поступить учиться в Харьковский университет, но не на

¹⁰ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7195, л. 131, 135.

¹¹ Там же, лл. 262—265.

¹² Рукописный фонд ПОКМ, ф. VIII, А., л. 96.

¹³ Ф. Самарин. Всегда с Лениным. «Пензенская правда», 3 ноября 1963 г.

¹⁴ Рукописный фонд ПОКМ. Письмо В. А. Карпинского сотруднику ПОКМ от 26 января 1958 г.

долго. 3 февраля за участие в массовом антиправительственном выступлении студентов, организованном Харьковским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», он был вторично исключен из университета и через два дня выслан под полицейский надзор в Пензу. 26 февраля 1901 года начальник пензенского жандармского управления сообщил губернатору: «Имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что в виду исключения Вячеслава Алексеевича Карпинского из Харьковского университета и высылки его в г. Пензу за участие в студенческих беспорядках, мною сего числа над названным Карпинским учрежден негласный полицейский надзор...»¹⁵.

В это время в Пензу за участие в «студенческих беспорядках» был выслан ряд лиц, в том числе и исключенный из Московского университета А. Добросмыслов.¹⁶

Несмотря на полицейский надзор, В. Карпинскому удалось сплотить вокруг себя пензенскую революционную молодежь и выпустить гектографическую прокламацию, посвященную борьбе студентов против самодержавно-полицейского режима в России.¹⁷ В ночь на 10 апреля 1901 года она была распространена по городу и имела широкий отклик среди рабочих и учащихся Пензы.¹⁸

Отбыв срок высылки в Пензе, В. Карпинский вновь едет в Харьков, где принимает самое активное участие в подготовке празднования 1 мая 1902 года. 25 апреля он был арестован, заключен в тюремный каземат, а затем на три года выслан в ссылку в Вологодскую губернию. В 1904 году ему удалось скрыться от полицейского ока. Он эмигрировал в Швейцарию, где познакомился с В. И. Лениным и стал его верным другом и соратником.

¹⁵ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 7278, л. 1.

¹⁶ Там же, л. 17.

¹⁷ Там же, л. 50; В. Лебедев. Об этом сообщала «Искра», «Пензенская правда», 24 декабря 1970 г.

¹⁸ См. «Искра», 1901, № 8.

XIV. КУЛЬТУРА ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Падение крепостного права и изменения, происшедшие в экономической и социальной жизни страны в пореформенный период, оказывали влияние на развитие культуры народов России. Растущее капиталистическое производство требовало значительно большего количества грамотных людей и специалистов в промышленности, в сфере управления, торговли и т. д. Росла потребность в чтении, увеличивался спрос на книги, журналы, газеты. Не только в городах, но и в сельских местностях люди тянулись к знаниям.

Однако в Пензенской губернии в пореформенное время просвещение развивалось более медленными темпами, чем во многих других областях России. Такое положение объяснялось экономической отсталостью края, очень тяжелыми материальными условиями жизни трудящихся масс.

В 50-х и начале 60-х годов в Пензенской губернии самыми распространенными были церковно-приходские школы. Они находились в ведении синода, чаще всего размещались в церковных сторожках или малоприспособленных крестьянских домах. Основными учебными предметами были «закон божий», церковно-славянский язык и церковное пение. Таких школ в 1850 году было 106. Кроме них имелось еще 50 сельских школ. В этих учебных заведениях обучалось 3,6 тысячи детей¹. На-

¹ ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 2912, лл. 296—297.

сколько мала эта цифра, видно из того, что на тысячу жителей приходилось около четырех школьников.

На основе «Положения о начальных народных училищах», утвержденного под давлением общественности царским правительством в 1864 году, Пензенское земство начало большую работу по организации школ и подготовке учительских кадров. В земских школах, в противоположность церковно-приходским, в наибольшей мере проявились прогрессивные, демократические тенденции в развитии народного образования.

Летом 1870 года губернское земство впервые провело в Пензе шестинедельные курсы переподготовки учителей. Впоследствии такие курсы стали традиционными и способствовали улучшению постановки учебного процесса в школах.

Важнейшую роль в формировании учительских кадров сыграла организованная в 1874 году Пензенская учительская семинария, в создании которой земство приняло самое активное участие. Такое учебное заведение было крайне необходимо, так как в то время из 252 сельских учителей только 165 имели свидетельства на это звание, а остальные были допущены к преподаванию временно².

Решило земство и другой весьма важный вопрос: к педагогической деятельности были допущены женщины. Уже в 1879 году в губернии работало 50 учительниц³.

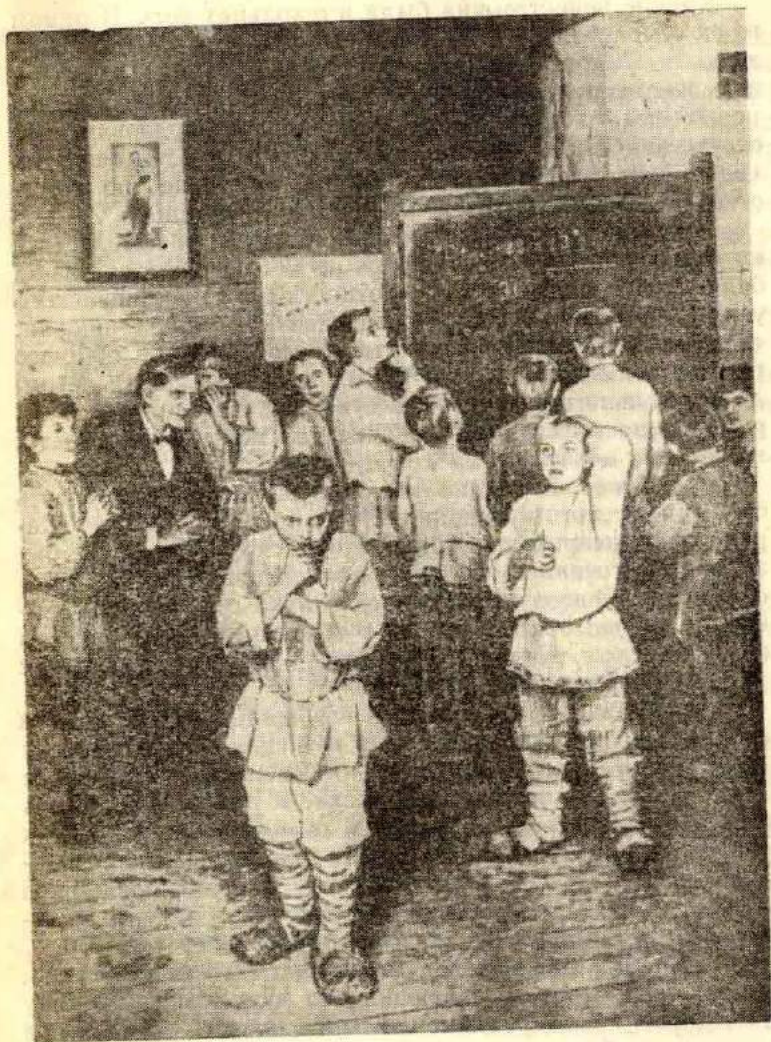
Однако практическая деятельность земств ограничивалась скудностью средств, которые они могли отпускать на строительство и содержание школ. В результате учебные заведения ютились нередко в непригодных для занятий крестьянских избах. Так, в 1870—1871 учебном году из 202 народных училищ лишь 22 размещались в собственных помещениях, а остальные — в арендованных⁴. В отчете пензенского губернатора за 1875 год сообщалось, что «в Городищенском уезде 28 сельских училищ, но из них только пять помещаются удобно, а в остальных 23 — тесно, грязно, холодно»⁵. Примерно такое же положение было во всей губернии.

² «Обзор Пензенской губернии за 1875 г.», стр. 117.

³ «Пензенские губернские ведомости», № 165, 2 августа 1879 г.

⁴ «Пензенские губернские ведомости», № 25, 23 июня 1871 г.

⁵ «Обзор Пензенской губернии за 1875 г.», стр. 127.

В земской школе.

С картины художника Н. П. Багданова-Бельского.

Крайне недостаточна была и школьная сеть. В одном из документов конца XIX века указывалось, что в Пензенском уезде начальные училища не могут вместить всех желающих обучаться, а дети 38 селений «...лишены всякой возможности получать начальное образование по отсутствию в них училищ, по дальности расстояний этих селений от существующих училищ, а также по отсутствию свободных мест в ближайших училищах»⁶.

Многочисленные документы тех лет свидетельствуют о том, что многие учащиеся не могли учиться из-за бедности их родителей. В частности, из Городищенского уезда, объясняя плохую посещаемость школ, писали: «Крестьяне этого уезда заняты приготовлением щепного товара, и им помогают во всякое время, зимою и летом, дети школьного возраста; на суконных и бумажных фабриках и на стеклянных заводах так же работают дети, начиная от девяти лет...»⁷.

Еще более медленно распространялась грамотность среди нерусского населения. По данным 1864 года в Саранском, Инсарском и Краснослободском уездах, где были сосредоточены в основном мордовские села, на 40 населенных пунктов приходилась только одна школа. Ничем не лучше обстояло дело с обучением детей мордвы в Чембарском, Пензенском, Городищенском и других уездах губернии.

Кроме начальных школ, в губернии существовали средние учебные заведения: две мужских и одна женская гимназия в г. Пензе, мужские и женские 3-классные прогимназии, 3-классные городские и другие училища в губернском центре и в уездных городах. Но в средних учебных заведениях учились дети преимущественно привилегированных слоев населения — дворян, чиновников и буржуазии. Лишь отдельные представители трудящихся масс могли получить среднее образование.

Передовая общественность прилагала немало сил, чтобы содействовать просвещению трудящихся. Наряду с консервативно и реакционно настроенными учителями в губернии работали прогрессивные педагоги, воспитывавшие учащихся в духе идей революционеров-демократов. В Пензенском дворянском институте с 1855 по 1863 год

⁶ ГАПО ф. 81, оп. 1, д. 1038 л. 2.

⁷ «Пензенские губернские ведомости», № 166, 5 августа 1879 г.

работал преподавателем физики и математики выдающийся русский педагог И. Н. Ульянов. В учебных заведениях города преподавали педагоги-демократы В. И. Логинов, В. И. Захаров, В. А. Ауновский. Большую роль в развитии народного образования края сыграл В. Х. Хохряков, который долгое время работал инспектором народных училищ, директором учительской семинарии. Он был инициатором обучения мордвы на родном языке, автором учебных пособий для мордовских школ⁸.

Многое сделал для просвещения в Пензенской губернии поэт и писатель В. Н. Ладыженский, ведавший вопросами народного образования в губернской земской управе. Он ушел в отставку в 1904 году в связи с отказом земства увеличить ассигнования на просвещение⁹.

Но развитие народного образования в губернии, как и во всей России, шло медленно из-за реакционной политики царизма. Правительство считало, что все обучение и воспитание в школе должно идти в религиозно-монархическом духе. Оно вводило систему надзора за педагогическим процессом, всячески препятствовало распространению передовых идей. Об этом, в частности, свидетельствует интересный документ особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения от 28 июля 1894 года по поводу книги «Пензенская губерния», написанной учителем Нижнеломовского двухклассного училища И. Ф. Кузьминым, который несколько строк посвятил В. Г. Белинскому.

«Делая отзыв об этом писателе, — говорится в журнале Особого отдела. — г. Кузьмин ограничивается только следующей его характеристикой: «Белинский оставил после себя 12 томов сочинений, в которых содержится много умных рассуждений и прекрасных мыслей о разных предметах». Ведь это рекомендация книги для учеников, между тем сохрани бог нашу школу и неопытную юность от соприкосновения с Белинским. В последний и самый шумный период своей деятельности это был завзятый проповедник неверия и грубого материализма, не

⁸ См. И. Федоров. Выдающиеся учителя и просветители Пензенской губернии. Пензенское книжное издательство. 1958.

⁹ «Систематический сборник постановлений Пензенского губернского земского собрания. 1855—1911», отдел III, стр. 35—36.

видевший ничего доброго в России и ждавший спасения для нее от всесветной революции... Если говорить о Белинском..., то достаточно ограничиться упоминанием лишь о том, что родился там-то и там-то, а еще лучше вообще о нем не упоминать»¹⁰.

К началу XX века в Пензенской губернии неграмотные составляли 85,5 процента всех жителей. Даже в Пензе более 50 процентов мужчин и 65 процентов женщин не умели ни читать, ни писать. Всего же в губернии насчитывалось 974 учебных заведения, в которых обучалось 40,5 тысячи мужчин и 12,3 тысячи женщин, т. е. на тысячу жителей приходилось лишь 34 учащихся.¹¹

По размерам затрат на просвещение губерния занимала одно из последних мест в Европейской России. В то же время на ее территории действовало 1286 церквей, монастырей и мечетей, 1262 питейных заведения.

Широкая тяга населения к овладению знаниями сопровождалась ростом разнообразных внешкольных средств просвещения и самообразования. Одним из таких средств было распространение книг среди населения. Дореформенная Россия почти не имела публичных библиотек и читален. Демократический подъем 60-х годов и новые общественные запросы дали большой толчок библиотечному делу. Если в начале 60-х годов во всей России насчитывалось лишь 280 библиотек, то в 1887 году их было уже 738, в 1894 году — 862. Большую роль в продвижении книги сыграло земство. с 80-х годов начавшее открывать бесплатные народные библиотеки. К концу столетия земства содержали около 3000 таких небольших библиотек, где можно было получить книги для чтения¹².

В Пензенской губернии первые попытки организации библиотек относятся к дореформенному времени. Так, в 1837 году на частные пожертвования в Пензе была открыта публичная библиотека, но из-за отсутствия средств на ее содержание она просуществовала недолго. В 50-х годах в городе действовала частная библиотека

¹⁰ П. М а к с я ш е в. Наш В. Г. Белинский. Пенза, 1961, стр. 49—50.

¹¹ «Обзор Пензенской губернии за 1900 г.», стр. 45—47.

¹² «Очерки истории СССР. 1861—1904». Под редакцией С. С. Дмитриева, М., 1960, стр. 404.

Виноградова, имевшая свыше 70 читателей¹³. Небольшими библиотеками располагали гимназия, дворянский институт.

В пореформенный период число библиотек и выдаваемых ими книг растет. В 60-х годах усилиями прогрессивных кругов и отдельных лиц были созданы библиотеки при некоторых учреждениях. Например, М. Е. Салтыков-Щедрин, служивший в то время в Пензе управляющим Казенной палатой, организовал библиотеку для сотрудников палаты. Открылись новые частные библиотеки, которые выдавали книги за определенную плату. Привлекала внимание частная библиотека Иванова в губернском городе. В ней можно было получать наряду с другой литературой сочинения В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и других революционно-демократических писателей, а также произведения некоторых прогрессивных западноевропейских авторов. Как известно, в библиотеке Иванова брали книги участники пензенского народнического кружка Войнаральского—Рогачева.

Развитие просвещения, возросший интерес людей к книге привели к оживлению библиотечного дела. В 1890 году в Пензе образовалась группа лиц во главе с врачом В. М. Мануйловым, поставившая перед собой задачу организовать к 50-летию со дня гибели М. Ю. Лермонтова публичную библиотеку его имени, которая была открыта 1 октября 1892 года. Ее книжный фонд насчитывал 5 тысяч томов, в том числе были дарственные произведения Л. Н. Толстого, А. Н. Майкова, Ф. М. Достоевского, полученные от вдовы писателя, Эмиля Золя и других авторов¹⁴.

Пензенская библиотека одна из первых в России стала носить имя мятежного поэта. Созданная усилиями передовой пензенской общественности, она играла важную культурно-просветительную роль. В 1895 году правление библиотеки открыло для городской бедноты бесплатную публичную библиотеку-читальню. Через три года этой библиотеке было присвоено имя В. Г. Белинского. Она пользовалась у населения большой популярностью.

¹³ «Материалы для географии и статистики России», ч. II, стр. 177 — 179.

¹⁴ «Пензенские губернские ведомости», № 268, 15 декабря 1892 г.

стью. Хотя количество книг немногим превышало 2300 томов, число читателей составляло 1839 человек. Половина из них приходилась на крестьян и рабочих, остальную часть составляла учащая молодежь и мелкие служащие. За год производилось свыше 30 тысяч книговыдач. Бюджет читальни складывался в основном из пожертвований, сборов с концертов, спектаклей, устраиваемых силами общественности¹⁵.

В то же время организацией библиотек занялись земские учреждения. В 1895—1897 годах земством было открыто 10 первых библиотек при сельских училищах. В них числилось около 3 тысяч читателей. Людей интересовали практически полезные книги, произведения русских писателей: Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Толстого, Гоголя, Григоровича, Чехова, Короленко. В конце века земство приняло решение открыть еще 10 библиотек, которые в честь 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина стали именовать «Пушкинскими».

Как видим, общее число библиотек в нашем крае было невелико. Но они играли заметную роль во внешкольном просвещении и самообразовании народных масс. Их деятельность оказывала положительное влияние на развитие культуры городского и сельского населения губернии.

В царской России просвещение и культура развивались в трудных условиях. Правительство и представители господствующих классов ставили многие препятствия в этом направлении. Но русские люди, ученые, писатели, проникнутые стремлением служить своей Родине, самоотверженно работали и своими трудами внесли большой вклад в мировую культуру.

Среди людей, прославивших отечественную науку, видное место занимали наши земляки. Одним из них был уроженец села Жадовки (ныне село Яблочково Бековского района) электротехник-изобретатель Павел Николаевич Яблочков. Он сконструировал первую в мире дуговую электрическую лампу, так называемую «свечу Яблочкова», которая стала применяться для освещения. Такими «свечами» были освещены в 1876—1878 годах улицы Петербурга, Парижа, Лондона, Берлина, Мадрида и других городов. «Русским светом» называли изо-

¹⁵ П. Максяшев. Указ. соч., стр. 66—67.

бретение Яблочкова во всем мире. Впоследствии эту «свечу» по предложению другого изобретателя А. Н. Лодыгина заменили с большим успехом электрическими лампами накаливания. «Если затем электрическое освещение получило кредит в обществе, если прогресс его,

П. Н. Яблочков.

поддерживаемый доверием и средствами публики, пошел затем гигантскими шагами, если на усовершенствование этого освещения устремились тысячи работников, между которыми фигурируют знаменитые имена Сименса, Жамена, Эдисона и др., то во всем этом мир обязан нашему соотечественнику Яблочкову», — писал в 1880 году выдающийся русский электротехник В. Н. Чиколев.¹⁶

П. Н. Яблочков является автором ряда других изобретений. Он создал трансформатор переменного тока, без которого не обходится ни одна современная электро-

энергетическая установка, сконструировал несколько типов динамо-машин.

Последние годы своей жизни П. Н. Яблочков жил в городе Сердобске и имел там рабочую лабораторию. (Дом, в котором он трудился, до нашего времени не сохранился)¹⁷.

Крупными учеными являлись братья Андрей Николаевич и Николай Николаевич Бекетовы. Родились они в селе Алферовке Пензенского уезда. Оба окончили Казанский университет. Первый из них всю свою жизнь посвя-

¹⁶ См. «Очерки истории СССР. 1861—1904». Под редакцией С. С. Дмитриева. М., 1960, стр. 414—415.

¹⁷ С. Петров. Генеральный земляк. — «Пензенская правда», 23 декабря 1956 года.

тил изучению растительного мира, был выдающимся ботаником, принимал активное участие в организации Петербургских высших женских курсов, являлся вице-президентом Вольного экономического общества.

Н. Н. Бекетов стал известным специалистом в области физико-химии. Он впервые в 1865 году открыл восстановление металлов из их окислов алюминием, положив начало алюминотермии, имеющей важное научное и промышленное значение. Николай Николаевич явился основоположником развития современной физической химии.

Тесно связана с Пензенским краем жизнь выдающегося русского врача-терапевта, основателя Московской терапевтической школы Григория Антоновича Захарьина. Родился он в 1829 году в селе Вирге Нижнеломовского уезда. Сначала окончил Саратовскую гимназию, а в 1852 году медицинский факультет Московского университета, где в 1869 году стал профессором и директором факультетской терапевтической клиники.

Г. А. Захарьин впервые в медицинской практике разработал учение о зонах повышения чувствительности кожи при заболеваниях внутренних органов, дал оригинальную теорию особой формы хронического малокровия — хлороза, развил многие вопросы, связанные с общим лечением больного.

Умер Г. А. Захарьин в 1897 году. Свои сбережения он передал по завещанию на постройку школ в Пензенской и Саратовской губерниях.

В Пензенском крае жили, учились, работали основоположник педиатрии Н. Ф. Филатов, крупнейший языковед Ф. И. Буслаев, историк В. О. Ключевский, писатели В. А. Слепцов, А. И. Куприн, М. Н. Загоскин, художник К. А. Горбунов и многие другие.

Подъем общественного и революционного движения в стране оказал решающее воздействие на развитие искусства — театра, музыки, живописи. Характерной чертой передового русского искусства второй половины XIX века был суровый, беспощадный реализм в изображении народной жизни. Русские художники, композиторы, артисты, показывая в своем творчестве тяжелое положение трудящихся масс, обличая царизм, пробуждали веру в могущую силу народа, боровшегося за свое освобождение.

В развитие искусства XIX века внесли свой вклад и пензенцы.

В середине и второй половине XIX века в Пензе сохранился драматический театр декабрист И. Н. Горсткин. В это же время держали антрепризы Далматов, Вехтер, Дубовицкий и другие. Однако театральные зрелища были недоступны для трудящихся масс.

Большой заслугой передовой местной общественности было создание в Пензе в конце столетия народного театра, которому впоследствии, в 1911 году, было присвоено имя В. Г. Белинского. За неимением помещения было решено на «Верхнем гулянье» (ныне городской парк им. В. Г. Белинского) соорудить открытую сцену, для чего по подписке собрали 105 рублей. 15 мая 1896 года театр был открыт пьесой А. Н. Островского «Бедность не порок». В первый же год было дано 20 любительских спектаклей, обслужено 13,5 тысячи зрителей, в том числе — 3 тысячи бесплатно. В следующем году число представлений возросло до 35.

Несмотря на строгий надзор полиции и стеснения цензуры, народный театр стал важным средством просвещения населения. В конце XIX — начале XX века он познакомил зрителей с классическими произведениями русской и мировой драматургии. На его подмостках выступали лучшие актеры русской сцены П. М. Садовский, Е. В. Гельцер. Здесь начинали свой творческий путь актер Яков Орлов-Чужбинин и выдающийся режиссер В. Э. Мейерхольд.

Пензенский народный театр был одним из лучших театров подобного типа в России. Он содействовал возникновению драматических театров и кружков в Кузнецке, Мокшане, Городище, Чембаре¹⁸.

Пенза являлась одним из провинциальных музыкальных центров дореволюционной России и особенно славилась хорами. В 1881 году здесь было учреждено местное отделение Русского музыкального общества. Оно явилось инициатором основания в 1882 году Пензенского музыкального училища — одного из первых в России. С этими учреждениями связана деятельность в Пензе ряда талантливых музыкантов-хоровиков.

Двадцать семь лет, начиная с 1882 года, руководил

¹⁸ См. «Пензенский городской вестник», 1911. №11—13.

музыкальным училищем крупный педагог, пианист Л. С. Шор. Он подготовил более 2,5 тысячи музыкантов. По его инициативе были открыты бесплатные музыкальные классы, где могли обучаться дети из бедных семей. Большую роль в развитии хоровой культуры сыграл Алексей Васильевич Касторский, работавший в Пензе также с 1882 года. Он создал несколько хоровых коллективов и одним из первых ввел в хор женские голоса, расширив этим его возможности и обогатив звуковую палитру¹⁹.

Пензенцами были видные мастера хорового искусства А. А. Архангельский и А. В. Никольский. Первый из них родился в селе Тезиково Наровчатского уезда, руководил хорами в Пензе, а с 1870 года работал в Петербурге. В 1921 году ему было присвоено звание заслуженного артиста республики. Уроженец села Телегина А. В. Никольский долгое время возглавлял хоровое отделение Пензенского музыкального училища. Впоследствии он стал профессором Московской консерватории.

Пензенский край был родиной ряда выдающихся певцов-исполнителей. Одним из них был уроженец села Устье Наровчатского уезда П. А. Хохлов, с 1879 по 1900 год солист Большого театра, талантливый исполнитель роли Евгения Онегина. Его мастерство и дарование высоко ценили А. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, Ф. И. Шаляпин.

Другой известный оперный певец А. А. Державин родился в селе Любятино Пензенского уезда. Он великолепно исполнял роли Еремки в опере Серова «Вражья сила» и Кончака в опере Бородина «Князь Игорь». По отзыву поэта-земляка А. А. Богданова певец обладал прекрасным мощным басом, удивлявшим даже самых взыскательных слушателей, глубоко понимал роли, умел отлично гримироваться.

Развивалось в Пензе и изобразительное искусство. В середине XIX века возникли частные рисовальные школы Макаровой и Галактионова. Некоторые представители имущих классов занимались собиранием картин. В 1889 году в городе открылась первая выставка произведений «передвижников». На ней были представлены работы Маковского, Мясоедова, Клодта, Шишкина, Поленова.

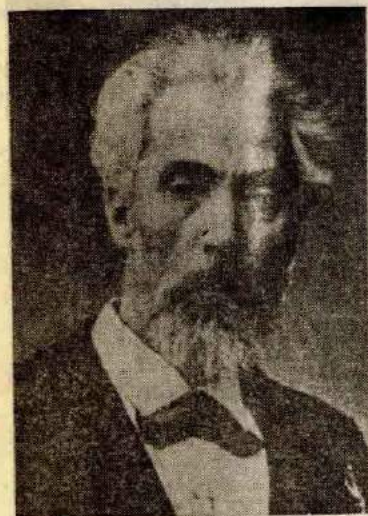
¹⁹ См. Н. Крейер. Композиторы Пензы. Пенза, 1959.

Через три года прибыла вторая передвижная выставка картин.

В 1897 году в Пензе было закончено строительство здания художественного училища, готовилось его открытие. На должность директора училища Академия художеств пригласила известного художника-передвижника К. А. Савицкого. Официальное открытие Пензенского художественного

училища состоялось 2 февраля 1898 года. В первые годы здесь работали преподавателями художники Н. К. Грандковский, К. А. Жуков, П. И. Корвин, известный скульптор К. А. Клодт.

Несмотря на большую подготовительную работу, без финансовой помощи государства учебный процесс в училище налаживался медленно. «Душа изнывает по многим и многим вопросам училища, — писал К. А. Савицкий. — Одна из самых острых болячек — это бедность учеников. Нужда ужасающая, и в Пензе

К. А. Савицкий.

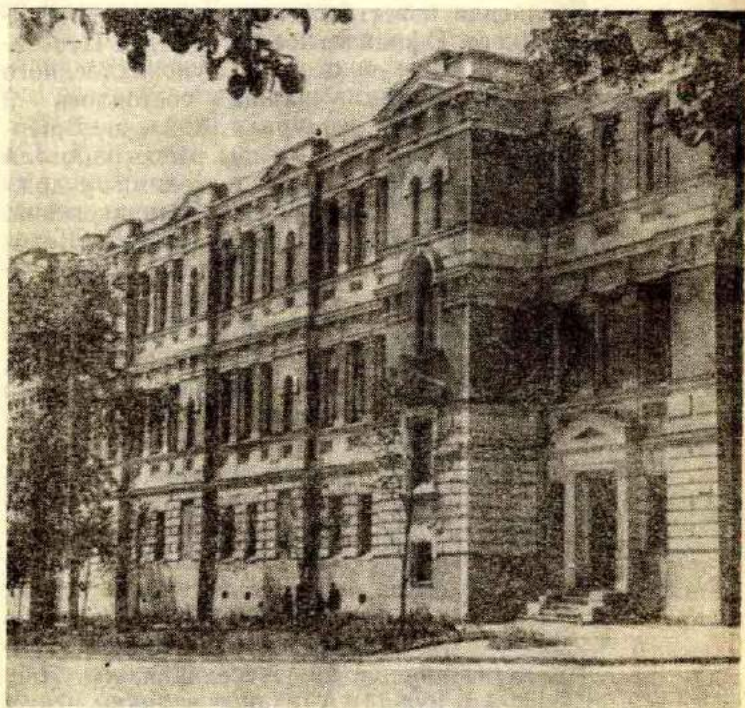
мало отзывчивых к нуждам училища, задачам искусства — трудно помочь этому горю»²⁰.

Стараниями К. А. Савицкого Пензенское художественное училище не только могло продолжать работу, но и готовить крупных мастеров искусства. Под руководством Константина Аполлоновича в училище выросли такие видные художники, как Г. К. Савицкий (сын К. А. Савицкого), Фалилеев, Кучумов, Дроздов, Горелов, Татлин, Лентулов. И не удивительно, что Пензенское художественное училище называли «Провинциальной академией художеств».

Много сил отдал К. А. Савицкий созданию в Пензе

²⁰ Пензенский краеведческий музей. Научный архив.

картинной галереи. Благодаря его заботам, в ней есть полотна Мясоедова, Крамского, Верещагина, Корзухина, Поленова, Васнецова и других выдающихся русских живописцев.

Здание Пензенского художественного училища.

Развитие капитализма привело к известным переменам в культурно-бытовом укладе жизни. В 90-х годах на некоторых промышленных предприятиях Пензы (на фабрике Сергеева и др.) появилось электрическое освещение, вошел в строй городской водопровод, была установлена телефонная связь, даны первые киносеансы.

В конце столетия передовая пензенская общественность вопреки противодействию официальных кругов отметила две памятные даты: в 1891 году — 50-летие со дня гибели М. Ю. Лермонтова, а в 1898 году — 50-летие

со дня смерти В. Г. Белинского. На средства, собранные по подписке, был установлен памятник в честь великого русского поэта, нашего земляка М. Ю. Лермонтова. Автор бюста — И. Г. Гинцбург. Открытие памятника состоялось 17 мая 1892 года. Сквер, в котором он был установлен, стали называть Лермонтовским.

Итак, успехи просвещения в Пензенской губернии, как и во всей России, за три—четыре пореформенные десятилетия весьма заметны. Однако образование, лучшие достижения культуры были доступны меньшинству населения, главным образом людям имущих классов.

Трудящиеся и эксплуатируемые массы продолжали оставаться в темноте и невежестве. В. И. Ленин писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России. И эта одичалость народных масс, в особенности крестьян, не случайна, а неизбежна при гнете помещиков...»²¹.

Русский царизм, правящие круги были глухи к нуждам народа. Все достижения в области просвещения и культуры они старались использовать в интересах укрепления существующего строя.

* * *

Меры царизма, направленные против передового общественного и революционного движения, не могли приостановить ход исторического развития России, которая в то время быстро шла к революции. С середины 90-х годов начался третий период освободительного движения — пролетарский. Возникший и сформировавшийся в пореформенный период пролетариат явился могучей общественной силой. Он становится руководителем крестьянства и всех трудящихся нашей страны в их общей борьбе за уничтожение феодального и капиталистического гнета.

В революционном движении масс, возглавляемом рабочим классом и его партией, принимали участие и трудящиеся Пензенской губернии. Наличие тяжелых остатков крепостничества, капиталистический гнет, разорение и нищета большинства населения, произвол адми-

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.

нистрации — все это чрезвычайно обостряло классовые противоречия, приводило к ожесточенной борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров, что находило свое выражение во многих массовых выступлениях в губернии против существующего строя.

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная под руководством Коммунистической партии, ее гениального вождя В. И. Ленина, навсегда покончила с помещичьей и капиталистической эксплуатацией, открыла трудящимся путь к новой жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Наш край в далеком прошлом (В. А. Калмыкова)	3
II. Пензенский край в период господства монголо-татарских завоевателей (XIII — первая половина XVI в.) (В. И. Лебедев)	12
III. Пензенский край во второй половине XVI—XVII века (В. И. Лебедев)	18
Заселение и оборона края	19
Развитие феодально-крепостнических отношений	26
Участие народных масс Пензенского края в крестьянской войне под руководством Степана Разина	33
Колонизация края в конце XVII века	38
IV. Пензенский край в XVIII веке	41
Социально-экономическое развитие (Г. Ф. Винокуров)	41
Участие народных масс Пензенского края в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева (Г. Ф. Винокуров)	49
А. Н. Радищев (Е. Я. Дмитрук)	63
Культура и быт населения края в XVIII веке (Г. Ф. Винокуров)	67
V. Пензенская губерния в первой четверти XIX века	72
Социально-экономическое развитие (В. С. Годин)	72
Классовая борьба в начале XIX века. Восстание ратников Пензенского ополчения в 1812 году (В. С. Годин).	75
Усиление классовой борьбы после Отечественной войны 1812 года. Декабристы-пензенцы (В. И. Лебедев)	86
VI. Пензенская губерния накануне падения крепостного права (А. Ф. Дергачев)	97
Кризис крепостного хозяйства	97
Крестьянское движение в губернии в предреформенный период	115
VII. В. Г. Белинский, Н. П. Огарев, М. Ю. Лермонтов и Пензенская земля	126
В. Г. Белинский (П. Ф. Махсяшев)	127
Н. П. Огарев (Е. Я. Дмитрук)	140
М. Ю. Лермонтов (В. П. Арзамасцев)	151
VIII. Падение крепостного права. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 60-х годах (А. Ф. Дергачев)	163
Реформа 1861 года	163
Крестьянское движение в губернии в 1861 году	171
Движение крестьян в Чембарском и Керенском уездах.	
Кандиевское восстание	172
Крестьянские волнения в 1861 году в других уездах губернии	
Крестьянское движение в губернии в 1862—1863 годах	188
Крестьянское движение в 1864—1869 годах	193
Крестьянское движение в 1864—1869 годах	203
IX. Общественное движение в Пензенской губернии в конце 50—60-х годов (А. Ф. Дергачев)	209
Начало разночинского движения в Пензенской губернии	210
Деятельность И. Н. Ульянова в Пензе, В. И. Захаров и другие учителя-демократы	213
И Ишутинцы, Д. В. Каракозов	229

X.	Социально-экономическое развитие Пензенской губернии в пореформенный период (60—90-е годы) (И. Г. Сумерин)	238
1/	Развитие промышленности и положение рабочих	238
2/	Сельское хозяйство и положение крестьян	250
XI.	Деятельность революционных народников в Пензенской губернии (А. Ф. Дергачев)	260
	«Народническое движение в первой половине 70-х годов Пензенский народнический кружок конца 70-х — начала 80-х годов	261
		283
XII.	Первые марксистские кружки в Пензе (В. Ф. Морозов)	291
XIII.	Пензенский период революционной деятельности В. А. Карпинского (В. И. Лебедев)	305
3	XIV. Культура Пензенской губернии во второй половине XIX века (В. А. Мочалов)	311

Коллектив авторов

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

С древнейших времен до конца XIX века

Редактор П. Ф. Максяшев
 Обложка художника А. П. Денисова
 Технический редактор Е. Д. Воронкова
 Корректор А. А. Канифатьева

ФЛ04001. Сдано в набор 11/VII-1972 г. Подписано к печати 15/I-1973 г. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типограф. № 1. Усл. печ. 17,22. Уч. изд.-л. 16,56. Тираж **500**
 Заказ 6543. Цена 1 руб. 13 коп.

Приволжское книжное издательство.
 Пензенское отделение. Пенза. К. Маркса, 16

Типография изд-ва «Пензенская правда»
 Пензенского обкома КПСС

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
168	3 снизу	Таким образом, 30,9 процента общего количества	Такие душевые наделы не могли обеспечить
186	13 сверху	Их них	Из них
327	5 сверху	века	веке
327	5 снизу	годов	годах
328	4 снизу	Тираж 8000	Тираж 5500

К зак. 6543

Цена 1 руб. 13 кст.